

БОРИС САПУНОВ

ГОДЫ И СУДЬБЫ
Автобиографические очерки

Москва–2008

«Всякий дар совершенный
исходит свыше, от отца
Светов»
(Исх. 1,17)

«Мне хотелось бы, чтобы меня
некоторые помнили, но отнюдь не хва-
лили: и только при условии, чтобы
помнили вместе с моими близкими.
Без памяти о них, об их добrote, о
чести – я не хочу, чтобы и меня
помнили»

(В.В.Розанов)

ГОДЫ И СУДЬБЫ (Ностальгические очерки)

ВСТУПЛЕНИЕ

На свет он появился 28 сентября 1921 года в Алексеевке – на Волге, Но зародился, как и положено и как это принято в восточной традиции,¹ в конце двадцатого года в Баку. Слухи о нефтяном Эльдorado на промыслах английских, французских и российских предпринимателей, где можно было заработать хорошие деньги, подвигли тысячи и тысячи жителей Поволжья на Каспий – благо путь по воде и тогда был не долгий. Среди них была пара молодоженов – Наталья и Виктор Лобановы. Но их судьба оказалась трагичной – муж, работавший на промыслах в Черном городе, не выдержал дымно-мазутного воздуха, заболел туберкулезом и скончался. Вскоре умер и первый ребенок – дочка трех лет.

Неприкаянной и одинокой, Наталье предложил выйти за него (по тем временам гражданским браком) друг мужа, рабочий, член партии большевиков, принимавший активное участие в бурных, революционных

---

¹ По стародавнему восточному обычаю принято говорить о себе в третьем лице – не «я», а «он», т.к. человек еще не родился (см. Гусейнов Чингиз. Доктор N. M., 1998, посвященной Бакинским событиям).

событиях 1918-20-х гг. в Баку, Сапунов Михаил Ефимович. В начале 1921 г. он был избран делегатом II-го конгресса III-го коммунистического Интернационала, а затем I-го Всероссийского съезда Горнорабочих России (о чем я расскажу позднее). Уезжая в Москву, он предложил матери поехать с ним. Согласись, неизвестно, как бы сложилась ее жизнь. Но, во-первых она была уже беременной; во-вторых, с родины сообщали, что на Волге голод. Только что закончилась гражданская война, в Баку враждуют тюркские и армянские националисты, вмешиваются англичане. И, несмотря на еще пылающий Каспий, (здесь только что английскими интервентами были арестованы и расстреляны 26 бакинских комиссаров – соратников Сапунова по Коммуне–Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов и др.), – на Волге бушует разруха транспорта. Тем не менее она едет в Алексеевку спасать родителей, младших братьев и сестру, родственников от неминуемой гибели.

Сейчас невозможно представить, как этой слабой, беременной женщине, используя на обмен какие-то вещи, приобретенные в Баку, в тяжелых поездках по заволжским селам в хлебные места, сохранить жизнь семьи. А осенью родился сын, его окрестили в еще не разрушенном храме, назвав Борисом, а по отцу – Михайловичем. Это и был Я, который на склоне решил возвратиться к минувшему.

Все проходит на грешной земле. Бегут года, одна эпоха сменяется другой, создаются и уходят в небытие блестящие теории и идеи, но остается земля, которая тебя родила и вскормила – отчизна, которая постоянно живет в твоей душе, и чем ни больше становится лет, тем настойчивее требует вылиться в слове с тем, чтобы осмыслить судьбы твоей родины, твоих близких, тебя самого, твоих взлетов и падений, твоих, понять наконец, подлинные истоки жизни, которую ты прожил, ее уроки, которые, может быть, станут в какой-то степени полезными для новых поколений. В XX веке, после революции мы рано созрели, в чем-то

мальчишками остались до сих пор. Может быть об этом как раз и свидетельствуют эти очерки.

Дай-то мне, Боже сил и здоровья, незамутненной памяти, чтобы на достойном уровне осуществить (со-вершить, за-вершить) их.

Часть первая

СУДЬБОНОСНЫЕ¹ ИСТОКИ ЖИЗНИ

Где-то у В.С.Библера, известного нашего лингвиста я прочел, что культурно-нравственное (всегда личностное в отличие от морального) сознание общества складывается исторически в виде годовых колец дерева, накладывающихся друг на друга по мере его роста. Еще более очевидно это относится к индивиду. Наверное, родная природа, ее совершеннейшая красота стала одним из ранних и прочных колец в дереве моей судьбы.

Очерк первый

Природа. Волжская Швейцария

Волга! Волга! В самом звучании этого слова чувствуется что-то не обычное, широкое и глубокое, даже сказочное. Кажется, что это не просто географическое понятие и, пожалуй, даже не столь географическое, сколь историческое и легендарно-мифологическое. Поражаться ее красоте и величию естественно тому, как я, кто родился, провел на ее берегах все детство и юность, служил в ряде ее городов – Саратове, Самаре

---

¹ Судьба – определение возвышенного (Псал. 35, 7) участь, определенная человеку Богом. (Полн. Центрально-славянский словарь). М., Тера. 1998, т.2, с.680.

(Куйбышеве), Ульяновске, Казани, имел счастье по прошествии многих лет посетить и хоть на короткое время попить ее воды.

Волге посвящено бесчисленное множество народных песен и баллад, художественных произведений литературы и живописи, музыки перечислить которые невозможно. Приведу лишь одно высказывание мало известного современному поколению человека, революционера и писателя, государственного деятеля 20-х годов, представителя другого этноса, писателя Наримана Нариманова, лишь один миг увидевшего Волгу.

«Это не Кура или Терек – бурные, шумные, пенящиеся. Вечен ход Волги – бесшумной, огромной, широкой, гладкой, прекрасной, ласковой, величавой. Особенно хороша она при луне! Ее легкие, ласковые крошечные волны в лунном свете подобны милым, приветливым глазам красавицы с чистым сердцем и ясной душой, все существо которой полно любви. Всмотритесь в эти серебристые волны пристальнее: пропадет одна, на ее месте сверкнет другая, будто стыдливая красавица то вскидывает на вас очи, то опускает их долу...»

Привел эти слова другой азербайджано-русский писатель Чигиз Гусейнов, назвавший в своей книге «Доктор N» Волгу ее народным именем «матушка».¹ «Матушка» – это редчайшая из рек, получившая такое подлинно народное, можно сказать самое интимное наименование у многих народов России – русских, татар, чувашей, мордвин и др.

Она была и остается кормилицей не только для тех, кто живет на ее берегах, но и всей России. С незапамятных времен отсюда шли и идут лес и металл, хлеб и рыба, шерсть и полотно, – а что на сегодняшний день – и перечислить невозможно. Но главное она всегда была знаменита людьми, которые жили на ее берегах и бесчисленных притоках.

Вместе с тем, Волга – Центральная Рокада России, связующая ее земли с самого Северо-запада до Юго-востока. Вряд ли когда-либо будет

---

¹ Гусейнов Ч.Г. Там же, с.130.

создана полная картина истории движения по ней людских масс и грузов, которые, начиная с бурлацких артелей и парусников, весельных лодок и баркасов, и кончая современными паровыми и дизельными судами, скоростными полусамолетами на воздушной подушке, непрерывными потоками бороздили и бороздят ее воды. Но у каждого кто сколь-нибудь долго в определенное время жил на ее берегах и плавал в ее водах на разного рода судах – от простых грузовых буксиров до пассажирских красавцев и метеоров никогда не забудет тех впечатлений, которые он получал от Волги не только как о поразительной красавицы, но бесконечной труженицы, не знающей отдыха ни днем, ни ночью.

Несколько позже я вернусь к роли Волги в жизни моего родного поселка, сейчас же вспомнилось начало Великой Отечественной войны. Очевидно, советское правительство все транспортные перевозки Север–Юг Центральной России, возлагая на Волгу, не позаботилось построить железную дорогу вдоль ее берегов, связав в единое целое все области огромного волжского бассейна, и, конечно, не могло и предполагать, что война может дойти почти до центра страны – ведь собирались быть врага на его территории!

Так вот я во время Сталинградской битвы после ранения на Белорусском фронте был зачислен курсантом в Саратовское танковое училище (здесь же получил звание лейтенанта). Город и тем более несколько училищ, воинских соединений и штабов оказались практически в прифронтной полосе (правительство в это время устраивалось в городе Куйбышеве на Волге).

Здесь мы рыли окопы на южных подступах к городу на случай внезапного прорыва немцев от Сталинграда, тушили пожары, возникающие на нефтезаводе в результате ночных налетов фашистских самолетов. Нередко вместе с поздравлениями, направлявшими на фронт, мы грузили на баржи орудия, танки, пулеметы и сопровождали их в пути,

помогали при разгрузке на берег под огнем противника и нередко вступали в бой. Нас Бог спас, но мы видели, как под бомбами живыми факелами прямо на реке пылали баржи с оружием, техникой и людьми. Однако память имеет свои законы – все страшное и трагическое забывается, а радостное остается на долгие годы. Навечно в памяти – светлые воды реки, поселок на ее берегу, где ты имел счастье появиться на свет. Удивительно, что Алексеевку я не могу мыслить без Хвалынска, как сестру без брата. И это не только потому, что он ближе по расстоянию других городов (22 км.) и не потому, что он наш районный центр – Вольск тоже был когда-то уездным центром, куда входило наше село, и он больше, хозяйственно значимее, но не лежало и не лежит ныне к нему душа цементная пыль, тайные химические склады оружия, наконец, тюрьма, в которую не только сажали в 20-30-х гг., но и там расстреливали.¹ Балаково – еще ближе Вольска, бывший заштатный городишко с постоянными песчаными ветрами, застилавшими глаза, с паршивенькой пристанью, а ныне (О!) – плотина, атомная станция, химическое и иное производство, свой депутат и т.д. – сплошная гордость. Но не лежит сердце, тем более, что балаковский капитал, кажется успешно завоевывает нашу Алексеевку.

Но чем больше изучаешь материалов, посвященных Хвалынску и Алексеевке, тем яснее осознаешь подчас рационально необъяснимое, мистическое единство их судеб и, как это ни странно, свою собственную жизнь начинаешь рассматривать в ракурсе их незримого влияния.

Можно утверждать, что корни их единства уходят далеко в доисторические времена. В совершенно великолепной статье директора Хвалынского краеведческого музея, помещенного в одном из сайтов Интернета Виктора Непочатых говорится, что в результате многочисленных исследований в Волго-Уралье определились контуры

---

¹ Последний раз после ареста я видел свою мать именно в Вольской тюрьме, после чего их угнали в Пермский Гулаг, где она в 1938 году и скончалась.

новой культуры – «Хвалынская» в числе экспонатов, обнаруженных в ее пределах числятся и те, кто обнаружены в Алексеевке. Привожу полностью характеристику некоторые из черт этой культуры.

Обнаружение именно здесь следов деятельности человека эпохи палеолита, останков человека неандертальского типа объясняется условиями, которые сложились в эпоху оледенения. Небольшая территория была коридором, оставленным Хвалынским (Каспийским) морем и ледниками. Здесь странствовал человек вслед за животными, останки которых представлены в хвалынских находениях. Сменившие мамонтов археологические культуры отмечены слитными элементами лесных и степных культур, соединенных условиями пограничной зоны в пестрый, с трудом поддающийся разматыванию клубок. Крупнейший в Европе Хвалынский энеолитический могильник IV тысячелетия до н.э., раскопанный под руководством исследователя Поволжья и Приуралья И.Б.Васильева, имеет обширную историографию, публикации в Германии, Франции, Англии, Греции и других странах.

Что касается времен исторических, то наш регион Хвалынска–Алексеевки в особенности, может служить великолепной иллюстрацией известного положения Л.Н.Гумилева о влиянии ландшафта на образ жизни людей. Их природные условия будто списаны один с другого. В этом отношении нам повезло – достаточно посмотреть на полотна нашего великого земляка Кузьмы Петровича Петрова-Водкина, на его поразительное художественное открытие, навеянное родной природой – «сферическую перспективу», чтобы убедиться в этом.¹

---

¹ Есть данные, что Петров-Водкин некоторое время жил и в Алексеевке и здесь, если не писал свои картины, то во всяком случае делал наброски к ним.

Природе Хвалынска, кроме полотен и книги К.П.Петрова-Водкина «Хлыновск», посвящены много публицистических, художественных произведений, научных исследований (я еще вернусь к ним), а сейчас начну с более близкой моему сердцу Алексеевки, расположенной всего в 20 км. от райцентра. Сначала приведу в качестве официоза выдержку из путеводителя «Волга от Твери до Астрахани» (СПб., 1862 г.). Село Алексеевка выстроено очень правильно и расположено на правом берегу, на невысоком выдающемся вперед горном кряже, упирающимся в Волгу и окруженная горами, которые здесь зовут Девичьими, а южнее почему-то Армейскими. (См. схему 8а).

Теперь свое – Алексеевское – ее дома, с зелеными палисадниками, на фоне которых как на акварельных листах художника выделяются фантастические реликтовые дубы и сосны. Вид на панораму раскинувшихся у подножья садов, сливающихся с зеркальной водной гладью Волги и затона; затем полуостров (в весеннее половодье – «остров», каким зовут его местные жители) с громадными кронами осокорей (тополей) на песчаных гривах и, наконец, бескрайние степи Заволжья. – Все это завораживает и поражает воображение. И совершенно не с чем сравнить весеннее цветение садов – дальних и ближних – эту белую кипень, которая укрывает село и все его окрестности и где всюду заливаются в переключке соловьи. А на склонах гор в майские дни расцветают ландыши, и их нежный запах наполняет долину.

Здесь совершенно уникальный климат. С одной стороны – резко континентальный: температура зимой доходит до 40° , а летом поднимается до $+40^{\circ}$ и выше. Здесь произрастают теплолюбивые фруктовые деревья – яблони, вишни, чернослив и, наконец, виноград. Здесь созревают великолепные (не хуже астраханских) арбузы и дыни. Воздух в этой благословенной изумрудной подкове, созданной природой, чист и вкусен,

потому что те же ключи насыщают его ионами и придают ему ничем не сравнимую хрустальную чистоту а серебристые звезды кажутся огромными (как сказал поэт – «А воздух чист и свеж, как поцелуй сестры»), а млечный путь висит прямо над головой. Я еще был совсем малышом, а хорошо помню как бакинцы приезжали к нам на все лето подышать целебным воздухом и попытаться нашими фруктами, особенно черносливом, который, как вполне резонно утверждали, излечивал туберкулез.

В Хвалынске этот воздух еще до революции широко использовался в лечебных целях. При Советской власти мужские и женские монастыри были превращены в санатории. Как утверждают климатологи, здесь излечивают болезни сердечно-сосудистой системы, органов дыхания нетуберкулезного характера, различных форм неврастении. Основными лечебными средствами здравниц являются климатические условия. Атмосферное давление здесь понижено, температура очень устойчива, колебания ее по годам очень малы и в сочетании с нормальной влажностью воспринимаются благотворно. Главная особенность заключается в богатой ионизации воздуха (от 600 до 3 000 аэроионов в кубическом сантиметре воздуха). Особую ценность представляют целебные «черемшанские туманы» (аналогов которым нет), возникающие островками в санаторных ущельях. Об эффективности черемшанского лечения говорят многолетние результаты: 80-90% больных выписываются с нормальным давлением. Таким образом Хвалынск стал курортным городком.¹

О питьевой воде этого чудесного анклава природы надо сказать особо. Это одно из редких мест Поволжья (наверное, не только Поволжья), где бьют горные родники и, очищаясь меловыми отложениями, образуют

---

¹ См.: Непочатых В. Строка Души Великой (к истории Хвалынска).

ключи с прозрачайшей, как слеза, вкуснейшей водой, и сливаясь по нескольким долинам, впадают в Волгу.

Думаю, что немного найдется городков как Хвалы́нск (по крайней мере в России) с населением около 10 тыс., где еще в середине XIX столетия (в 1842 г.) был сооружен водопровод, который по цементным трубам подавал жителям кристально-чистую воду с Девичьих Гор. Но, пожалуй, еще более удивительно, что в конце того же века водопровод такого же типа был сооружен на селе – в нашей Алексеевке, правда не рабами, как в Риме, а уже свободными гражданами, но с помощью управляющего помещьем Воронцова-Дашкова Карла Карловича, о котором мы еще, если удастся, поговорим позже.

Но о хвалы́нско-алексеевских ландшафтах, об особенностях климата и вод, в том числе, целительных, которые, на наш взгляд, и в Хвалы́нске используются недостаточно (не Сочи ведь!), а в Алексеевке, кажется не используются вовсе, можно говорить бесконечно. Я хочу закончить этот очерк счастливым событием в моей жизни, которое непосредственно связано с Родиной. Я демобилизовался в 1979 г. и сразу с двумя сыновьями – младшим и старшим поехали в Алексеевку, чтобы здесь, если удастся, жить в летнее время и поближе изучить свой край, в котором столько лет жил в мечтах.

Не буду говорить о разочарованиях, которые буквально ошеломили меня уже по пути из Балакова, куда мы прилетели на самолете, а в Алексеевку плыли метеором. Конечно, запруженная плотинами, это уже не Волга, а «рукотворное море», сооруженное творцами «Великих строек коммунизма» без берегов, островов, некоторых сел наконец, пристани и нескольких улиц в Алексеевке. О хозяйственных выгодах и потерях говорить не буду – я не специалист. О нашем острове поговорю позже, но все же, слава Богу, ни горы, ни сады, ни родники никуда не делись – остались такими же какими я попытался изобразить их в начале. Дедушкин

(вернее, прадедушкин) дом снесен, мы купили другой, поближе к горам. Но я хотел все-таки сказать не об этом. В следующем году я как земляк, был приглашен – и был счастлив – на празднование 200-летия Хвалынского. Я, в свою очередь, естественно, взял с собой супругу и моего лучшего друга – Рожнова Владимира Евгеньевича с женой.¹

Здесь нас представили первому секретарю Горкома КПСС А.Н.Колосову, другим руководящим товарищам, а председатель правления Общества «Знание» (к сожалению не запомнил фамилии этого очаровательного человека) и директор музея краеведения Федор Григорьевич Пичиенко пригласили нас поехать в Черемшанский санаторий и, если возможно, выступить там с лекциями, одновременно отдохнув.

На праздновании, естественно, было много речей, но мне запомнился молодой человек, который читал стихи и прозу, приводил высказывания знаменитых русских поэтов и писателей, прошлого и современников о Хвалынке и Волге. Моя супруга записала некоторые из них на магнитофон.² Я посчитал, что будет интересно снова почитать их тем, кто за дальностью лет уже их запамятовал, и тем, кто не читал их в печатном виде. Для меня самого тогда это оказалось совершенной неожиданностью, и на всех произвело огромное впечатление.

Ну, разве это не сюрприз узнать, что в Хвалынке бывал великий русский поэт, который в дневнике за июнь 1837 г. записал: «В Хвалынке обращают на себя внимание «три довольно крупные горы, ароматный запах от больших садов» – это Василий Андреевич Жуковский. А вот запись другого великого писателя уже нашей эпохи Константина Федина: «Волга в русской жизни – как небо и воздух. Мы дышим Волгой, любим ее. Мы поем о ней самые сердечные песни. Мы учим детей на

---

¹ Рожнов Владимир Евгеньевич (1918-1995) доктор медицинских наук, профессор купил в Алексеевке дом, проводил здесь каждый год отпуск, помогал нуждающимся в лечении, стал почетным жителем Алексеевки.

² Моя супруга Сапунова-Руткина Калерия Кузнецова, журналист с многолетним стажем, – бывшая редактором в издательствах «Воениздата» и общества «Знание».

ее преданиях. Волга – родина удали, смелости, народной славы. Волга – родина русских гениев и талантов. С детства волжанин вспоминает о своей реке, как о самом прекрасном из всего, что ему дано на земле».

А это слова великого художника Петрова-Водкина: «Наши места благодаря разнообразию лесных пород и дружной осени обычно останавливают внимание приезжающих цветами пурпура и золота, а в иной год расцветка лесов поражает и сводит с ума даже самих хвалынцев».

А что уже говорить о нас, приехавших не осенью, а весной и прямо в Черемшаны – в горы, которые поразили нас совершенно невиданной белизной цветения ландышей, запах которых всем нам снится до сих пор.¹ А наш доктор – совсем не лирик, в качестве специалиста и туриста проехавший полмира, поднявшись на вершину одной из ландышевых сопок и обозревая открывшуюся панораму Волги, воскликнул – «Это же волжская Швейцария!»

Наши впечатления усилились при знакомстве с санаториями, расположенными в бывших уютных и вместе с тем прочных корпусах бывших монастырей, попили целебной водички, пообщались с отдыхающими.

Затем снова в городе – знакомство с другими историческими памятниками, музеями, редкими для районного центра – краеведческим и изобразительного искусства, с великолепными полотнами Петрова-Водкина, Боголюбова и других художников Саратовского края, встречи и беседы с хвалынцами – всех очаровало. К сожалению, в то время, о котором идет речь у руководителей города, да и музейных работников еще не было разговора о реставрации Дома-музея Петрова-Водкина. Его

---

¹ Не могу удержаться, чтобы не рассказать в связи с этим об одном эпизоде из моей жизни. Я служил на Дальнем Востоке, мне было всего 30 лет, но тамошняя вода и климат, соответствующее питание сделали свое дело – я получил тяжелую желчекаменную болезнь и мне в Хабаровске сделали сложнейшую операцию, от которой я долго не приходил в сознание. Когда же пришел – увидел женщину, которая принесла мне духи – «Ландыш серебристый» – и я пошел на поправку. Это одно из чудес в моей жизни, а запах ландыша и до сих пор со мной (хотя, кажется, эти духи у нас уже не выпускают, вышли из моды).

произведения, как полотна многих его земляков саратовских художников были выставлены в картинной галерее его имени. История восстановления Дома, начавшаяся в 80-х годах, его современный вид и деятельность под руководством директора Валентины Борозиной популярно рассказано в материале журналистки «Новой газеты» (№ 78.09.10.2008 г.). При всех полезных сведениях, которые приводятся в заметке (в частности, о деятельности историка Алексея Наумова и т.д.), от ее содержания создается впечатление о какой-то провинциальной запущенности в художественной жизни города, не упоминается ни о великолепном краеведческом музее, редким для работника центров страны, ни яркой жизни картинной галереи, о которой мы упоминали выше. Почему-то не говорится ни слова о недавних торжествах, посвященных юбилею великого художника. И все-таки нельзя не поблагодарить автора за обращение к жизни моего любимого города.¹ У меня же как земляка и человека долгие годы занимавшегося историей культуры еще и еще больше укрепилось сознание того, что я недаром пишу об истории и людях моего очаровательного края, о двух дорогих сердцу, связанных друг с другом поселениях – Хвалынске и Алексеевке с выходом на более широкую панораму истории северо-восточной Руси, Волжского региона, связанного и с усадьбами Москвы.

Очерк второй

Духовные истоки. Исторический экскурс.

Поставленная цель, сам жанр автобиографических очерков требуют определения взгляда на исторические события, исходящего из собственных убеждений. Смею утверждать, что такое взгляд выработался у автора в течение многих лет жизни, размышлений и научной

---

¹ Андреева Н. Призвание Красного коня. Новая газета. 9 октября 2008 г.

деятельности в ходе подготовки и чтения курса истории мировой и русской культуры в Вузе.¹

Большое, можно сказать решающее значение в этом оказали работы нашего гениального земляка, профессора Саратовского, а затем Петербургского университетов в дореволюционной России Георгия Петровича Федотова, вынужденного после революции, в середине 20-х гг., наряду с другими выдающимися деятелями нации, культуры, покинуть страну.² Особенную методологическую значимость в этом отношении имеет эссе Георгия Петровича «Россия Ключевского», включенное в двухтомную книгу «Судьба и грехи России».³ Анализируя творчество выдающегося русского ученого, Федотов формулирует и основные черты отечественной историко-философской мысли. Первая – это следование западно-европейским концепциям. «В конце XIX – начале XX в. практически, – пишет автор – западники торжествовали по всему фронту – торжествовали и в исторической науке».⁴ Вторая – это историософия господства социологизма, т.е. сведение всех событий прошлого к отношениям классов, социальных и этнических групп, деятельности прежде всего государственных деятелей-императоров, князей и бояр, преувеличение чисто военных, насильственных и экономических методов расширения территорий в том числе Московского государства. Наконец, третья. Г.П.Федотов, прямо говоря о целостной исторической русской философии, поражаются исключением из ее содержания духовной культуры; упоминание о шедеврах храмового искусства, о религиозных деятелях не дает нам основание считать, что даже Ключевский ценил

---

¹ См.: Сапунов Б.М. Очерк истории российской культуры // Культурология телевидения. М., 2001, с. 171-285.

² Интересный очерк о жизни Г.П.Федотова. См.: Гусакова Зоя «Разочарованный в революциях // Памятники Отечества. Сердце Поволжья № 30 (1-2) 1998, с.148-150. Более подробную научную биографию Г.П.Федотова. См.: Киселев А.Ф. Страна грез Георгия Федотова. М., Лотос. 2054. Здесь же список других работ современных авторов.

³ Федотов Г.П. Судьба грехи России. Ст. в 2-х тт. М., 1998.

⁴ Там же, т.1, с.334.

древнерусское искусство».¹ Еще меньше ценили его современники последователи выдающегося историка. Советские же ученые, руководствуясь атеистической идеологией, вообще игнорировали его.²

Ныне уже официально признана духовно-религиозная составляющая исторических процессов, богословские работы свободно издаются наряду с научно-позитивистскими. Однако, традиционный разрыв между этими системами освоения и осмысления прошлого еще далеко не преодолен. В подавляющем большинстве исторических работ по-прежнему рассматривают главным образом политические, социальные, хозяйственно-экономические процессы, а духовная жизнь затрагивается вскользь или опускается вовсе. Это особенно относится к работам, касающимся истории регионов. Хвалынские и саратовские историки и искусствоведы кажется идут впереди прогресса – особенно это касается сотрудников музеев, о работах которых мы уже упоминала и будем упоминать далее. Но мне представляется, что писать о себе, своих близких, о встречах со многими современниками, не затронув духовные и национально-специфические исторические истоки нашего современного бытия, значит обкрадывать себя и искажать картину нашей жизни в прошлом и настоящем.

Хвалынск и Алексеевка – ровесники – их имена известны, по крайней мере, с XVII-XVIII веков. Но корни уходят в более глубокую историю одной из самых трагических и вместе с тем героических эпох борьбы с татаро-монгольским нашествием и формированием государственных и духовных основ России во главе с Москвой (XIV-XVI века). История, как известно, не бывает никогда только прошлым – ее отзвуки так или иначе, в разной степени значимости дают о себе знать и в настоящем. Может быть одним из самых острых проблем нашей

---

¹ Федотов Г.П. Россия Ключевского. Там же.

² Рассмотрение древнерусской живописи было делом редких искусствоведов и литературоведов – М.В.Алпатова, Д.С.Лихачева и др.

современной жизни, истоки которой в той или иной степени соприкасаются с событиями той далекой эпохи и последующей историей страны, – это национально-этнические отношения. Волга всегда была этническим котлом, в котором варились, сталкивались интересы десятков народов и наций различной судьбы, характера и образа жизни, религии, исторически проживавших на ее берегах и пришедших из безбрежных степей Азии.

Как я уже упоминал – моя малая Родина – средняя Волга. Я русский по национальности. Здесь родился, учился, проехал от ее истоков до Каспия. Здесь я встречался, вступал в товарищеские отношения, дружил с сотнями и тысячами людей, и мне нетрудно сформулировать мысль, с которой, уверен, согласится каждый, кто жил здесь в годы Советской власти. Здесь ни на местном, государственно-политическом, ни на бытовом уровне не было заметных межнациональных, этнических противоречий. Проще говоря, отношения между этническими группами и отдельными индивидами были настолько естественными, что обычно мы их просто не замечали.

Нынешние «нововерцы» по-прежнему называющие себя коммунистами, до сих пор считают, что это результат их национальной политики, осуществления лозунга «нерушимой дружбы народов». Конечно, идеологическая машина – великая сила – устная пропаганда и агитация, печать, радио, кино, а затем телевидение достигала своих целей... Но вдруг в одночасье в 80-х – начале 90-х эта, казалось бы непоколебимая, идеологическая конструкция рухнула. Союз народов развалился и в стране начался «парад суверенитетов».

В ставшей независимой России, начавшиеся было националистически страсти вскоре улеглись – по крайней мере успокоился наш многоэтничный Волжский регион. Достаточно сослаться на нынешнее положение в Татарстане, Башкирстане, Мордовии, Чувашии,

Мари-Эл и т.д. Думается, здесь сыграл свою роль не столько здравый смысл новых политиков, сколько психология народов, глубокие исторические традиции, вошедшие в их кровь и плоть, их испытанная и, в конечном счете, совместная многовековая жизнь.¹

Когда-то именно традиции особенно национально-этнические и духовно-религиозные пострадали больше всего в преподавании отечественной истории в школах и вузах, которые велись на строго цензурируемых учебниках, спускаемых сверху.

1938 год. Я только что закончил десятилетку. Отец приглашает в Москву поступать в институт. Но я не могу. Арестована мама и мы не знаем где она и что с ней. На руках у меня дедушка с бабушкой и сестренка, которая должна закончить седьмой класс и поехать в Хвалынк поступать в техникум. Я попросился на педагогические курсы в Вольск и, закончив их, назначен учителем в селитьбенскую начальную школу (село недалеко от нас – только через Армейские горы).

Мне поручено вести 4-й класс. Урок истории по только что изданному учебнику Шестакова А.В. «История СССР», одобренная ЦК ВКП(б). Класс небольшой – три татарченка с черными, как смол, глазенками, две мордовки в расшитых кофточках, одна хохлушка (так в деревне зовут украинскую семью), остальные – русские...

Очередной урок посвящен истории России XIII–XV веков. «Страшное монгольское нашествие. Орды Чингизхана, а затем Мамаю безжалостно убивают русских людей, воины с «раскосыми глазами» грабят и разрушают города и села, оставляя за собой пустыню». Чем ни страшнее рисую облик монгол, как инструктировали на курсах, тем лучше (правда, инстинктивно избегая употреблять понятие – татаро-монголы –

---

¹ Согласно модной ныне и действительно значимой на Востоке философии, традиция есть нечто превосходящее всякую сущность, в символически завершенной форме содержащее в себе всякое бытие. Она, вместе с тем, тайна, передающаяся непосредственно «от сердца к сердцу» в глубинах внутреннего опыта. При этом традиция по преимуществу явление духовное, сакральное, которая видимо или невидимо связана с религией (см. М.Ф.Альбедадь. Зеркало традиции. С-Пг. 2001.

ведь на меня так пристально смотрят дети – нашенские, с нами рядом живущих татар)...

Но на этом моя учительская деятельность заканчивается. Вообще срочно вызывают в военкомат (туда всегда нужно являться срочно) – ставить на военный учет. Начинается новый этап моей жизни. Вскоре я призван в Армию – служить в Ленинградский военный округ, готовиться для отправки на финскую войну – слава Богу, она вскоре закончилась. Затем училище, Отечественная война. Ранен, остался жив. Окончил Военно-политическую академию (заочно), стал профессором.

И вот ирония судьбы – ровно через 60 лет читаю лекции по истории русской культуры в Институте повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. Будто ничего не изменилось – также тема, лишь слушатели иные – взрослые, имеют теперь возможность читать не только официальные учебники, но и вступать с преподавателем в дискуссии...

Говорю о сложном пути страны в ту же эпоху «от Руси к России» (по Л.Н.Гумилеву), о трудностях и противоречиях формирования московского государства на Северо-Востоке страны и главное – место и роль Александра Невского в судьбах Родины – полководца и политического деятеля, которого православная Церковь и весь русский народ считали и считает святым воином. Всем известны его победы над шведами, а главное над папскими рыцарями. Тогда папа предложил ему союз с католическим западом против татар. Но Александр сделал другой выбор – пошел на тяжкие, но необходимые дружеские отношения с ханом Золотой орды, оправдывая свой поступок патриотическим изречением из Евангелия «Не в силе Бог, а в правде...» Слушатель с места: «Но ведь это поведение некоторые историки считают предательством. Недавно я прочел книжку М.Сокольского «Неверная память. Герои и антигерои России» (М., 1990 г.), в которой утверждается, что русский народ и его свобода в XIII

веке были преданы «изнутри», прежде всего Александром Невским, который вместо заключения союза с римским папой пошел на сближение с завоевателями – монгольскими ханами, как бы на века определив «азиатский путь развития России». – «Да, Сокольский не одинок. Эта работа авторская, – отвечаю я». – А вот учебное пособие «История русской культуры»,¹ утвержденное всеми инстанциями Министерства Высшего и другого образования, где Александр Невский изображается в таких красках, что его давно надо было из Святых выносить. Автор пособия даже считает возможным изложить версию о смерти Александра при Возвращении из Орды, как выражение народного сознания, которое будто бы «не хотело мириться с фактом дружбы популярного князя с татарами.

В качестве позитивного примера автор пособия приводит деятельность князя Галицкого Даниила, который за обещанную ему польскую королевскую корону пытался организовать и начать борьбу с Монгольской империей.² Но под натиском латинизации не только Галиция, но и другие области бывшей западной Руси потеряли самостоятельность и вступили в период непрерывных войн, которые длились вплоть до XVIII в.³ Такова позиция наших современных западников. А каковы же на самом деле результаты труднейшей, опасной для жизни деятельности Александра и его последователей, отзвуки которой находят свое отражение и сегодня. Я уже упоминал о работах Льва Николаевича Гумилева – великолепного знатока и Древней Руси и Азии. В одной из своих работ он писал, что своей уступчивой политикой, которую нельзя заподозрить в трусости, Александр несколько успокоил истощенную Россию. Своими победами над западными врагами он прославил ее и не допустил до отчаяния под гнетом материальным и нравственным.⁴

---

¹ Георгиева Т.С. История русской культуры. Учебное пособие. М., «Юрайт», 1998, с.60 и др.

² Георгиева Т.С. Там же.

³ Костомаров Николай Руина. М., «Чарли», 1995.

⁴ См.: Гумилев Л.Н. От Руси к России; «Древняя Русь и Великая степь», другие его широко изданные произведения.

Поведение Александра было спасительным для России – не даром не только в официальной церкви, но и в широких слоях народа его имя стало примером святости. На это же указывали в своих работах ученые – представители антизападного движения славянофилисты, начатое еще до революции 1917 и продолжавшегося за рубежом в 20-е годы, среди которых были такие личности, как Н.С.Трубецкой, П.Н.Савицкий и др.

Последний в письме Л.Н.Гумилеву о значении геополитического места Руси в составе монголо-татарской империи того времени утверждал: «Русь была включена в политическую систему, охватывающую уже не один миллион квадратных километров. Правда, сначала Восточная Русь была в этой системе (Великая Монгольская империя, Золотая орда) вассалом, но к концу XIV века в лице московского государства ... стала решающей силой в великом состязании царств–наследников Золотой орды.¹ Ну что же, ведь и в составе Советской «империи», нынешняя Россия объединила многие самодостаточные народы Европы и Азии, столетиями стремившиеся к единству. К сожалению, яйцеголовые историки, не узрели этой черты социальной жизни многих народов – чувства толерантности, симпатии друг к другу или, как это определил Лев Николаевич Гумилев комплиментарности. На Руси при монголах, особенно когда начала возвышаться Москва, она возникла на принципе, на основе этнической, терпимости, которая проводилась здесь с самого начала в отличие от Польши и Литвы, где предпочтение отдавалось католикам и преследовались представители православия и др. религий. Москва принимала всех, независимо от религиозной и этнической принадлежности – эти люди, идущие с юга и запада – «пассионарные» личности – становились православными людьми. Наши предки-великороссы вообще довольно легко и быстро смешивались с татарами на

---

¹ П.И.Савицкий. Степень и оседлость // Россия между Европой и Азией. Евроазиатский соблазн. М., 1993, с.535.

Волге, Дону, бурятами на Оби. Показателен такой факт: когда в 1315 г. хан Узбек в Золотой Орде принял ислам, он казнил не подчинившихся царевичей-чингисидов. Уцелевшие бежали в Москву и стали ядром московской рати Дмитрия Донского, разгромившей потом монгольскую орду Мамаю.

Многие фамилии русских князей, а затем и дворян – татарского происхождения. Большинство царей и князей были женаты на иностранках. В.О.Ключевский пишет, что по этническому составу верхний слой дворянства к XVII в. Был весьма разнообразным – в него входили и москвитяне, служилые люди из татарских орд, кавказских народов, поляков, литовцев, немцев и т.д. И все они считали себя русскими, россиянами.

Волга стала местом социального и этнического общения на основе крестьянского, степного и ремесленного производства, оживленной торговли, извоза, быта. Возникли и сейчас продолжают существовать новые города с татарскими наименованиями преимущественно на левобережье – Астрахань, Саратов, Сызрань, Казань и др. Стало обычным заключение межэтнических браков, принятие татарами православия и наоборот. В России, особенно на Волге, масса семей с татарскими фамилиями – Ахматова, Аракчеев, Басманов, Годунов, Измайлов, Кантемиров, Рахманинов, Уваров и др. В русском языке появилось огромное количество слов татарского лексикона, особенно связанных с коневодством, торговлей (базар) и др.

Сегодня особенно значимо звучит вывод, сделанный Львом Николаевичем Гумилевым, что заложенное князем Александром, его соратниками и продолжателями доминанта поведения – альтруистический патриотизм – на несколько столетий вперед опередил принципы устройства Руси. Традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, во все последующие столетия вплоть до

сегодняшнего дня привлекали и привлекают к России народы, живущие на сопредельных территориях. Как это верно и актуально сегодня!!!

Спрашиваю себя – а не слишком ли ты глубоко ушел в историю? Соответствует ли это тому жанру автобиографических записок, который объявлен тобой? Думаю, что все-таки соответствует – во-первых, это исходит из понимания самой сути человека. Человек – личность (а я смею надеяться, что обо мне это можно сказать?!) – это не просто его видимость, деятельность, так сказать актуальные поступки, но его внутренний, духовный мир, который не имеет ни временных, ни пространственных измерений. В этом меня убеждают не только теоретические соображения, а весь опыт моей такой длинной жизни. Человек не равен самому себе и уж, конечно, не сумме наличных общественных отношений, как мы привыкли трактовать. Кто я, кто мы, – хвалынцы, алексеевцы, волжане – сколько веков живет в нас, где истоки и корни, из которых выросли мы? Почему мы, несмотря на все страшные перипетии жизни, в конечном счете по облику и убеждениям, по духу остались такими же, какими были наши предки – не католиками, не протестантами, а провласными даже с разными удостоверениями и партийными билетами в кармане? Какой-то остроумный математик-философ предложил приблизительный и совершенно условный расчет, – если среднее количество лет в одном поколении принять за 60, то от Куликовского сражения до наших дней прожило всего десять с лишним поколений. А я же в четвертом поколении – ровесник не только Толстого, но даже Жуковского и Пушкина! Не родственники ли мы все? Что осталось в нас от тех времен? Кто мы сейчас?

Во-вторых, особенность жизни автора этих заметок состояла в том, что подавляющая часть его интересов лежала в плоскости культуры и искусства преимущественно прошлых времен, несмотря на характер внешней, в том числе политической деятельности. Без этого он был бы не

интересен никому как неинтересен и самому себе. Так что факты, о которых я пишу, в какой-то степени я сам. И все, что происходило семь веков назад духовно или, как нынче принято говорить – виртуально происходило со мной. Вот почему понимание этих событий важно прежде всего для меня самого себя.

Но, в-третьих, и это может быть самое главное – эти события – лишь прелюдия к формированию и утверждению нового этапа российской истории, который имеет прямое отношение к нашему родному краю, а значит и ко мне лично. Дело в том, что в последние десятилетия, когда стало можно публиковать точки зрения, не совпадающие с официально принятыми, завоевала популярность в научных кругах концепция циклов исторического развития, наиболее заметным представителем которой является Н.Д.Кондратьев и его последователи.¹ Но пионерами этой концепции можно считать ученых второй половины XIX в. – О.Шпенглера и представителя позднего славянофильства в России Н.Я.Данилевского.² Так вот Данилевский считал, что т.н. «большие циклы» развития в истории Европы длились примерно сто лет. В нашей стране они занимали более длительное время. Начиная с принятия христианства, полагает Н.Я.Данилевский, Россия прошла два периода (цикла) – первый – от X до середины XIV в., а второй, с половины XIV в. до середины XVI в. При этом второй он рассматривает как самобытно-национальное российское становление страны. (Гумилевское «от Руси к России»). Северо-Восточная Россия во главе с Москвой испытывает совершенно невероятный подъем («пассионарность», употребляя опять понятие Л.Н.Гумилева) во всех структурах жизни народа «будто русский лес дает ему «огромную

---

¹ Кондратьев Н.Д. Избранные произведения. М., Экономика, 19003; также Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1997 и др.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С-Пг., 1878. М., 1991.

культурную силу». При этом надо иметь ввиду, что это происходит в условиях господства Золотой орды.¹

В большинстве работ нашей дореволюционной историософии, а также как правило, в советских исследованиях образование единого русского государства объяснялось выгодами географического положения Москвы, мудрой хозяйственной политикой ее князей (Иван Калита), использованием ими распрей с сопредельными княжествами за передел территории, а также обострившимися противоречиями внутри самой монгольской империи. Конечно, все отмечали и отмечают сейчас значение в этом процессе Куликовской битвы. Безусловно, все эти факторы имели значение, но главным и решающим, как свидетельствуют многочисленные источники,² здесь оказалась духовная деятельность православной Церкви, ее многочисленных и бескорыстных служителей, выступавших не только проповедниками новой для Северо-востока страны удивительной веры, несущей людям подлинное счастье и спасение «на земли и на небеси». Во главе этого движения, которое в конечном счете дало поразительные социальные, политические, культурные результаты, оказались две великие фигуры – святые – митрополит Московский Алексей и его сподвижник Сергей Радонежский.

Для меня было совершенной неожиданностью и счастьем узнать, что их деятельность реально мистически связана именно с нашими родными местами, и мы не зная этого, жили внутренне той «старой верой», которую они несли в мир!. Хотя, как утверждал еще известный русский

¹ Данилевский чрезвычайно остроумно объясняет отношение княжеской власти и народа к татарскому налоговому бремени «Москва, – пишет он, являлась если не избавительницей, то облегчающей той мягкости, которую заставляло народ нести иноплеменное иго... Московские государи, так сказать, играли роль матери семейства, которая хотя и настаивает на исполнении воли строгого отца, но вместе с тем избавляет его от гнева» (Данилевский Н.Я. Уп. См. с. 258.

² Довольно полную библиографию авторов, занимавшихся и занимающихся изучением этой эпохи дает ученый-публицист С.В.Перевезенцев в кн. «Тайны русской веры. От язычества к империи». М., 2001. Назовем лишь некоторые из них Хомяков О.С. Сочинения в 2-х тт. – М., 1994; Трубецкой Е. Умозрения в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XIV – XX вв. Вып. I. М., 1993, с. 195-219; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М., 2001. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. (X –XVII вв.). См.: Алексеев. Философы России XIX-XX столетий // Федотов Георгий Петрович. М., 2001, с. 1013.

путешественник и ученый Семенов – Тяньшанский «О времени основания Хвалынска нет точных данных», известный краевед Виктор Непочатый на основе многочисленных архивных материалов считает, что предшественником города надо считать поселок на «Сосновом острове», по которому пролегла тропа «от Татр к Москве» с перевозом на материк, где встречались ордынские и русские политики, торговцы и предприниматели, шли в православную миссию в Сарае и обратно священники, сталкивались военные.

Согласно легенде, на острове был сооружен деревянный храм, посвященный митрополиту Московскому святителю Алексию (1354–1378 гг.). К сожалению, храм не сохранился. Но сам этот факт знаменателен – Алексей был не только выдающимся церковным деятелем, но и необыкновенной личностью¹ («Православная энциклопедия РПЦ, 1997, с.53»), обладателем многочисленных талантов, в том числе способных к врачеванию. Для того, чтобы отметить это выдающееся событие,² ознаменовать его в веках, оставить память о месте, где оно случилось – на Сосновом острове (будущем Хвалынске) – святитель Алексей, вернувшись в Москву, благословил учредить Монастырь, дав ему наименование «Чудов».

Этот факт имел тройное влияние на сознание и всю жизнь моих земляков. Во-первых, само чудо как выражение сверхъестественных сил Главы русской Церкви не только при жизни самого святителя, но и в последующие века вселяло мистическую уверенность в могуществе православной веры. Ведь «голова» и «душа» Чудова монастыря были в

---

¹ Он сумел установить близкие доверительные отношения с ханом Золотой Орды Джанибеком. А здесь в 50-е XIV в. Годы вспыхнула страшная эпидемия. Заболели старшая и любимая жена Хана, красавица Тайдила – она ослепла. У постели царицы побывали знаменитые персидские и арабские врачи, степные шаманы – все тщетно. Лишь Алексей по просьбе Хана посетил Орду и осмотрел царицу. – И случилось чудо – от одного прикосновения руки святителя Тайдила прозрела и навсегда осталась ему благодарной.

² Об этом событии рассказано во многих источниках и работах историков. Мы в данном случае использовали описания, данные в работах М.Каратеева. Русь и Орда. М., 1995, с. 56-58 и Л.Н.Гумилева. От Руси до России. М., 1992, с.156.

Москве, а его «тело», угодыя, принадлежащие ему, – располагались здесь. К началу XVII в. Монастырь стал крупнейшим землевладельцем края. А в XVIII в. В связи с расселением старообрядцев и служивых людей Петра – подданными монастыря стали селения – Акатная и Сосновая Маза, Елшанка, Болтуновка, Апалиха и др.¹

Таким образом, между Москвой и Хвалынским краем осуществлялись веками не только духовные, но и экономические связи. Подлинно – мы жили под крылом Чудова монастыря и все чудесное в нашей жизни рождалось и осуществлялось в результате этой мистической связи. Поистине Хвалынск – город чудес! И для меня это тоже чудо – родиться не в Баку, где был зачат, а рядом с Хвалынском – в Алексеевке – обязанной именем великому святителю. Это лишь один эпизод, особенно близкий патриотическому сознанию: но вся деятельность Митрополита Алексия, к сожалению, по-настоящему не оцененная нашей гражданской литературой² говорит о том, что это была великая личность, по последствиям, значению для истории России, может быть сравнимой с личностью Петра I, превосходя ее по духовному смыслу и результатам в национальной жизни.

Будучи воспитателем малолетнего князя Дмитрия (будущего Донского), митрополит возглавил правительство и поставил на службу государства авторитет Церкви. Опираясь на своих соратников и сподвижников, святитель призвал православную братию идти в «Пустынь» – лесные малонаселенные места для основания монастырей и возведения Церквей с целью решения насущных освободительных, социально-государственных и духовно-просветительных задач. Прежде всего, это

---

¹ Саратовский край. Исторические очерки. Саратов, 1893, с. 30 и др.

² В томе 2-м курса русской истории. Ключевский лишь в 2-х местах, прямо не относящихся к рассматриваемым вопросам эпизодах (с 147 и 169) упоминает имя Алексия, а в одной из претенциозных работ «перестроечных времен» советские авторы в книге, созданной десятком профессоров-историков во главе с В.Куляшевым, в соответствующем периоде описываемых событий, где митрополит принимал самое активное участие вообще не упоминают его имени. – См.: «Наше Отечество». Опыт политической истории. Том I. М., 1991, с. 28 и др.

осуществление т.н. «монастырской колонизации».¹ Другими словами, с помощью монастырей и скитов, возводимых в отдаленных местах, производится «окультуривание» дикой природы, превращение ее в антропогенный ландшафт на огромных просторах северо-востока страны. Вокруг них образуются поселения, где начинается обработка земли и другая хозяйственная деятельность. При этом процесс не носит, как это часто бывает с «колонизаторством», (сам этот термин, взятый из практики Запада, здесь вообще не применим, не уместен) насильственный характер – он становится подлинным массовым движением, принимающим смысл «Подвижничества», что отличает его также от христианизации в Юго-западной России, Киевской Руси. Там большинство монастырей и церквей становились городскими или пригородными. А подвижники этой эпохи уходят из городов именно в лесную «пустынь». Здесь формируются новые формы социально-духовного, специфически русского характера – большинство монастырей по инициативе Сергия Радонежского, принимаемый так называемый «общежительный» характер. Создаются братства жаждущих спасения и духовного совершенствования, где все имущество становится общим, а монашество не отделяет от себя от окружающих мирян. Каждый монастырь играет роль не только дома молитвы, но и школы, больницы и библиотеки. Другими словами, создается та социальная сфера жизнедеятельности, в которой формируются все повседневные интересы личности и которая в конечном счете принимает на себя и определенные государственные функции.

Складывается своеобразный духовно-нравственный образ жизни, основанный на христианских ценностях, которые становятся нормой поведения не только для монашествующих, но и для окружающего населения. Они включают в себя такие качества, как «иметь чистоту душевную и телесную, смирением украшать себя», хранить единомыслие

---

¹ Термин употребленный Ключевским.

друг перед другом, ни за что ставить честь и славу жизни этой, но вместо этого от Бога ожидать воздаяния, вечных благ небесного наслаждения. Эти принципы, принятые и неукоснительно исполняемые в Троицкой. Обители по примеру преподобного Сергия Радонежского, который стал светочем поведения и жизненного уклада для других послушников, имели огромное влияние на всю Русь. Тот же В.О.Ключевский, который в своих лекциях ранее недооценивал личность преподобного Сергия, в своей речи, произнесенной в торжественном собрании Московской духовной академии 26 сентября 1892 г. в день 500-летия со дня кончины святителя, назвал его «Благодатным воспитателем русского «народного духа», чье имя по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своими действиями так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что оно из исторического превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом».¹

Вторая сторона деятельности митрополита Алексея и Сергия Радонежского, прямо и непосредственно связанная с этим, посвящена воспитательной и духовной деятельности Церкви. В самом широком и глубоком смысле этого понятия Церковь в те времена была Духовным домом всей округи, а священник – духовным отцом, который благословлял брак, крестил детей, способствовал созданию новой семьи, исповедовал и отпускал грехи, провожал усопшего в последний путь. Церковь становилась и местом культурного просвещения народа. Ссылаясь на опыт домонгольского периода Киевско-Владимирско-Новгородской Руси, где в общей сложности насчитывалось до 14 тыс. церквей на 7 млн. населения и не менее двухсот с половиной монастырей, митрополит Алексей считал,

---

¹ Ключевский В.О. Благодатный воспитатель русского народа. Речь профессора, академика В.О.Ключевского, произнесенная в торжественном собрании М.Д.А. 26 сентября 1892 г. в память преподобного Сергия. // Знамя преподобного Сергия Радонежского, 1991. (Показательно, что в собрании сочинений самого В.О.Ключевского в 9 тт. (курс русской истории). М., 1991 эта речь включена не была).

что лишь тем храмом для обихода своего и совершения треб надо было иметь более 100 тыс. богослужебных книг... Были обширные книгохранилища при многих церквях и монастырях. И грамотный человек был тогда на Руси не редкость.¹

Так и в эти годы Церковь получает широкое распространение литература различных жанров. Прежде всего в больших количествах распространяются богослужебные книги, особенно «Псалтырь», по которому русские люди учились грамоте. Большое развитие получил жанр агиографической, житийной литературы. В.О.Ключевский, который изучил около 5000 рукописных списков примерно 150 житий, считал, что они имеют не узко церковное, а общественное значение, служат воспитательным целям, т.к. представляют собой идеализированные народной молвой биографии почитаемых заступников за Русскую землю. Наиболее популярными в народе были воинские повести о победах и поражениях русского оружия в борьбе с многочисленными врагами – «Повесть о житии Александра Невского», «Слово о погибели русской земли», но особенно произведения, посвященные Куликовской битве как переломному событию в истории страны, – «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» и др.

В отличие от юго-западной Руси где в результате немецко-польско-литовского влияния на жителей Приднепровья, Украины, Белоруссии, социальная, политическая, духовно-культурная жизнь определилась общественно-агрессивным католицизмом, начали создаваться унаитские Церкви, на Севере соблюдается чистота православной веры, которая в искусстве архитектуры и иконописи сохраняет верность классическим канонам.

---

¹ По кн. Коротеев М. Русь и Орда. М., 1995, с.56 и 58.

Развитие Владимиро-Суздальской Руси был отмечен исключительным духовным подъемом, отразившимся в создании неповторимо-прекрасных памятников архитектуры и живописи. До сих пор нас восхищают сохранившиеся от той поры стройные и изящные храмы, украшенные рельефами и фигурными изображениями. – Успенский и Дмитровский соборы во Владимире, церковь Покрова на Нерли, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, Спасо-Преображенский собор в Переяславе-Залесском, церковь Бориса и Глеба в Кидекше под Суздалем – все это шедевры архитектуры, подлинное «белокаменное великолепие», пользующееся ныне мировой известностью, – как и многие другие памятники так называемого «золотого кольца». Вновь построенные Церкви в нашем регионе становятся подлинными центрами христианского просвещения и культуры. Это ведь уже в XV великий Андрей Рублев не только создает шедевры, но определяет художественный стиль, который становится ведущим во всем русском зодчестве.

В это же время работают мастера Новгородской и Псковской школ, многих городов среднерусских княжеств (Владимира, Ростова, Твери, Нижнего Новгорода, Суздаля, Ярославля, Углича, Муром и др.), которые создают произведения иконописного искусства, составляющие до сих пор предмет национальной гордости России.

В конце XV – начале XVI вв. факел русского искусства, так высоко поднятый Рублевым, переходит в руки достойного его преемника Дионисия, известного прежде всего по великолепным фрескам собора Ферапонтова монастыря.

Таким образом благодаря подвижническому движению, которое возглавили святители митрополит Алексей, Сергей Радонежский и их соратники, способствовавшие объединению северных княжеств вокруг Москвы, древние апостольские христианские традиции русского

православия не только не затухают, но получают дальнейшее развитие и новое, более высокое благочестивое наполнение.

В наше время получила свое научное обоснование Концепция существования и развития восточного Возрождения на основе православного понимания гуманизма, отличного от западного ренессансного. Утверждается мысль, что формирование централизованного российского государства и духовно-культурные процессы, связанные с этим, являются этапом Второго русского возрождения,¹ утверждения российской национальной культуры² гуманистической по своему типу, православной по содержанию и славяно-русской по языку.

Это стало великим фактором в исторической судьбе России. Но особое значение оно имело для нашего края. В заключение этого очерка вновь сошлемся на Г.П.Федотова. Он рассматривал историю как духовную связь поколений, отводя ведущую роль в этом процессе применительно к России – православию. Верность святоотеческим преданиям дает возможность каждому верующему человеку вписываться в историческую традицию, в связь поколений, жить историей. Прошлое и настоящее настолько близки, соединены, сродственны, что «История становится невозможной». Г.П.Федотов утверждает, что подобное отношение к истории характерно для «благочестивой» массы православного народа».³

---

¹ См.: Экономцев Иоанн, Игумен. Исихазм и четыре эпохи русского возрождения // Экономцев Иоанн, Игумен. Православие. Византия. Россия. М., 1992.

² Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. I. М., 1991, с.21.

³ Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. Т.2, с.45.

Очерк третий

Из прошлого – в настоящее

Хвалы́нск с близлежащими селениями, предприятиями и учреждениями уже в системе Московского, а затем Российского государства, входит сначала административно в состав Казанской, а затем Саратовской губерний. События этих веков, особенно после того, как левобережное Сосново перебралось на правый берег и стало городом, о 200-летию которого мы уже говорили, еще до революции описаны в разных справочниках, воспоминаниях, статьях археологического, исторического и особенно хорошо поставленных в те времена, сборник регионального статистического характера. В последних чрезвычайно интересны сведения о количестве жителей. (Оказывается в Хвалынске их насчитывалось 12.457, большая часть из которых составляло купечество. На пристани было построено 130 (!!!) (главным образом хлебных) амбаров; от нее отходило ежегодно 180 судов и т.д.¹

Каких либо исследований об истории Хвалынска в годы своей юности я не читал и не слыхал, чтобы о них говорилось на уроках истории или географии. По крайней мере до 1938 г., о котором мне еще придется писать подробно, никаких статей из местной печати (газета как и ныне называлась «Звезда»), также, как и Саратовской не помню совершенно – да и все они писали об одном и том же и тем же языком.²

Но реальная жизнь Хвалынска, его причалы и торговые ряды около них, заставленные корзинами с яблоками, сливой, вишней, черносливом;

---

¹ В конце века (1891) в городе насчитывалось 15.405 (ср. в Балакове – 16.000. В Хабаровске жило 14.933, а Подольске (Моск. обл. Всего 3.808. (Энциклопедический словарь Россия. С-Пг, 1898, с.127, 126, 124). Справочник...характеризуют город в снисходительно-пренебрежительном тоне, например, «Хвалы́нск мало поднялся со времени своего переименования; трудно предположить, что без особенных перемен он мог вырваться вперед из разряда обыкновенных городов», Нижняя Волга. Из путеводителя «Волга от Твери до Астрахани». Изд. Общества «Самолет» СПб. 1862. Примерно в том же тоне пишется и в «Путеводителе по всем русским водным путям» 1908 – «Сам по себе город неважный...», «Для туристов Хвалы́нск интереса не представляет», но красив он весной в цветении садов.

² Язык массы по письмам, корреспонденциям, периодической печати советского времени великолепно проанализирован Натальей Никитишной Козловой, к сожалению, безвременно ушедшей от нас, в ее книге «Горизонты повседневности советской эпохи» (голоса из хора), опубликованной в 1991.

его многочисленные киоски, с удивительно вкусным ситро местного завода, бутылкой которого с булочкой мы были целый день сыты, приезжая (или чаще всего приходя пешком) в город; его спокойные улицы с одно-двух этажными кирпичными, уютными домами – в нем так хорошо, спокойно дышалось. Представлялось, что весь мир такой же милый, уравновешанный, благосклонный к тебе, как и этот город.

Из радостных событий, оставивших память во всем моем существе, были футбольные и волейбольные матчи между школами Алексеевки и Хвалынска, но особенно смотры художественной самодеятельности района (в основных участниках были конечно, школьники), где, как это не покажется странным, ваш покорный слуга читал перед взрослой публикой «Братьев разбойников» и «Монолог Бориса Годунова». Но самым ярким в этом ряду воспоминанием, которое я не раз называл в последующем в лекциях по истории советской кинематографии – это пеший 20-км поход старших классов Алексеевской школы в Хвалынск на просмотр первого звукового фильма «Чапаев». Впечатление было ошеломляющим! Я, пожалуй, ничего подобного не испытывал ни в юности, ни во взрослом состоянии, даже будучи «умудренным» разными искусствоведческими эстетическими познаниями. Да, истинно-подлинное искусство и его восприятие неповторимо, уникальной бессмертно!

Но с Хвалынском у меня связаны еще три воспоминания иного порядка, независимо от моей сознательной воли и жизненных планов. Первое из области мистики и веры. Мне, наверное, было не более 8-9 лет, когда меня со страшными болями в голове мамочка повезла в районную больницу. Воспаление левой лобной пазухи, нагноение, которое нужно устранить. Я еще в сознании слышу разговор хирурга и матери. Он – «надо долбить кость и извлекать гной»; она – «но это же страшная опасность для мальчика». Может быть есть какие-то другие способы – прошу вас

использовать все возможное...¹ Больше я ничего не помню и оказываюсь на огненной дороге, понимая, что она бесконечна, и я не вернусь назад, в жизнь... И опять просыпаюсь – не известно, сколько прошло времени. Рядом мама и хирург смотрят с надеждой... Кажется сработало, – шепчет доктор. Я иду на поправку. Оказывается, как мне потом рассказали – решили гной выкачивать через левую ноздрю. И вот первое чудо в жизни – я поправился. А самое важное – до этого не ощущал в себе особых способностей, а тут вдруг стал, на удивление самому себе, свободно решать задачки, хорошо писать, вышел в первые ученики! Наверное что-то произошло с моими мозгами. Но не в этом чудо, а в том, что из всех самых разнообразных событий всей жизни, переживаний, тяжелых болезней, эту бесконечную дорогу в иной мир, я забыть не могу. Во всех ее подробностях – видно, знанию это не дано – это из другого мира.

Второе – я уже хорошо помню – мне очевидно было более 14 лет: я не только принят в комсомол, но вскоре избран секретарем школьного комитета (определенно это раньше трагической 1938, о котором мне придется еще рассказывать).

Итак, мы вместе с членом комитета и хорошей моей подружкой Зоей Исаевой едим на саях (хорошо помню, что это было зимой), приглашенные в райком ВЛКСМ на семинар. Говорят будет выступать представитель из Ленинграда – большой ученый (каким образом он оказался в нашем тихом уголке пока для нас было тайной, но не это главное). Главное – лекцию о диалектике читает профессор университета... Я впервые в жизни вижу и слышу профессора, и само это громко произнесенное ученое звание и вся импозантная личность его так меня завораживает (не могу подобрать другого слова), что я как очарованный смотрю ему в рот, откуда неспешно льются умные, не совсем

---

¹ Мама была одной из первых женщин-коммунисток в районе и пользовалась здесь известным авторитетом.

понятные мне слова – высший разум и материальный мир, бесконечные законы единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество через революцию и стремительство нового общества, активными участниками которого вы призваны быть, чтобы коммунизм – идеал человечества воплотить на всей планете и т.д.

На обратном пути уже поздним вечером, когда загорелись наши огромные, ни с чем несравнимые звезды, я подавленный высокими мыслями, молчал, а потом неожиданно и категорически заявил подружке, что буду учиться «на профессора». – «Ну уж ты, как всегда размечтался», возразила умница Зоя. Ну что, проживем – увидим.

Через 40 лет в Хвалынске, когда я все-таки профессором состоялся моя третья встреча с городом. В начале очерка я уже упоминал, что как земляк и член общества «Знание» из Москвы был приглашен на празднование 200-летия города – пышное, романтическое, с застольями рядом с руководством.

Но проводив гостей, я вместе с дорогим моим другом Федором Григорьевичем Пичиенко снова засел в музей, над материалами и возобновил осмотр сохранившихся, но еще к тому времени не разрешенных для службы храмов, рассчитывая написать об этом подробнее. При этом я самонадеянно решил, что перед Господом заслужил возможность этой деятельностью заниматься.

Но неожиданно у Петра-Водкина в «Хлыновском» читаю: «мое творчество питалось «запасом образов», «семян моей родины».¹ Я не смею себя сравнивать с великим, всемирно известным художником, но и моя деятельность в другой сфере – гуманитарных наук – питалась теми же самыми духовными «зонами» «хвалынской культуры», которые требуют воплощения в слове. И чтобы это слово стало искренним, оно должно опираться не только и не главным образом на теоретические выкладки, а

---

¹ Петров-Водкин К.С. Хлыновск. Пространство. Эвклида. Самаркандия. Л., 1982, с. 64.

на убеждения, выстраданные всем опытом жизни. О некоторых ее вехах, прежде чем продолжать свое повествование, я и должен в самом кратком виде здесь доложить.

Прежде всего, на закате дней, в течение которых я был и пионером, и комсомольцем, и партийцем, когда у меня нет причин для лукавства перед собой и людьми, я хочу сказать о главном – в своих основных, судьбоносных поступках, в которых проявилась не только и даже не столько моя собственная воля, сколько Божий промысел и молитвы с небес моей матери, погибшей в Гулаге в 1939 г.

Они спасли меня от неминуемой гибели в самом начале Великой отечественной войны. Ни чем иным, как вдохновением свыше, не могу объяснить почему, будучи армейским политработником на Дальнем Востоке, при поступлении в адъюнктуру (аспирантуру) Военно-политической академии им. Ленина я выбрал тему для диссертации «Эстетика воинской деятельности» и почему начальство позволило мне ее защитить. Еще более необъяснимо, как преподавателю, а затем и начальнику кафедры культуры и искусства Академии в 60-70-х гг. не запретили проводить лично экскурсии в залах древнерусского искусства Государственной Третьяковской галереи, на тему «Защита отечества в иконописи». Более того, в эти же годы до провозглашения в стране свободы совести и вероисповедания эта тема вошла в программы курса «Культура и искусство» для всех военно-учебных заведений вооруженных сил и внутренних дел СССР.¹

---

¹ Для меня стало совершенной неожиданностью, что известный ныне и авторитетный политический деятель С.В.Степашин, который, оказывается, в те годы учился в ВПА и слушал лекции, назвал меня сейчас в благожелательном духе «диссидентом», хотя в политическом смысле я им, конечно, не был. Но, видно, духовный их смысл производил такое впечатление. Академия имени Ленина писал он, – несмотря на свое название, вообще была тронута духом диссидентства. Профессор Сапунов, зав.кафедрой культуры и искусства, генерал-майор, даже позволял себе говорить: «Это престарелое Политбюро скоро доведет страну до коллапса». – Степашин С.В. «Российская газета» (неделя) 18 мая 2007 г., № 103, с.-8-9.

После демобилизации (а прослужил я в армии ровно 40 лет) мне предложили должность профессора в Институте повышения квалификации работников ТВ и РВ. Телевидение только что начинало браться за освещение религиозной тематики и жизни Церкви на экране и делало это профессионально неумело и нередко неправильно по существу. И мне свыше пришла мысль – почему у Патриарха не попросить благословения проводить ежегодный семинар с фестивалем лучших передач на эту тему. К нашей радости, оно было получено. Так, начиная с 1995 года ежегодно мы вместе с отделом печати Патриархии и Фондом Андрея Первозванного проводим его под названием «Православие на телевидении».¹ Мне поручалось на нем читать лекции вести «круглые столы» на темы «Вопросы истории российской культуры на телевидении», «Этика православия на телевизионном экране» и др.²

Таким образом, я внутренне – и духовным строем жизни и наличием собранных источников посчитал себя готовым писать в своих автобиографических очерках на эту благословенную тему. К тому же идет процесс восстановления старых и сооружения новых храмов, над Россией снова несется колокольный звон, люди идут в Церковь. Однако, как мне кажется и как подтверждается современными религиоведческими исследованиями, ввиду долгого отсутствия религиозно-духовной жизни, это посещение для многих становится лишь формальным исполнением внешних ритуалов и обрядов. Слава Богу, и это не плохо. Но потерянный десятилетиями глубокий опыт общения с Церковью, понимания ее богочеловеческой сущности мог бы в значительной степени одухотворить процесс воцерквления граждан.

---

¹ Программу одного из них см. Приложение №

² Часть материалов этих лекций вошли в книги «Культурология телевидения. Основы истории мировой российской культуры». М., 2001; «Введение в этику православия». М., 2005. (Получена благодарность Фонда Святителя Макария).

И здесь, возвращаясь к анализу основных особенностей русской и особенно советской историософии Г.П.Федотовым, я с удовлетворением делаю вывод, что направление, по которому развивалась народная жизнь в регионе хвалынской культуры, носило преимущественно духовный характер, опирающийся на широко разветвленную сеть православных (разных конфессий) церквей и монастырей. Этим объясняются во многом важнейшие черты и хозяйственной и социальной жизни, но в особенности нравственного облика населения края. Это один из примечательных уголков не только природы, но и людей, сохранивших до сих пор светлые христианские обычаи поведения и отношений друг к другу. Недаром ведь столько известных, знаменитых и неизвестных личностей, родившихся здесь, прожившие часть жизни или ненадолго и хоть раз посетивших, остаются его пленниками на всю жизнь.¹ Одним из таких неизвестных, но родившихся на его петрово-водкинских холмах оказался и я на склоне лет неумело, но с любовью продолжало писать о нем.

Данные о количестве и деятельности храмов, молельных домов, монастырей и других сакральных учреждениях в Хвалынске и его окрестностях достаточно полно публиковалось в дореволюционных статистических сборниках, о них напечатаны интересные материалы исследователей последнего десятилетия.

Что поражает тех, кто обращается ныне к этим документам и публикациям? Первое. Создается впечатление, что здесь существовала наиболее развитая сеть учреждений православной Церкви, которые оказывали решающее влияние на всю духовную жизнь населения. Этот регион можно было бы сравнить с Замоскворечьем г. Москвы, так великолепно изображенном в произведениях Ивана Шмелева.²

---

¹ Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы полистать иллюстрированный альманах «Памятники Отечества», особенно блистательную статью в № 40 за 1998 г. Виктора Непочатых «Российский уголок» и др.

² См.: Шмелев И. Лето Господне. В 8-ми частях. И.Шмелев Неупиваемая чаша // Русское зарубежье. Каталог. М., 2002, с.146-147.

Согласно «Справочной книге» Саратовской епархии (1912 г.) и другим источникам в Хвалынском уезде насчитывалось двенадцать православных храмов Московской Синодальной Церкви, главным из которых был Собор в честь Казанской иконы Божьей Матери, построенной в 1806-1813 годах. В 1866 г. Собор был расширен, а с 1894 г. при Церкви открыта Первая школа грамоты, которая по постановлению Саратовского Епархиального училищного совета с сентября 1898 г. становится церковно-приходским училищем. Вторая церковно-приходская школа была открыта в 1901 г. При Советской власти – в 1931 г. Казанский Собор был закрыт,¹ а за два года до этого был арестован, а затем расстрелян в вольской тюрьме ее настоятель отец Матвей (Карманов), служивший в Соборе с 1914 г. Окончательно храм был разобран в 1937 г. и на его месте начали строить городскую школу.

Эти данные взяты из работы А.Наумова «Земли хвалынской храмы», изданной в Саратове в 2004. Автор пишет и о других сохранившихся или утраченных храмах Московской синодальной Церкви.² Для меня оказалось особенно знаменательным упоминание и рассказ о храме в честь одного из домостроителей православия на Руси, о котором мы уже говорили – преподобного Сергия Радонежского в Алексеевке, связанным мистически с моей судьбой.

1937-1938 гг. я мальчишкой пережил трагизм гибели в Гулаге моей матери, означавшим перелом в жизни, – конец юности и начало взрослости, ответственности за свою судьбу и судьбу близких. Я еще напишу, как все это происходило. Но среди всего этого ужаса, который творился вокруг – объятья и слова бабушки Евдокии: «Внучек, крепись – все в воле Божьей. Хоть вы неверующие, тверди в тяжелые минуты

---

¹ Во время работы в хвалынском музее, как весть из прошлого, пришла ко мне небольшая реликвия – женщина принесла икону Казанской Божией Матери в серебряном окладе, сказав, что принадлежала она ее родителям и будто бы была из Собора. Мы приобрели ее и вот уже более четверти века она благословляет нас.

² Наумов А. Земли хвалынской храмы. Саратов, 2004.

«Господи Иисусе Христе, сыне Божий помоги и помилуй меня грешного». Перекрестив, она взяла с киота иконку с образом преподобного Сергия и еще раз расцеловав меня, поднесла его к моим губам, прошептав «он из нашего храма – наш святой заступник и тебе поможет».

Храма во имя преподобного я уже не видел – он был разрушен в начале 30-х гг., но иконы и кресты, бывшие и намоленные в храме разошлись по домам верующих. У бабушки в старом Доме хранилась икона «Федоровской Божьей Матери» и, кованный крест красной меди. Чудом они сохранились еще в течение пол-столетия и теперь находятся у нас в квартире в Москве на улице рядом с храмом Сергия Радонежского, что в Бибиреве – и мы его прихожане.

Что касается самого исторического храма в Алексеевке, то существуют данные, приведенные А.Наумовым, что в 1894 г. во время путешествия по России, в село Алексеевка прибыл протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (ныне прославленный в лике святых праведный Иоанн Кронштадтский). В то время на пароходе «Отважный» он путешествовал по Волге, посетил Саратов, останавливался у посада Дубовка. Вечером 2 июля 1894 года в село Алексеевка приходит телеграмма от батюшки Иоанна, в которой выражалось намерение отслужить утреню в Сергиевской церкви. Пароход должен был прийти на следующее утро. Одухотворенные таким неожиданным и приятным известием, алексеевцы сумели за одну ночь привести храм, заставленный лесами по случаю ремонта, в надлежащий вид. И уже наутро у церкви собралось огромное число верующих, среди которых были и старообрядцы. Как только святой Иоанн сошел с парохода, благовест большого колокола известил о прибытии высокого гостя, в появлении которого верующие видели особый знак Божественной благодати.

С началом службы батюшка находился в алтаре храма, а во время исполнения стихир на «Господи, воззвах» вышел на клирос и пел вместе с

певчими. Особое впечатление на верующих произвело чтение отцом Иоанном канонов утрени у Царских врат. Как сообщал очевидец «... это было не просто чтение, а живое, восторженное прославление Бога, соединенное с плачем о человеческой греховности. Во время чтения душа внимательного христианина то приходила в восторг и умиление, то повергалась в плач о своих грехах». Вслед за утреней, без расхода, началась Литургия, которая была отслужена о. Иоанном в сослужении местного священника А.Феофарова, иеромонаха и диакона В.Казанского, приехавшего из соседнего села Апалиха. После этого, откушав у священника стакан чая, о. Иоанн передал ему деньги для оказания помощи самым бедным семьям села и возвратился на пароход.

Второе, что характерно для Хвалынска и его округа – это распространение старообрядчества (или староверия).¹ Показательно, что в Хвалынске старообрядческая община первой в Саратовской области получила разрешение на возведение храма Покрова Пресвятой Богородицы, построенный и освященный в 1914 г. В 1931 году Покровская церковь была закрыта; позже были снесены колокольня и купола. Здание Церкви стало использоваться под склад консервного комбината... Не могу не поделиться тем, что бывая в Хвалынске на разных мероприятиях, о части которых я уже писал, мы оставались погулять в парке культуры и отдыха города, в который шли мимо величественного здания – храма и спрашивали хвалынцев «что это было?», и нам шепотом отвечали – это бывшая церковь старообрядцев. Но говорят, что во время войны здесь стали проходить тайные службы, а в 1946 г. здание было официально передано православной общине города и переосвящено в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Так что этому храму суждена иная, чем Казанскому, судьба. Более того в 2003 г. Церковь

---

¹ См.: Шахов М.О. Старообрядчество, общество, государство. М., 1998; Полозов С.П. История старообрядчества Хвалынского района, Саратовской области // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. Материалы конференции С-Пг, 2002 г.

была внесена в федеральную программу восстановления культурных исторических ценностей. Началась реконструкция кровли, а главное возобновилась служба.¹

Надо сказать во многих селах Хвалынского уезда (района) функционировали староведческие молельные дома. Опять-таки вспоминаю, что в закрытом молельном Доме Алексеевки, расположенном на Большой дороге напротив кладбища мы учились наверное, в 3-4 классах. Вообще отношения между синодальной, государственной и старообрядческой церквями с самых первых дней т.н. «раскола» XVII в. Складывались чрезвычайно противоречиво. При этом старообрядчество, ставшее по-настоящему народным движением, с разной степенью жестокости, но и в царское и советское время преследовалось государством.²

По самому характеру мемуарского дискурса мы не можем претендовать на глубокое исследование этого движения – оно интересует нас лишь с точки зрения влияния его на духовную жизнь края, на судьбы людей, в конечном счете – на нас самих, нынешних.

Как считают исследователи,³ время появления старообрядцев в среднем Поволжье установить трудно. Во всяком случае, оно связано с жестокими их преследованиями в царствование Софьи и особенно Петра I, когда массы священников, верующих горожан и крестьян из центральных губерний двинулись в южную степь на Север, верхнее (Керженец) и среднее Поволжье, особенно именно в волжско-хвалынский регион, где за небольшой равниной лежат великолепные горы и доли, покрытые

---

¹ По материалам книги Алексея Наумова «Земли волынской храмы» и личному знакомству с храмом.

² Одним из главных мотивов движения старообрядцев и идущих за ними народных масс, как считает П.Н.Миллюков была мистическая идея «конца мира» (1666 г.) и прихода Антихриста, который считаем именно Петра, который вернувшись из-за границы не только начал борьбу с внешним видом России (Бродобриво...), но главное изменил летоисчисление, приказал начинать новый год не с 1 сентября, как было принято, а 1 января (см. Минюков П.Н.), очерки истории русской культуры. В 3-х т., т.2. Часть первая – Церковь, религия, литература. С.57-61.

³ Наиболее полное историческое исследование принадлежит С.Зеньковскому «Русское старообрядчество. Духовное движение XVII.

могучими деревьями лиственно-хвойного леса. Нет лучшего места для сооружения скитов-пещер – и они появились. Началась новая жизнь, хотя преследования со стороны государства не прекращались вплоть до воцарения Екатерины II. Она приглашала вернуться на родину бежавших в годы преследований отечественных старообрядцев, а также иностранцев, особенно немцев, осваивать и культивировать здесь свободные земли. За короткий период особенно на реке Ирғиз возникли богатые села и деревни, многочисленные монастыри. Но счастье длилось недолго – уже при Николае I Ирғизский духовный и хозяйственный центр был разгромлен – многие его поселники вынуждены были бежать – кто в южные казацкие степи, кто на западные границы России, а многие – в благодатные Черемшаны и Хвалы́нск, который к этому времени как мы отмечали ранее стал уездным городом. Подлинный зов Земли! Именно здесь со второй половины XIX столетия, с реформ Александра II-го, а затем провозглашение Николаем II свободы совести и права именоваться не «раскольниками», а своим подлинным именем «старообрядчества, учреждения Митрополии русской православной старообрядческой Церкви (т.н. белокриницкой иерархии) начался бурный период развития в Хвалы́нском регионе. Здесь сооружались не только монашеские скиты, но и мощные монастыри, которые становились крупными земледельческими и торговыми предприятиями, ветряными и водяными мельницами и т.д.¹

Вместе с тем, старообрядческая община оказывала значительное влияние его хозяйственную, социальную и культурно-духовную жизнь города и уезда. Прежде всего, как пишет В.Непочатых, на которую мы уже ссылались с переселением в город купцов старообрядцев, обустроивается его центр, строятся двухэтажные кирпичные дома, прокладываются

---

¹ По данным С.П.Полозова на Черемшане в 1909 г. было 8 монастырей – 1 мужской и семь женских (из них 5 белокриницкий и два – иных исповеданий. В 1811 г. в уезде насчитывалось 43.648 старообрядцев (в том числе в Алексеевке с неуказанным автором количестве – Б.С.). В Хвалы́нске из 15.000 жителей более половины придерживались старой веры. Полозов С.П. История старообрядчества Хвалы́нского района Саратовской области. Доклад на 13 международной конференции молодых ученых 26-30 декабря 2002 г.

мостовые; в 1842 (!) проводится водопровод, растет число мельниц. По Волге сплавляется до полумиллиона пудов зерна, 5 миллионов пудов яблок, которые отправляются в Персию, Австрию, Англию. В Хвалынске работает пивоваренный завод, четыре кондитерские фабрики, продукция которых, благодаря волшебной воды и местных фруктов и старинных традиций пользуется большим спросом во многих городах России. Маслобойные заводы, множество кустарных мастерских, гончарное производство, продукция которого славилась многие губернии. И, конечно, рыба, которая идет в Москву в свежем, сушеном, вяленом, копченом виде. Два раза в год собирается большая ярмарка, на которую съезжаются купцы из 5-6 губерний!..

Эта великолепно налаженная хозяйственная система, основным хребтом которой были старообрядческие деятели, в одночасье рухнула после Октября. Но материальные ценности, которые она создала, продолжали служить и служат еще и сейчас жителям Хвалынского края, которые, к сожалению, как это принято в нашей стране перманентных революций, не часто вспоминают о тех, кто вложил в них свой труд, средства и душу. Но еще реже в обыденной жизни, в печати, СМИ, научных трактах вспоминается о том вкладе, который сделали прежние поколения, в том числе старообрядцы, в культуру и духовно-нравственную жизнь общества и который ныне приобретает не только историческую, но и актуальную значимость.

Между тем если в стране основными направлениями духовной жизни синодальной и старообрядческой религиями существовали серьезные противоречия, их идеологи в печати обеих столиц и губернских центров ожесточенно спорили, они редко затрагивали провинцию, особенно такие тихие и спокойные городки и поселки, каким был Хвалынск и тем более Алексеевка. Здесь отношения между различными слоями населения, верованиями и культурами, можно скорее и точнее

назвать славным русским словом – согласие. Подлинный же раскол, попытка уничтожить все другие культуры, кроме атеистического, произошел позже, и власть соответственно назвала его «революцией»...

Знакомство с совершенно великолепным служением хвалынских храмов до революционного времени, о которых мы упоминали ранее, показывает что при некотором различии в обрядах и богослужебном языке, они были неразрывной частью Единой Христианской Православной Церкви. Еще в середине XIX в. московский митрополит Филарет говорил, что «Вы, старообрядцы, от православного учения о пресвятой троице и воплощении Сына Божия не отпали»... И в знамении продолжайте образовывать эти таинства «как православная Церковь – только не таким расположением перстов, какое она издревле употребляет»¹

Понятие Церкви несравненно шире, объемнее и глубже. Как писал замечательный русский философ Павел Флоренский в начале XX века Церковь – это «столп и утверждение истины».²

Христианская церковь основана Господом Иисусом Христом и находится под его началом и попечением. Ее пределы ни в пространстве, ни во времени определить невозможно. Различают Церковь видимую – самих верующих христиан, храмы, священство, богоугодные книги, иконопись и т.д. – и церковь невидимую, небесную – обитель Бога, Святого Духа, ангелов, душ святителей и праведников, всех покинувших наш мир людей. «Однако, – как пишет С.Н.Булгаков, – *невидимое* не есть *неведомое*. Ибо человек имеет кроме телесных чувств, еще око духовное, которым он видит, постигает, ведает. Этот орган есть вера».¹ Жизнь Церкви есть жизнь веры. Церковь не может существовать сама по себе вне людей. Ее жизнь божественна, неисчерпаема и опыт церковности передается и подается всякому, кто обращается к ней.

---

¹ Цит. по Милюков П.Н. Ук. Соч., стр. 54.

² Флоренский П. Столп и утверждение истины. Соч. т. I. М., 1910.

¹ Булгаков С.Н. Протоирр. Православие. Очерки учения православной Церкви. М., 1991, с.9.

Для того времени наши храмы и молитвенные дома были центрами духовной, культурной и социальной жизни региона. Подавляющее большинство жителей от мала до велика по воскресеньям, как правило, и обязательно по большим праздникам участвовали в церковных службах.

Что привлекает их здесь? Внешне в традиционных православных храмах – красота и архитектурное совершенство, выделяющее их из светских строений. Это во все века – высшие достижения зодчества, признанные всеми ценителями искусства (в том числе неверующими) во всем мире.

Далее, внутреннее убранство храмов и молельных домов старообрядцев. Как в тех, так и в других служба совершается в окружении икон (образов) Господа Бога, Богородицы, святых угодников, библейской и христианской истории.

Позволю себе одно отступление и далее более подробно развить эту мысль. Нередко у представителей иудаизма, ислама, протестантов можно слышать утверждение, что общение с иконами является идолопоклонством, Бог не доступен человеческому восприятию, поэтому он неизобразим. Но Господь наш Иисус Христос соединяет в себе как божественную, так и человеческую ипостаси, поэтому, он доступен изображению. Евангелист Иоанн свидетельствует – «Бога не видел никто никогда» (Ин. 1.18), но далее добавляет «Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1.18). Через Иисуса Христа мы имеем прямой доступ к Богу, мы можем видеть его лицо. В определенном смысле – Он есть первая и единственная икона. Апостол Павел так и пишет «Он есть образ Бога Невидимого, рожденный прежде всякой твари (Кор. 1.15). Но Бог создал человека по образу и подобию своему. (Быт. 1.26). Образ Божий может быть скрыт, замутнен, даже искажен в человеке. Наиболее полно он проявился в Святых угодниках Божьих. Цель иконы – направить наше

внимание к Богу через выявление образа Божья в самом человеке. Идеально эта цель и проявляется в ликах Святых на иконе.¹

Через храмы, молельные дома, монастыри с помощью многочисленных в Поволжье, в том числе в Хвалынске иконописные мастерские икона входила в каждый дом, а у верующих – в персональный иконостас. Это способствовало не только углублению религиозного чувства, формированию эстетического вкуса у населения, но и развитию искусства, художественного творчества вообще.

Обратимся снова к воспоминаниям самого высокого авторитета в этой области – Кузьме Сергеевичу Петрову-Водкину. В «Хвалынске» он пишет, что задолго до знакомства в Центре с образцами древнерусского искусства он знал икону не как музейный экспонат, а как непрременную и обязательную принадлежность мира, повседневной действительности, в которой он жил. Он ярко описывает иконы в квартире старообрядцев Тутиных, постоянные обращения к иконостасу бабушки и всех домашних, которые «крестились на киот», когда садились за стол обедать, пить чай, а половичок на кухне равно вел к столу и «к боженьке». Среди православных святынь, которые упоминаются в книге это, прежде всего, образы «Богородицы Неопалимая купина», «Умягчение злых сердец», «От бед страдающих», «Взыскание погибших», а также иконы Архистратига Михаила «Чудо о Флоре и Лавре» и др.¹ И совершенно не случайно еще в годы разгула в стране советов безбожничества им были написаны такие шедевры, как «Петербургская мадонна», «Купание красного коня» и др. ставшие вкладом в российскую и мировую культуру.

---

¹ Подробнее см. Успенский Л.А. Богословие иконы православной Церкви. М., 1989; Языкова М.К. Богословие иконы. М., 1995 и др.

¹ Великолепный анализ иконы Хвалынска в связи с творчеством К.С.Петрова-Водкина был дан в выступлении зам.директора Саратовского Государственного музея им. А.Н.Радищева Н.В.Гавриловой на VII-х Боголюбских чтениях – «Икона в Саратовском Поволжье XIX – начале XX веков и «Пространство Эвклида».

Но внешние, художественно-эстетические формы храмов неразрывно связаны с внутренним содержанием великолепно организованной гомилетикой традиционных церковных служб, которые оказывают не только благотворное влияние на прихожан, но и на культуру, образ жизни всего населения региона, города, села. Как свидетельствует история, Христианская Церковь – уникальный институт духовного, социального, культурно-нравственного Единения людей (Соборности), которая отвечает природе человека. Потому за 2 тыс. лет своего существования, несмотря на многочисленные гонения, она не только не была уничтожена, но, наоборот, из века в век укрепляла и расширяла свое влияние в мире.²

Работая над этим автобиографическим очерком, я как бы заново пережил весь трагизм попытки советской власти уничтожить Церковь и радость того, что ныне делаются попытки восстановить ее благодатную роль в обществе, особенно важную в таких небольших регионах, как наш. Лишь бы у нас не возникла иллюзия заменить живую Церковь суррогатом, так называемой медиакультуры. Работая в области последнего (ТВ) много лет, я уж хорошо себе представляю, что это значит. Живая Церковь незаменима ничем. Более того, она была и остается сосредоточием подлинной культуры. Ведь культура – не просто совокупность произведений литературы и искусства (хотя среди них есть такие, которых мы называем «божественными») не просто все достижения науки и техники, и не всякие модели поведения людей в обществе, как это нередко трактуется в популярных учебниках и постоянно навязывается телевизором.

---

² Как писал талантливый английский эссеист Г.К.Честертон «Христианский мир претерпел немало переворотов и каждый приводил к тому, что христианство умирало. Оно много раз умирало и много раз воскресало. Время от времени смертная тень касалась бессмертной Церкви, и всякий раз Церковь погибала бы, если бы могла погибнуть... Мы можем даже сказать, что Церковь молодеет, хотя стареет мир. (Честертон Г.К. Вечный человек. М., Политиздат, с. 251 и 293.

Культура – это процесс и содержание не всякой, а именно духовной деятельности, субъектом и целью которой является Человек, его возвышение и гуманизация.¹

Но почему именно Христианство, а не скажем более древние системы конфуцианства или буддизма, стало началом новой эпохи, нового типа культуры? Потому, что в его содержании, в центре учения и деятельности Церкви стал Человек. Миллионы и миллионы людей на земле уверовали в Христа не только как Абсолюта – творца Вселенной, но и как Бога, создавшего Человека по образу своему и подобию, Господа ставшего Человеком, прошедшим крестный путь и принявшим мучительную смерть во имя нашего спасения. Господь наделяет человека индивидуальной, неповторимой, ни с кем не сравнимой душой, сознанием, свободой воли и деятельности, делающего его Личностью.

Говоря современным языком богословской науки, «Учение Церкви по существу своему антропологично, потому что откровение Божье обращено к человеку».² Спасение человека в мире и вечности³ – цель и содержание всех христианских служб, порядок их ведения, обрядов и ритуалов, обусловленных традициями, их язык, герменетика и гомилетика.¹

Противники христианства или просто люди, не знающие его учения, утверждают, что религиозный опыт массовиден, что прихожане в Церкви превращаются в толпу, в которой все стандартно мыслят и действуют по определенным нормам и каждый здесь перестает быть личностью.

---

¹ Подробнее см. Сапунов Б.М. Культурология телевидения. Основы истории и теории культуры. М., 2001.

² Филарет, митроп. Православное учение о человеке // Православное учение о человеке. М.– Клин. «Христианская жизнь», 2004, с.6.

³ Учение о спасении человека определяется как «сотериология».

¹ Глубокое обоснование этого еще на заре утверждения христианства сделал Августин Блаженный (IV в.) в книге «Христианская наука или основания Священной Герменевтики и Церковного красноречия» (издание Санкт-Петербург, 2006 г.).

Нет более кощунственного и более невежественного мнения! Сошлемся на замечательного философа русского зарубежья, тело которого, слава Богу, теперь покоится на Родине, – Ивана Александровича Ильина. В своей великолепной работе «Аксиомы религиозного опыта», написанной им в Париже и изданной еще в 1953 г., а у нас напечатанной в 1993, важнейшим положением, которое убедительно доказывает автор является духовная свобода и личностное убеждение верующего.

Приведу великолепно сформулированную автором «формулу духовной свободы» – «Не заставляйте и не запрещайте. Я сам ищущ и созерцаю, я сам призван – воспринять религиозный предмет, т.е. узреть сердцем истинного Бога и предаться ему чувством, помыслом, волей, деланием. Если можете, помогите и научите, но не думайте заменить меня или погасить мой личный опыт». «Критерий религиозной истины» должен быть выстрадан, вымолен, добыт сердцем, волей, разумом и жизненным служением и «каждый человек призван решить эту задачу для самого себя».²

С одной стороны, в отличие от производственных, социальных, политических объединений, где каждый член выполняет какую-то специфическую функцию, играет ту или иную роль – сообщество Церкви *Соборно*. Все прихожане, независимо от положения в обществе и ранга, становятся здесь нравственно, духовно равными личностями как братья и сестры Единого Бога. При этом в Церкви очам любви открывается все Человечество. Жизнь каждого духовно расширяется в усмотрении жизни других, и каждая личность в Церкви живет жизнью всех воцерковленных людей. И не только в лице живущих. В Церкви нет различия между живыми и умершими, ибо в Боге все живы.

Вместе с тем, здесь человек чувствует себя просто человеком, который пришел в Дом Бога как в свой, собственный, высказать свою

---

² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993, с. 112, 113.

любовь творцу и поделиться, исповедаться в том, в чем ни с кем другим сделать этого не может. А главное испытать ту силу божественной благодати, которая может помочь ему преодолеть невзгоды на жизненном пути, вдохнуть в сердце надежду и веру.

Свое поведение в храме под взглядами святых угодников верующие распространяли и на повседневные межличностные отношения в быту, в трудовой деятельности.¹ Особенно это относится к староверам, которые не имея государственной поддержки, стремились укрепить свое положение в обществе путем повышения образования, категорического запрета употребления алкоголя, курения, срамных слов.²

Эти требования с разной степенью строгости выполнялись и верующими синодальных Церквей, а также этническими татарами, имевшими в Хвалынске и ряде сел уезда свои мечети, другими жителями. По воспоминаниям стариков, да по собственным впечатлениям молодости, Хвалынск отличался какой-то атмосферой спокойствия образа жизни, удивительной даже для провинциальных городов России, благочинностью, отзывчивостью, воспитанностью его жителей, говоря современным языком обыденной культурой быта. Большую роль здесь особенно в конце XIX начале XX веков играла интеллигенция. В этом небольшом городке были открыты две гимназии, два училища. Как писал еще в середине XIX века известный казанский историк А.П.Шапов, в старообрядчестве была «своеобразная жизнь умственная и нравственная», которая выросла на почве протеста «массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского.

Главным благоустроителем был внук писателя-демократа Алексей Владимирович Радищев, который 35 лет проработал городским головой. Род хвалынских Радищевых, который шел по линии старшего сына

---

¹ Подробнее см.: Сапунов Б.М. Введение в этику православия. М., 2005.

² Цит. По С.Зеньковский. Русское старообрядчество. М., «Церковь», 1995.

Александра Николаевича, заложил светские культурные основы хвалынского общества, воплотившись в музеи, картинную галерею, библиотеки, произведения местных художников, поэтов, писателей.

Весь этот анализ духовной жизни и культуры Хвалынска в основных своих чертах как в историческом, так и актуальном плане относится к Алексеевке – где складывалась личность автора.

Это естественно, так как вся жизнь в ней так или иначе, не только территориально и административно, но и хозяйственно, духовно была связана с Хвалынском. Но она (уже в годы моей молодости она называлась рабочим поселком) имела свои особенности, которые во многом определяли ее своеобразие, исторически определяющиеся двумя социально-производственными и культурными образованиями – помещьем Воронцовых–Дашковых и судоремонтными мастерскими волжского затона.

* * *

Часть вторая

ЛИКИ СУДЬБЫ

Очерк четвертый

Алексеевка. Дом родной. Усадьба. Завод

Об Алексеевке как солдатском поселении, устроенном для защиты от кочевников известно с XVII в. По материалам Виктора Непчатых, со второй половины XVIII века начинается массовая раздача земель Поволжья помещикам. Императрица Екатерина II подарила село

Алексеевку и 27 тыс. десятин земли Екатерине Воронцовой-Дашковой¹. По другим данным XIX веке (1861 г.) Алексеевка и 13 тыс. десятин вокруг нее принадлежали графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову. В этом большом хорошо поставленном хозяйстве были ветряная мельница, овчарня и большой яблоневый сад, при котором граф организовал школу садоводства. Алексеевка была крупным торговым прибрежным пунктом с несколькими пристанями для отгрузки хлеба, многочисленными мельничными предприятиями, питейными и механическими мастерскими.

Против нее, за Волгой, лежал Николаевский уезд Самарской губернии, где находилось еще одно имение графа – там на площади 20 тысяч десятин выращивалась знаменитая пшеница-белотурка. До 60 тысяч человек к началу уборки собирались в Саратове, Балакове и других уездных городах и больших селах для найма на косовицу хлебов. Несколько сот из них находили работу в имении графа. Торговля саратовским и самарским хлебом велась по всей России и за границей и приносила Воронцову-Дашкову большой доход.²

Алексей Наумов – автор многочисленных статей об истории края в газетах «Саратовские вести», «Звезда», в настоящее время собирающий материалы по дворянским усадьбам, в частности, усадьбе графа Воронцова-Дашкова, которая находится в рабочем поселке Алексеевка Хвалынского района Саратовской области, к сожалению, на сайте, который должен был иллюстрировать эту усадьбу, поместил фотографии совсем другого дворца. В Алексеевке было построено для управляющего одноэтажное здание с большим количеством комнат и печами, обложенными цветной плиткой. К нему прилегал роскошный парк, о чем мы поговорим далее.

---

¹ Непочатых Виктор. Райский уголок. Памятники № 10, стр. 76-80. Отечества. Вольная губерния. Иллюстративный альманах.....

² См.: Огарков. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1812; Джингарадзе В.З. Обзор фонда Воронцова, хранящегося в УГАДА// В кн. «Исторические записки», т.32, 1950.

Никто, даже из стариков 30-х годов не помнил, приезжал ли кто из Воронцовых в свое поместье, но все знали, что в нем сделал его управляющий Карл Карлович и какую роль он сыграл в благоустройстве Алексеевки. Прежде всего, как мы уже упоминали, это единственное в Поволжье (а может быть не только в Поволжье) село получило водопровод, сработанный под его началом «не как в Италии «рабами Рима», а самими жителями. Да еще какой водопровод! До сих пор он кажется, чудом конструкторской мысли. Представьте себе – в горах, перекрыв один из ключей, сооружена плотина; от нее по цементным, закопанным в землю трубам, самотеком через сад и все село идет вода, которая поступает в цементные же бассейны, расположенные в 300-х – 500-х метрах друг от друга, из которых через краны берут ее жители. «Люди, – говорила бабушка, – уж только лишь за это не молились за Карла Карловича, хотя он и был другой веры». «И еще эксплуататор, слуга помещика и потому изгнан при советской власти из страны», – добавлял грамотный комсомолец.

Но сами-то комсомольцы не знали лучшего места для прогулок, для интимных, как сказали бы ныне, – встреч в парке, от которого лучами расходились кипарисовая, сиреневая аллея, ряды жасмина и акации, за которыми в мое время еще ухаживали работники совхоза и они продолжали радовать нас своим великолепием. Вот откуда у нас романтизм до седых волос!

Большая часть взрослого населения Алексеевки, особенно ее южной части, непосредственно примыкающей к усадьбе, была занята на работах хозяйственного двора, а также весной в уходе за садом, а летом и осенью за сбором урожая фруктов, их сортировке и отправке по Волге в центр и за границу.¹

---

¹ Знаменитый белый анис, настолько прозрачный, что косточки просвечивали через его тело, получил гранд-при в Англии.

Элитные сорта, выводимые в барском саду, осваивались и в садах жителей села – Володиных, Банатовых, Жидовых и многих других – практически у каждого из них было по два сада: один дальний, а другой близкий, рядом с домом.

Судьба самой усадьбы, ее хозяйственных построек, полей и садов чрезвычайно противоречива. Сразу после «великой» революции все это блистательное хозяйство вместе с постройками и землей перешло к народу, другими словами уже в первые годы Советской власти оказалось ничейным и практически рухнуло – лошади, рогатый скот, овцы и свиньи были растащены, сады на какое-то время запущены, поля заросли сорняками, пристани опустели. К тому же в 20-21 годах разразилось страшное бедствие – голод, охвативший Поволжье, особенно нижнее и среднее. Но к середине 20-х годов на несколько лет поместье ожило. Бывают времена, когда в одном месте, на одной земле реально или виртуально встречаются разные эпохи, люди различных политических систем и взглядов. Таким оказалось поместье графа Воронцова... (Я точно не помню, какой это была год (однако не раньше 1927) ибо я уже умел читать, когда мама приносила домой какие-то удивительные книжки, напечатанные на невиданной нами ранее бумаге с фотографиями разных машин-тракторов, сеялок и т.д. До сих пор не могу отделаться от впечатления: – буквы будто как наши, а слов понять не могу!... «Это подарки американцев нашей колонии», – говорила мама, которая работала там заведующей хозяйством. О колонии и колонистах в 30-х годах, когда она была уже ликвидирована, много говорилось на селе, но в моей бурной жизни впоследствии забылось.

Но когда я снова после демобилизации в конце 70-х начал приезжать чаще на Родину, о чем я уже говорил, познакомился с бывшим колонистом Ф.М.Федуловым, начал переписку с заведующим колонией Романовым

Аркадием Ивановичем, начал с помощью Ф.Г.Печиенко¹ изучать материалы, имеющиеся в архиве и музее, а главное собирать все, что касается реабилитации мамы – Лобановой Натальи Федоровны – был потрясен гуманнейшим в истории России и Америки подвигом по спасению голодающих детей Поволжья.

Изучив имеющиеся материалы, ознакомившись с книгой Луизы Стронг «Дети революции»² мы с профессором, известным режиссером Оксаной Дворниченко написали синопсис художественно-документального фильма для телевидения. «О чем мечтала Анна Луиза», съемки которой по разным идеологическим, организационным, личным причинам так и не состоялись. Тем не менее, текст, в котором кратко изложены краткие сведения о колонии и его судьбе мне показались заслуживающими публикаций. Итак – «О чем мечтала Анна Луиза».

Проплывающие по Волге пароходы когда-то останавливались у небольшой пристани – Алексеевка. Места здесь удивительные: отроги Жигулевских гор, боры и рощи, парк и некоторые сохранившиеся постройки имения графа Воронцова-Дашкова. Но места эти связаны еще с одним именем, произносимым здесь на свой лад – одним словом – «ДЖОНРИД». Тот самый Джон Рид – американец, участвовавший в нашей революции, заболевший тифом и похороненный у Кремлевской стены. Его именем в 20-е годы была названа колония для детей, уцелевших после страшного голода в Поволжье.

Это фильм о том, как горстка ребят смогли с помощью двух американцев основать в Поволжье собственное маленькое государство – сильное и процветающее, просуществовавшее несколько лет.¹ Полуголые

---

¹ Переписка с Н.Федуловым, А.И.Романовым, Ф.Г.Печиенко долгое время хранилась в моем личном архиве и передана сейчас в Хвалынский краеведческий музей.

² Стронг Луиза. Дети революции. Сизтл, 1931. (Перевод и публикация отрывков в ж. «Ровестник», 1987, № 4. Анна Луиза Стронг (1885-1970) американская писательница, поэт, публицист. У нас опубликована ее книга «Китай в огне».

¹ Колония вначале (1922 г.) располагалась в бывшем женском старообрядческом монастыре Хвалынска, а с 1924-го была переведена в Алексеевку. Ликвидирована в 1931-м г.

бездомные сироты 12–16 лет сумели создать прекрасное разумное, справедливое и независимое общество. Они превзошли взрослых в умении работать, вести дела, познали вкус свободы и собственного достоинства. Они подружились с другими людьми из другого мира, связавшими именно с Поволжьем, свои мечты. Анна Луиза Стронг и Альберт Рис Видьмс – подолгу жили здесь, многому научили ребят, помогли организовать жизнь, и ..... на свой лад – деловито, четко, без шумихи и трескотни. Американское общество «Квакеров», русская колония в США тоже не остались в стороне. Новейшая американская техника, организация труда – результаты фантастические, ошеломляющие! Детская колония вскоре снабжала сортавыми семенами всю округу, своими тракторами пахали землю – а первый американский трактор старожилы вспоминают до сих пор! Сенокосилки, сноповязалки, племенные жеребцы, лучшие породы скота, пасека, применение новейших достижений агротехники и севооборота, приемов зоотехники, научная организация труда, своя мельница и небольшой кирпичный завод, сады, плантация бахчевых, огороды, сапожная, портняжная, чулочно-вязальная мастерские – дети обували и обшивали не только себя, – а щедро делились с окружающими всем, что знали и умели сами. Но началась коллективизация...

И чем лучше шли дела у ребят, чем независимей они были со своим самоуправлением, тем больше людей и организаций вовлекалось во всевозможные ревизии, проверки. УОНО, УИК, Губимо, ВМк, Губ, зам., упр., Губсельтрест, Губисполком, Саргоссельстрой, Саргубсельтрест, Губернуправление слало бесчисленные резолюции: расширить, увеличить, упразднить, повысить, поднять, изыскать... Десятки людей и организаций было вовлечено в проверочную и запретительскую деятельность. Началось удушение колонии – у ребят бессовестно и цинично отбирали ими же созданное и заработанное. И, наконец, чудовищное постановление – об упразднении колонии и создании на ее месте школы для развития

трудовых навыков у детей. На фоне бестолковщины и безалаберности, лени и разгильдяйства, заседаний и указаний – реальный успех ребят становился опасен!

Но и еще один неожиданный аспект темы – мир усадьбы знатных вельмож – Воронцовых-Дашковых – аллеи парка, сохранившиеся постройки наполненные отголосками тех лет, событий, в фантазии ребят обретают черты таинственности и неправдоподобия.

Ребята мужественно сражались за жизнь своего «государства», но, в конце концов, были побеждены. О колонии потом старались не вспоминать – «американцы ведь, может, шпионы какие или вредители».¹

Анна Луиза Стронг написала и издала в Сиэтле книгу об этом времени, Альберт Рис Вильямс и позже бывал в Советском Союзе, оставаясь «другом страны».

А дети – бывшие дети колонии – вспоминают ее до сих пор...

Оксана Дворничеко. Борис Сапунов. 1991.

Конечно, в этом очерке звучит явное романтическое восхищение (и преувеличение) атмосферой колонии, которое сложилось у окружающей молодежи того времени. Но в целом, на мой взгляд, в свете прошедших почти вековых событий они схвачены памятью верно.

В 30-х же годах поместье стало объектом хозяйственной деятельности совхоза. Кое-что из прошлого было сохранено. Сейчас, как пишут мои корреспонденты из Алексеевки по инициативе депутата Госдумы Вячеслава Володина – нашего земляка на этой территории построен Дом ветеранов, сооружается Храм. Дай-то Бог. Но прежнюю прелесть, очевидно, восстановить все-таки не удастся – она погибла вместе

---

¹ Именно работа в колонии мамы была одним из пунктов фальсифицированного ее обвинения и ареста в 1937 г. как врага народа.

с уничтожением затона, острова, завода в годы «великих строек коммунизма», перегородивших матушку Волгу плотинами и воздвигших в десятке километров от нас, атомную станцию и химические заводы. Новая жизнь и новые песни. Лучше ли старых? Я ведь старовер!

С усадьбой, а затем колонией, о которой мы только что говорили, затем с совхозом так или иначе были связаны жители нижней (по течению Волги) части поселка, где мне особенно запомнились Власовы, Корниловы, Володины и др. ребята из семей которых вместе со мной учились в школе, а с некоторыми продолжалась дружба долгие годы и после ее окончания.

Жители его верхней (северной) стороны, а также центра во всей своей жизнедеятельности больше зависели от затона, острова (полуострова) и судоремонтных мастерских (завода в привычном для нас понятии и произношении).

Я не могу далее продолжать свое повествование, не остановившись на этих главных производственно-художественных, как ныне говорят, факторах, определяющих судьбы не только многих алексеевцев, но и жителей окрестных сел, а также экипажей судов, зимовавших в затоне.

В начале своего очерка о Хвалынске и Алексеевке много были приведены слова моего друга Владимира Евгеньевича Рожнова,¹ сравнившего их красоту с Женевой. Но что бы он сказал о красоте нашего поселка, если бы увидел его до «рукотворного моря», сотворенное в эпоху развитого социалистического общества – до середины 60-х г., когда не был уничтожен наш полуостров, а с ним и затон, и завод, и все прибрежные дома и культурно-просветительные учреждения.

Прежде всего о полуострове, который лишь в период половодья превращался в своеобразный остров, большая часть которого заливалась

---

¹ Ныне покойного, но заслужившего своей врачебной помощью благодарность алексеевцев, сделавших его своим «почетным жителем».

водами Волги, оставляя после себя озера, наполненные рыбой, плодородными пластами земли, на которых вырастали буйные травы и зрели овощи на заливных огородах жителей. На песчаных же «гривах» с громадными осокорями, зарослями ежевики появлялись поляны грибов (у нас их звали «песочниками»), совершенно не заменимыми для солки, которых я не встречал уже больше нигде. Затон большей частью времени плескался спокойными водами, а весной в про..... устремлялись массы бурлящей воды, навстречу которой шла рыба, которая становилась добычей рыбаков-жителей поселка, большинство из которых имели лодки и снасти, приготавливаемые в зимнюю пору (вентиля, сети, «морды» из прутьев и т.д.). Вместе с этим в прорыв устремлялись бревна, доски и др. материалы разбитых в верховьях плотов, смытых с берегов, которые ловились нами для ремонта домов, дворов, сараев, заборов в садах, а главное – использовались зимой на топливо.

Не могу умолчать еще об одном, в сущности, баловства молодежи – «подкормке» витаминами. Сначала «сережками» с осокорей, которые стояли в воде, и мы с лодок срывали их и поедали до боли в желудках.² А на освободившихся лугах первым вырастал дикий чеснок – обьеденье. Какое же количество витаминов нужно купить, чтобы заменить все это? Я уже не говорю о том, что это была та активная и коллективная деятельность, которую никакими «воспитательными» мероприятиями не заменишь.

Наконец, наверное, это главное – травяные угодья и сенокосы. Я не знаю, как распределились участки на острове. Во всяком случае, колхоз заготавливал сено на довольно большой площади – я как-то в одно лето на лошади, наряду с другими ребятами, подвозил копны, где мужика ставили на зиму стога. Но мне хорошо известно, что всем, кто имел корову или

---

² Кстати, осокори – это те тополя, с пухом от которых ведется такая яростная борьба в городах. Городскому жителю трудно представить, что эти сережки можно есть. А вот так можно – во всяком случае с деревьев, стоящих в воде, где они наливаются сладким соком.

овец, нарезали участки, на которых они носили и убирали на зиму сено. Беда – плотина на равнинной реке состоит в том, что не восполненные, трагические потери понесли не только прибрежные селения, но лишились покосов, пастбищ, а значит и скота сельскохозяйственные предприятия и частные лица. В целом был нанесен громадный урон животноводству. Об этом вообще без слез не может говорить ни один не только алексеевец, но и житель Семетьбы, Меровки, Яблоновки, даже Болтуновки, расположенной за горами. Об этом говорили и хвалынцы, о чем я уже писал.

Затопление водами Саратовской плотины произошло в середине 60-х. В 1967 г. под водой оказался Алексеевский судоремонтный завод (официально его называли ремонтно-эксплуатационной базой). Мастерские уже другого профиля перенесли на голый берег к северу от поселка – там на пустыре построили дома без зелени, без садов, лишили радости сотни и сотни людей. Я уже не говорю о любимой работе. Обо всем этом – трагедии Волги, бессмысленной гибели природы, о затопленных благоустроенных заводов, баз и мастерских, о нарушенном вековом, заботой тысяч и тысяч предпринимателей – создателей великолепных речных красавцев-судов, с налаженной системы пароходств, обслуживавших миллионы пассажиров и сотни тысяч грузов – с горечью рассказывал нам – отпускникам из Москвы в 1978, показывая свои новые жалкие мастерские, их директор Владимир Власкин (естественно, чтобы о его мнении мы широко не распространялись). Ну вот пришло время публично говорить об этом. Но все-таки плотины «рукотворные моря», атомная станция (зачем же тогда плотина?) до сих пор затмевают наш взор и мы по-настоящему не покаялись перед Волгой!

А как это было ранее? Известно, что первые пароходы по Волге пошли со середины XIX в., с использованием судов, построенных в Голландии («Геркулес и Самсон» и др.). Первый отечественный пароход в

Костроме назывался «Самара». Но в этом центре хлебной торговли не было гавани для стоянки и зимовки судов. Первые общества для эксплуатации пароходов («Кавказ и Меркурий», «Самолет» и др.) начали выбирать гавани для этих целей. Так выбор пал на Алексеевский затон, где общество «Самолет» основали свою зимовку и ремонт. Так более чем за сто лет до своего затопления была основана одна из лучших гаваней и мастерских на Волге.¹

В Алексеевском затоне каждый год зимовало не меньше 1-2 пассажирских легковых двухпалубных парохода-красавца (ныне сказали бы лайнера) с такими названиями как «Спартак», «Чичерин», «Землячка» и др. До революции и в 20-е г. К Алексеевскому затону были приписаны и другие суда. Вот одни из них, несколько двухколесных (до 30-х г. По Волге ходили и грузовые буксиры американского производства одним большим многолопастным колесом) буксирных пароходов советского производства, а также наливных и сухогрузных барж!

В котельном, слесарном, токарном, столярно-плотничном, малярным и других цехах ремонтном (и строительством деревянных небольших барж и лодок) занимались и рабочие поселка и члены экипажей судов, которые на зимнее время снимали квартиры у местных жителей или имели свои собственные дома.

Я достаточно хорошо знаю и помню до сих пор территорию и цеха завода, потому что приносил завтраки деду, который некоторое время работал котельщиком, дяде Коле, работавшем маляром, а также посещал медицинский пункт, где также временно работала санитаркой мама. Кроме того не могу не сказать об огромном впечатлении, которое произвело на меня обучение токарному делу после окончания седьмого класса под

---

¹ Подробности см. Казарин В., Федотова Т. Приволжский Орлеан. Ж., «Волга», 1999, № 12. Этим именем была названа Самара возвращавшимся из ссылки украинским поэтом Тирасом, Шевченко за широкую хлебную торговлю по воде, подобно американскому городу.

руководством великолепного мастера Дмитрия (отчество запомнил) Казанцева.¹

Мне жаль порушенный завод и потому, что благодаря заботам руководства средне-волжского пароходства, завод был подлинным, редким в то время (да не частным и сейчас) центром социально-культурной работы. Ему принадлежала амбулатория и «Больница водников», библиотека, вновь построенными в начале 30-х гг., клуб, небольшой стадион, где вместе со школьными занимались и заводские спортивные секции. Заводоуправление и поселковый совет работали в полном единстве, а среди работников завода, экипажами судов, жителями села было удивительное, я бы даже сказал трогательное согласие и взаимоуважение. – Ведь те и другие были связаны общими интересами и часто межличностными отношениями, совместным проведением празднеств и других мероприятий. Думаю, что культуре поселка, о чем я еще постараюсь написать, могут позавидовать многие современные города и поселки.

Естественно религиозные праздники публично не отмечались и храмы были разрушены, но подлинно радостными событиями Осени и Весны были прибытие на стоянки пароходов и особенно проводы их весной в плавание, что непременно сопровождалось встречными и прощальными гудками, которые каждого, особенно у тех, у которых (как, например, у меня, о чем я еще скажу) складывались интимные отношения самого разного характера.

Такова та атмосфера, в которой прошло мое детство и юность и которой я обязан многим в своей судьбе. Но все-таки главным, что сформировало мой внутренний мир и определило во многом будущее был мой Дом.

---

¹ Отца призера первых Олимпийских игр 1952 г. в Хельсинке Владимира Казанцева, который долгое время жил в Москве.

«Мой Дом» стоял почти на берегу затона и вдоль оврага по улице Садовой, номер один, в просторечье называется «Лягушевкой», за ту музыку, которая каждую весну исполнялась здешними «оркестрами».

Но «Мой Дом» я не случайно взял в кавычки и написал с заглавной буквы. Конечно, юридически и фактически он не мог быть «моим». Однако, за свою долгую жизнь, сменив много квартир на просторах нашей необъятной страны от Дальнего Востока до Москвы, я бы ни одну из них, даже ту, которая стала сейчас действительно моей собственностью не назвал Домом, в том значении, какое он имел для меня в годы детства и юности. Да и само это понятие, можно даже сказать Феномен Дома осмысливается мною ныне более основательно и фундаментально.

Как всегда в этих случаях обращаюсь к словарям. Прежде всего Владимир Даль. – Дом – строение для жилья; семейство, семья; род, поколение. Далее смыслы, вкладываемые в это понятие русскими и производными от Дома а) Домовитость – зажиточность, достаток; б) Домостройство – домохозяйство, домашний обиход («жена-краса домостройства»); в) Домоседничать – долго сидеть в гостях.¹ А вот специальный «Историко-этимологический словарь современного русского языка П.Я.Черных Дом – в древне-русском – «жилище», «хозяйство», «семья», «род», «храм».²

В истории России есть произведение, созданное еще в XIX веке, но вокруг которого не утихают споры до сих пор – это знаменитый «Домострой». Революционеры старой России, апологеты Советской власти рассматривали его как «евангелие мещанства», пособие по эксплуатации и угнетения женщины в быту. Но уже не только славянофилы – В.С.Хомяков, И.В.Кириевский и др., но даже П.Я.Чаадаев, Вл.Соловьев, Н.Бердяев видели в нем воплощение русского образа жизни,

¹ Даль Владимир..... т. I, с.

² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1963, т. I, с.262.

единства Дома как космоса, экономики и нравственности, управления государством. Наиболее полный текст «Домостроя», а также великолепные предисловия к нему опубликован в 1990 году.³

Ныне, как известно, Дом стал предметом специальной и чрезвычайной злободневной науки – экологии, * которая приводит сверхубедительные доказательства, что ему, как природно-космической обители человечества угрожает смертельная опасность разрушения. Но эту опасность можно предотвратить лишь тогда, когда она будет осознана всеми жителями земли, особенно теми, которым принадлежит будущее – молодежью.

Но одних научных знаний здесь недостаточно, тем более, что в их преподавании экологическая часть не присутствует вовсе. Здесь необходимо использование всех средств, воздействующих на душу человека, формирующих «домородную» этику – истории, литературы, искусства, религиозной (сакральной) культуры.

А сколько здесь возможностей! Приведу лишь один пример, известный исследователь творчества Пушкина В.Непомнящий в своем эссе «Дар» рассматривает среди других интереснейших проблем понимания поэтом феномена Дома. Дом для Пушкина, – пишет автор, – ценность важнейшая, коренная, бытийственная. Дом – основа самосознания человеческого в человеке, залог величия его, осмысленности и не одиночества существования. Это понятие сакральное (священное), антологическое, символ единого, целостного и большого бытия, божественного творения, где «Снятая лампада Солнца, зажженная творцом, никогда не гаснет и где человек никогда не одинок».¹ По христианской традиции обитель Бога не только на небесах, но и на земле, в

---

³ Домострой. Составление, вступительная статья, переводы и комментарии В.В.Колесова. – М., 1990, стр.304.

¹ Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Подражание Корану» // Непомнящий В. Заметки о духовной биографии Пушкина. – «Новый мир», 1989, № 6.

созданной на Церкви, в каждом храме, в душе каждого верующего становится Домом. Но Дом человека – это еще и рукотворное сооружение для проживания семьи, ведения хозяйства («Эхо .....»), рекреации жизненных сил (отдыха, покоя)², а главное – воспроизводства потомства, продолжения рода, участия в жизни общества, государства, отечества.³ Ныне в русле требований жанра своих очерков, ностальгически обращаясь к Дому своего далекого прошлого, я не могу не размышлять над судьбами этого коренного понятия нашего жизнестояния в настоящее «время» даже не попытаться в меру своих способностей попробовать выразить свои чувства в поэтической форме.

Д О М

Века нашего публичность
Проклятьем на души легла,
Прозрачной стала личность,
Как будто слита из стекла.

Нас настигает всюду гласность,
Как неизбежный древний рок.
И звать сочувствия напрасно.
Как ты, публичный, человек!

В холодный век одно спасенье –
Престол дарованный творцом,
Души разорванные звенья

---

² Как утверждает лингвист, корень слова «Дом» нужно искать в санскрипте близком древнеславянскому языку, где в «Ведах» «Дай» (Дом) означает успокоениезащита // Полный церковно-славянский словарь. М., 1998, с.150.

³ Как в свое время воскликнул поэт – «И дым Отечества нам сладок и приятен» (.....). И это не просто метафора. – Отечество в древне русских рукописях, связываемых с «Дымом», т.к. дань собиралась от дыма (очага). С....16, с. 150.

Соединяет вместе Дом.

Ты здесь, растерзанный толпою,

Приобретаешь цельность вновь,

Соединяются с тобою

Покой, и счастье, и любовь

2008 г.

У Руссо, который много внимания уделял проблемам педагогики, есть интересное замечание: воспитание человека начинается с его рождения; он еще не говорит, еще не слушает, но уже учится.¹ Это самое удивительное время охватывает младенчество, детство и раннюю юность и проходит, как правило, в семье, в доме и поэтому воспитание раньше называлось «домашним».

И сегодня, прожив долгу жизнь, на опыте потерь и постижений, мучительных размышлений над собственной судьбой и судьбой близких мне людей я с полным основанием могу утверждать, что все, что есть во мне лучшего дали Бог и Семья, а худшее приобрел собственными усилиями.

Я после долгого двадцатилетнего отсутствия приехал на Родину, когда дедушку уже схоронили, но кто встречал меня и знал прежде, говорили – «Это внучек дедушки Федора». Прошло столько времени многие (почти все) мои сверстники погибли в войне, сменилось по меньшей мере два поколения, а меня помнят – лишь потому, что я внук дедушки Федора – значит, было в ней нечто, достойное памяти, если жители и меня называли «Банатовским», причастным к каким-то качествам, отмечавшим семейство дедушки.

Но прежде чем делиться живыми воспоминаниями о нем, надо обязательно поговорить о прадеде Тимофее, которого, к сожалению, на

---

¹ Цит. по «Мудрость тысячелетий. Энциклопедия». М., 2006 г., п. 491.

этом свете уже не застал, и по культуре того (да и сегодняшнего) времени наша генетическая память не простирается дальше (и то редко) имени прадеда. По словам дедушки, его отец был чрезвычайно активным человеком, скорее по духу походил на старовера, но старообрядческие обычаи, кажется, не исполнял, хотя в доме были иконы и старого письма. Получив после реформ 1861–70 гг. землю, как и многие жители Алексеевки, он развернул кипучую деятельность. Дом, в котором мы живем, построил он, применив в горнице новшество – круглую печь для обогрева, которую уже тогда «голандкой» (из Голландии). На кухонной печи кроме готовки пищи она служила и для нашего обогрева на ней, где убирались не менее трех человек. Самое важное – вокруг дома были выращены два сада – нижний и верхний с новейшими сортами яблонь (например, «белого налива», через спелые яблоки которого просвечивала (!) вся внутренность с семенами (это уж не рассказ дедушки, а мое практическое познание), груш «дюшес», «бери-бери» и особенно чернослива (имевшего лечебные свойства, не считая его удивительного вкуса). Нижний сад и огород в весенний паводок заливался водой и мы прямо из окон горницы ныряли в нее. Но самое удивительное (слова, конечно, я употребляю современные). Им в верхнем саду были выкопаны два (назовем это бассейнами), куда по ручью с гор также устремлялась вода и задерживалась там для полива до середины лета. Он все время придумывал что-то новое и в дальних садах, один из которых был расположен за маячной горой около барской ....., из которой поливались сады усадьбы и многих жителей села.

Вместе с тем прадед был мастером по изготовлению деревянных баржей и лодок и в этом качестве какое-то время работал на заводе. Ну, конечно, на дворе были и скотина – лошадь, корова, овцы, птица – все, что было и у многих других жителей села, никто тогда не считал его хозяйство зажиточным, – Алексеевка считалась достаточно справным поселком,

принимая во внимание то, что многие жители работали и в усадьбе, и в заводе.

Конечно, уже то, что ты видишь, внучек, малая доля того, что осталось. И слава Богу, а то бы «раскулачили» добавляет дедушка, горько усмехаясь. Сколько я его помню, он был высоким стариком (хотя ему в 30-е годы было немного более 60-и) с седыми волосами, подстриженными под «кружок», с покладистой бородой в целом, как я потом неожиданно убедился, очень похожим на известный портрет Крамского «Крестьянин» из Третьяковской галереи. Он никогда не жаловался на здоровье и выполнял все крестьянские работы по дому, хотя у него была грыжа (выпадение прямой кишки), которая поддерживалась бандажем. Дети эгоистичны и я тогда не обращал внимание, какие муки доставляет деду повседневная крестьянская работа с утра до вечера, без выходных и отпусков – итак год за годом, десятилетия за десятилетием – да еще каких лет и какие десятилетия!

Как настоящий мужик он умел все – и не только то, что непосредственно относилось к крестьянскому труду в поле, на огороде, в саду, в уходе за коровой (особенно в период отела и ухода за крошечным мокрым созданием – теленком, которого на первые дни вносили в дом), овцами, птицей и т.д. и т.п. Но он мог соорудить тачку, используя колеса от ставшего ненужным без лошади плуга, на которой мы потом, впрягшись в «оглобли» перевезли и перетаскали массу бревен с Волги на дрова, травы и сена с острова на зиму скоту. Он вырубил для меня из старой косы «агрочинный» ножичек со складной ручкой), «доморощенные коньки», лыжи из бочки и др. В отличие от нас городские мужики, кот орые умирают (или упиваются) от скуки, от безделья я не видел его праздно тратившим время. И дома после окончания летне-осеннего сезона – он плел сети, т.н. «морды» из заранее заготовленных прутьев лозы для весенней рыбной ловли; или начинал подшивать валенки, чинить наши

ботинки и, конечно, сооружать износившийся за лето инвентарь – грабли, деревянные вилы и т.д. И во всем этом я принимал активное участие и многому научился.¹ Оказывается – это важные приобретения, так как известно, между рукой и головой существует и физическая, и психологическая, и даже духовно-практическая связь, главное, что по прошествии лет понимается как особенно ценное – это влияние на личность в целом – на наши жизненные установки, поведение, отношение к людям и т.д.

Очевидно, дедушке внутренне, как говорится, от природы была присуща та черта народной педагогики, которая от века считали, что человек, ребенок, дитя формируется в атмосфере любви, но не гедонистически-потребительской, где он выступает лишь как объект дидактического воздействия, а активно – деятельной в качестве субъекта совместного с воспитателем со-творчества.¹ Я опять пишу неуместным в такого рода жанре «слишком ученым стилем») и дедушка меня наверняка не понял бы и вряд ли одобрил. Но объекто-центристская концепция понимания воспитания, ставшая уже парадигмой теоретической педагогики, набирает в ходе стремительно мчавшейся технико-компьютерной, информационной цивилизации набирает такие темпы и масштабы, что не говорить об опасности и гибели человека под величием ее успехов, преступно в любом виде и форме. К сожалению никто никого не слушает – гремит один телевизор, да мелькает интернет, которым не до человека – они занимаются своим «воспитанием» через рекламу и развлечения.

---

¹ Не могу не поделиться воспоминанием, как уже в середине 50-х гг., будучи зам.командира артиллерийского полка по политчасти да Дальнем Востоке (Падь Моховая Амурской обл.), где зимы бывают ой какими суровыми, я подшивал сыну, жене и себе валянки (хотя, конечно, это могли сделать и солдаты), выпиливал лобзиком рамочки из фанеры для фото и выполнял все дела в доме без водопровода и с печным отоплением.

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989.

Ну, а дед меня жалел (в деревне это слово означало «любил») – парень растет без отца, мать целыми днями, и иногда и вечерами занята работой и общественной деятельностью. «Жалел» вовсе не означало «баловал», растил «иждивенца». Нет, наоборот, я для него становился первым помощником в домашних делах, с весны до осени на огородах, в саду по обеспечению семьи на зиму овощами, фруктами, скотину – кормом. Это бесконечная копка, посадка, прополка, окучивание, полив, а затем заготовка... Для всего этого дедушка (я звал его «тятенька, т.к. он заменял мне отца) соорудил для меня инструмент – лопату, мотыгу, ведра поменьше, чем для взрослых, косу (о ней расскажу позже).

Особенно тяжелым было окучивание картофеля – среди лета в жару, которая в наших краях редко спадала ниже 30⁰. Пот льет градом, сил кажется нету – «Тятенька, я больше не могу, может завтра закончим?» «Потерпи внучек, на завтра нельзя откладывать – там другие дела будут. Нынче же немного осталось – глаза страшат, а руки делают. Надо, милый, надо – за нас никто не сделает». И вот это «надо» всю жизнь со мной, ставшее долгом, нередко тяжелым, но никогда не обремененным и часто радостным. «Человек долга» – высокое звание. Но в те годы, вместе с дедушкой была работа, сам процесс которой приносил неизъяснимую радость.

Снова возвращаюсь к весне. Прошел ледоход, начался разлив. Из наших окон видно, насколько хватает глаз – Волга залила остров и сюда на нерест устремились косяки рыбы. Но я еще сплю на рассвете, а дедушка уже давно встал, собирает сети, вентиля, берет весла. «Внучек, вставай пора ехать перебирать снасти». Подниматься страсть как не хочется, но вспомнив о возможном улове, вскакиваешь и бежишь к лодке, где дедушка уже меня ждет. Садимся за весла – я, как большой – грести, дедушка на корме – править. Течение здесь еще тихое, и мы ходко движемся вперед. Справа – из-за еще не затопленных осокорей на гривнах поднимается

солнце, обливая золотом просыпающийся мир. Дедушка крестится, взирая на эту красоту, а я перестав на минуту грести задыхаюсь от восторга и восхищения. Наверное, ко мне тогда явился Бог, но я его не узнал и только много, много лет спустя догадался об этом, когда поверил в Его существование – не могло бездуховное существо создать такой «мир красоты».

Подъезжаем к месту прорыва. Течение становится все более сильным, и дедушка сам садится за весла. И вот мы у цели – здесь стоят наши снасти. Первая морда (верша) – я зацепляюсь за куст, а дед вынимает ее из воды и вываливает в лодку, полную бьющимся, сверкающим серебром – это небольшие густерки, подлещики, окуньки, ерши...¹ И опять захватывает дух не от добычи, от того, что будет богатая уха, что много засушим на зиму, а от того, что это сделали мы, от красоты, азарта, своеобразного вдохновения.¹

С хорошим уловом мы возвращаемся домой – нас встречает вся семья – мама, бабушка, сестренка, тетя Шура, дядя Коля (о них я еще расскажу). Я, конечно, страшно горд – «Вот мы какие!» Будет всем полакомиться и ухой, и жарехой. По-видимому, эта гордость позитивна – мы не только сами получили удовольствие, но удовлетворили потребность, принесли радость своим близким.

Еще более яркое воспоминание – сенокос. Вообще всем, кто хоть как-то знаком с литературой о селе или тем более сам принимал участие в сенокосе поймет меня: несмотря на жару, массу слепней, мошкары, сенокос это такое удовольствие для тела и души, которое забыть невозможно, тем более если он ведется артельно, да с начевкой, да с ухой!

---

¹ Может быть здесь уместно сослаться на Гегеля, который на более простом примере иллюстрировал возникновение эстетического чувства и в сетку попались небольшие щука и судак, небольшой лещ.

¹ «Отрок бросает камни в реку и восхищается расходящимися на воде кругами, как неким делом, в котором он получает возможность созерцать свое собственное творение. Эта потребность проходит через многообразнейшие явления, поднимаясь, наконец, до такой формы самопроизводства во внешних вещах, которую мы видим в произведениях искусства». (Гегель. Соч., т. XII, кн. I-я, стр. 33-34).

(Ни разу не видел, чтобы эти ночевки были с водкой). Дедушка сделал мне косу чуточку поменьше, чем у взрослых – ведь мне, наверное, было не больше 12-13. На этот раз обещали поставить меня в один укос со взрослыми мужчинами. Это заливные луга, травы стоят выше моего роста. Раннее, раннее утро, все косари уже встали – кто-то отбивает, кто-то оттачивает косу; кто-то пошел перебрать сетку, поставленную в ближайшем озере на карасей, кто-то готовит сухие ветки для костра. Наконец, все поднялись. Старики перекрестились, вскинули косы за плечи и двинулись к участку. Меня ставят в общий ряд за дедушкой. Он косит как-то легко, совсем не напрягаясь, а двигается шибко. Я стараюсь не отстать, но в начале все равно тяжело, весь пропотел. Прошли прокос. Возвращаемся к началу. Дедушка точит косы, хвалит меня – не отстал, но советует не напрягаться – пусть коса сама ходит. Еще один прокос, еще – и так вместе со всеми мужиками весь наряд до завтрака, когда солнце поднимается достаточно высоко и высушивает росу. «Коси коса – пока роса, роса долой, конец – домой». Но до дому еще далеко. После завтрака отдых. Среди дня – ворошение вчерашних и копнение уже высохших валков. К этому времени подходят женщины. Начинается новый этап уборки уже не совсем романтичный «тем более слепни и мошки как с цепи сорвались – жалят как угорелые, а за ворот при копнении сыпется сенная труда. Но ничего не поделаешь – зима придет и корову кормить надо. Чтобы закончить этот сюжет, надо сказать, что после организации колхоза все, кто имел лошадей, не зависимо от того, стал он или нет членом артели, должны были сдать их и привести в общественные конюшни.¹ Дедушке было уже поздно вступать в колхоз, да и был он бывшим рабочим, но лошадь он был обязан сдать – и сделал это. Но на дворе, однако, осталась корова, несколько овец, которых нужно было кормить.

---

¹ Так как конюшен как таковых не было, кормов не приготовлено, лошадей свели в загоны, где большинство из них погибло. Это еще одна трагедия и для бывших хозяев и для села в целом.

Скошенное на острове и скошенное сено надо было перевести, и тут понадобилась тележка – мы ее с дедом и сестренкой Ниной нагружали, обвязывали веревками, запрягались и везли в гору домой, сгружая в сеновал. Сколько за зиму понадобилось таких рейсов, чтобы прокормить буренку, я не запомнил. Но хуже того – когда уже я уехал в Москву поступать в институт, а потом призван в армию, дед, как другие хозяева коров, их приспособил уже как тягловую силу для перевозки сена, дров и т.д. Всю войну буренка была и кормилицей и выполняла функцию лошади, спасая семью от голода.

Еще о дедушке как воспитателе – за все время, пока мы с сестрой жили с ним и с бабушкой, он ни разу не накричал на нас, не обругал, и чтобы мы не напроказили (а было, конечно, всякое) не тронул пальцем, а выражая свое недовольство нашим поведением, лишь «кряхтел» и вздыхал. Вспоминаю один почти анекдотический случай. Ватага моих уличных друзей уговорила меня перелезть через дальний плетень и нарвать груш, будто я сам не мог им вынести через калитку, но потянуло к приключению). Так мы и сделали. Дедушка нас заметил, закричал и увидев среди улепетывающих внука, обещал ему, как он вернется домой, посадить голой задницей в крыжовник! Я до самого вечера не приходил домой, не столько боясь обещанного наказания, сколько стораю от стыда. С наступлением темноты меня позвали домой – задница моя осталась не тронутой, но я долго не мог дедушке глядеть в глаза. Пожалуй, это одно из первых моих нравственных переживаний, которые запомнились на всю жизнь.

Вообще, доброе отношение дедушки (да и бабушки) к людям – не только к нам, ко всем близким, но и дальним – было поразительным, что

создало им, а затем маме своеобразную славу – банатовское¹ – значит порядочное, честное, доброе, отзывчивое. Вот два простых примера.

Нищие, которые приходили из соседних деревень и которых было особенно много в начале 30-х гг. ночевала почти всегда у нас, несмотря на невероятную тесноту в доме (мы с сестрой спали на полу в горнице, т.е. «передней» или на «палатах» во второй комнате-кухне). Любопытно, что именно от нищих, особенно от маленького старичка из Ивановки, который каждый год приходил побираться в Алексеевку, мы получали «лакомые» кусочки белых булочек, пирога с ягодами, которые в нашей семье были очень редкими. Еще один пример – кто бы ни проходил мимо нашего сада в пору созревания плодов, дедушка обязательно приветствовал его и предлагал попробовать тернослива, особенно редкого в наших краях, или груш, а также взять с собой, не желая даже слушать ни о какой оплате.

Естественно, это формировало в нас также щедрость и честность в отношении к деньгам, собственности. У моей сестры Нины это стало своеобразной религией. Забегая вперед не могу не поделиться двумя эпизодами. После ранения и лечения в госпитале в 1941 году поздней осенью я, по дороге в училище, куда меня направили для окончания образования, заехал на родину в Алексеевку, а затем в Хвалынский, где сестра после окончания Торгового техникума работала заведующей продовольственного склада, откуда в магазин она отпускала в том числе и вино. Она взяла бутылку красного, чтобы угостить брата в честь такого случая, хотя в принципе в семье вино (разумеется особенно водка) не употреблялась. Но в данном случае я хочу сказать о другом. Я ей говорю – «Нина, ты что не можешь со склада взять бутылку вина без оплаты?» Она мне в ответ – «Еще как могу – я прекрасно знаю нормы на «усушку и утряску» (бой стекла в ходе транспортировок) – это составляет сотни и

---

¹ Должен сознаться, что сам я, если делал что-либо стоящее подписывался не Сапунов, а Борис Банатов (скажем сборник стихов «Преображение». М., 1996.

тысячи рублей, но я не могу и никогда не возьму ни на копейку – не позволяет совесть». А затем, когда я служил уже на дальнем Востоке в 50-х годах, а она вышла замуж за военного и жила в Чите, работая заведующей магазином. Муж ее на наше удивление скромностью квартиры, как бы не соответствующий работнику торговли, рассказал нам такой случай. «К ней пришла ревизия для проверки, как это всегда бывает. Выслушав их требования, она поднялась и сказала «вон отсюда – я никогда в жизни не брала ни крошки чужого и у меня в магазине все в порядке». Они удивились, видно позвонили куда-то, но больше не приходили – ее бескорыстие было известно и наверху. Видно это так, но какой чистотой совести, каким внутренним достоинством надо обладать, чтобы решиться на такой поступок! Но я не был удивлен «зная Нину – ведь она Банатова, хоть и носит другую фамилию.

Заканчивая изложение воспоминаний о дедушке, я снова и снова задаю себе вопрос – как мог сформироваться этот светлый человек в условиях первой половины XX века? Если следовать объектоцентристской логике, принятой в Советское время нашей наукой, от которой мы решительно не отказались до сих пор, то его личность должна была быть сформирована теми жестокими историческими условиями. А он пережил три революции – февральскую семнадцатого года, октябрьскую (пролетарско-ленинскую), после которой обрел надежду; но затем колхозно-сталинскую, уничтожавшую крестьянство, в результате которой было разрушено его хозяйство, а общественные сады через несколько лет на корню засохли. В 1937 г. он пережил трагедию ареста коммунистической властью коммунистки дочери, которая через год от воспаления мозга погибла в Гулаге, оставив двоих детей на его попечении. По нему прошли три войны – ..... которая, славо Богу его не коснулось, гражданскую, в результате которой сын стал инвалидом и германосоветскую, которая отняла трех внуков, убитых на фронте «зятя

пропавшего без вести», внука, после ранения, захватившего на несколько дней (это был я), а в последствии служил на Дальнем Востоке и не смог даже приехать на похороны. Тетя Шура, оставшись без мужа с ребенком на руках, переехала жить к нему, а сама всю войну работала в лесхозе, вырывая с корнем кусты, содержали вещество, перерабатываемое в резину. В результате этого ее позвоночник уже не разгибался, и она всю последующую жизнь ходила согнувшись, руками доставая землю. Она и схоронила дедушку в 1952 году 92-х лет от роду. О военных и послевоенных годах его жизни она и оставшиеся в живых дядя Коля и внук Михаила рассказали мне уже в 70-х годах. Он остался таким, каким был всю свою жизнь – не озлобился, не потерял любовь к людям, заботу о близких, доброе отношение к соседям. Все также лучились его небесного цвета глаза, будто все трагедии эпохи не коснулись его внутреннего мира. И тут я вспомнил Георгия Петровича Федотова к работам которого уже обращался не раз. Он писал жизнь в Церкви «Творческое участие в науке и искусстве», доступно не многим. Но нравственный подвиг доступен для всякого. Каждый может... достигнуть того, что стоит назвать этической гениальностью.¹

Вряд ли дедушка из-за своей скромности согласился бы с тем, что это определение может относиться к нему. Но я то в этом совершенно уверен, как и в том, что этим внутренним качеством обладали тысячи и миллионы русских людей, особенно крестьян, переживших то практическое время. Федотов связывает это с религиозностью. Внешне дедушка во всяком случае при нас не выражал религиозности, хотя, конечно, крестился перед иконами и вместе с бабушкой, которая была истинно верующей, повторял молитвы, усвоенные с молодости, когда безусловно посещал Церковь. И что совершенно неоспоримо, он был тем,

---

¹ Не могу не сказать, что мой младший сын Федор, те правнук моего дедушки Федора стал священником и ныне служит в храме г.Тутаева, Владимирской области.

которого в православии называют и сейчас «естественным христианином». Думаю, что это относится и к маме, хотя она была и революционеркой и коммунисткой. Думаю, что и церковность бабашуки духовно-генетически принесла и живые плоды.²

Но подлинным плотом дома, его материальным и духовным стержнем была в эти годы мама. С ее приездом (она сохранила фамилию первого мужа – Лобанова Наталья Федоровна) ее деятельности по спасению семьи от голода начались мои очерки. Упоминал я и о дяде Коле – ее младшем брате, который был забран в гражданскую белыми, потом оказался у красных, дошел с ними до Урала, заболел и лежал в Самарском госпитале недвижимый и скрюченный (его ноги как у ребенка были прижаты к груди). Оттуда пришло извещение, чтобы его забрали. Мама не раздумывая бросилась за ним. Привезла его буквально на руках. На него было страшно смотреть – никто не думал, что он выживет и уж во всяком случае на всю жизнь останется калекой. Как мне потом рассказывал сам дядя Коля, который боготворил свою сестру, она сама сажала его в муравьиную кучу, парила в бане, растирала спиртом (для чего устроилась санитаркой в заводской медпункт), поила народными снадобьями. И свершилось чудо – ноги его распрямились, он начал ходить. Работать в мастерских маляром, женился. Забегая вперед скажу, что в одно время с мамой он был арестован в 1937 году, 20 лет просидел в Гулаге, реабилитирован в 1958 году, пережил маму, жену и сына и скончался глубоким стариком в 80-х годах!

А Наталья Федоровна стала моей мамой. Из Москвы от отца не было никаких известий. Но она была еще молода – только что исполнилось 30 лет. За ней стал ухаживать ее ровесник, живший на соседней улице – мордвин (хотя у нас в поселке да и вообще на Волге, как я уже писал

---

² Г.П.Федотов. Собр. Соч. в 12 тт. Т.10, с.347.

национальности в отношениях не придавали никакого значения) Василий Филлипов. Она согласилась выйти за него. Но брак оказался не долгим. Как-то увидев, что он по какому-то пустяку (я этого не запомнил – мне было что-то 2-3 годика) грязно обругал меня и ударил колодкой, на которой ..... ботинок. Она немедленно собрала немудреные вещи и ушла от него, несмотря на то, что была уже беременной (через несколько месяцев у меня родилась сестренка). Это был поступок женщины, знающей себе цену, ощутившей на опыте жизни себя человеком и вставшей на защиту достоинства личности¹ и, безусловно, любящей детей.

А несколько лет позднее, когда мне было очевидно 10 или 11 лет, а сестре 5-6 мы стали причиной другого события в жизни мамы, которое могло бы изменить и ее и нашу жизнь, но из-за нас этого не случилось – только Богу известно к лучшему или худшему. Из Ленинграда приехал в гости брат маминой подруги – инженер, крупный руководитель, который перед этим потерял супругу. Познакомившись с мамой, он был так очарован ею, что предложил ей «руку и сердце» и перевез во вторую столицу, где у него была большая квартира. Он ей тоже понравился. Но как она поступила? Решить сама этого она не могла без нашего согласия. – Мы были для нее личностями. А эти личности, очевидно благодаря известного детского эгоизма, расплакались, заявили, что мы не хотим, чтобы она жила с каким-то дядей, и никакой Ленинград им не нужен!

В отношении к детям, семье, своим близким и в бытовой жизни меня до сих пор поражает, как эта женщина-крестьянка, проработавшая в Баку рабочей и прислугой, наблюдая жизнь семей интеллигентских, французских и наших инженеров-специалистов, вынесла из этого не «классовую ненависть» и не зависть к богатству, к нарядам, а жадно впитывала то, что ей не хватало – культуру, отношений, искусство,

---

¹ Этого Филлипов простить ей не мог и грозился убрать ее и ее «щенят». В конечном счете он отомстил тем, что в 1937 году написал на нее донос, по которому мама и была арестована, погибла в Гулаге, о чем я уже упоминал и позже рассказу подробнее.

музыку. Удивительно, что когда ей уже тогда как жене комиссара представилась возможность посещать тогда знаменитый не только на всю Россию, но и Европу Бакинский оперный театр, она прослушала в нем все спектакли!

И вот почти фантастическое воспоминание. Вечер. Уже темнеет. Мы не ложимся и ждем мамочку. (Для деревни само по себе так звать мать было настолько необычно, что меня все ребята дразнили «мамочкой»). Она приходит усталая, садится с нами на кровать, гладит нас по головкам и начинает рассказывать. О чем? О содержании опер! Так мы с «Русалкой», «Снегурочкой», «Иваном Сусаниным», «Сивильским цирюльником» и другими русскими европейскими операми познакомились уже в раннем детстве! Когда позднее я впервые по радио услышал песню Леля, армию Мельника, Сусанина, мне показалось, что именно так они звучали в моем детском воображении. Может быть отсюда моя любовь к классической музыке, возможно и интерес к большому искусству вообще, которые я пронес через всю жизнь.

И куда бы мама ни ехала – в Хвалынский, в Саратов или другой какой город – она обязательно покупала книжки и затем вслух читала нам. Может это показаться выдумкой, но я до сих пор помню первую книжку в черном переплете рубчиком и с картинками – Пушкинскую «Руслана и Людмилу» и будто слышу (скорее ощущаю) голос мамочки, читающей ее нам.¹ Позже мама, будучи председателем поселкового Совета, о чем я расскажу далее, была инициатором и организатором поселковой библиотеки, которая существует и до сих пор, через 60 с лишним лет

---

¹ В одном из номеров «Русского журнала» к 2007 г. (№ 11) статья Аллы Шестаковой «Стеб» да «Стеб» кругом с глубокой тревогой за судьбы русского языка в стране (можно говорить и о всей русской литературе), которым перестает говорить не только молодежь. Я думаю вообще, что СМИ в этом отношении готовят национальную катастрофу (мое утверждение не постороннего наблюдателя, а работника этой отрасли). Автор статьи предлагает одну из мер для исправления положения – домашнее чтение. Это верно, но не станет ли это предложение очередным «гласом во пустыне»?

показали мой первый читательский билет. Наверное то, что библиотека – мой вечный предмет любви это от отца.²

А как же, скажет современный читатель забота о материальных условиях жизни детей? (Если, конечно, будет такой читатель повести о далекой чужой жизни, который оторвется от телевизора, где столько красоты и в квартирах, и в одежде, и в пище! Ведь писал же Достоевский, что именно красота спасет мир!) Ну чтож, пишу я прежде всего для себя, своих сыновей, внуков и правнуков – вдруг это будет им интересно?

Итак вернемся на несколько лет назад – мама снова пришла в дом дедушки, который и так был полон – тетя Шура, дядя Павел, Николай, который почти выздоровел (у него возобновлялись лишь припадки эпилепсии), но вдруг женился приведя в дом скандальную невесту из рода Володиных. А мама вскоре родила – у меня появилась сестренка Нина, о которой я уже упоминал. Что делать? Собрались всей семьей мужики – дети и внуки деда, использовали бревна, выловленные за несколько сезонов из Волги и высушенные соорудив в дальнем углу огорода избушку «на курьих ножках» – в ней, кроме небольшой русской печи, на которой чаще я спал, умещалась лишь мамина кровать с Ниной, да стол.¹

Питание не запомнилось потому, что было обычным – молоко и молочные продукты от буренки, овощи и фрукты с огорода, пшенная каша, картошка – только хлеб, соль, сахар покупался в кооперативе. Иногда мама приносила какие-нибудь сладости – например, совершенно роскошное мороженое, которое изготовлялось в Хвалынске и иногда продавалось у

---

² Уже как преподаватель культурологи я утверждаю, что библиотека – не только информационный центр учебных заведений, но и «душа» социальной сферы культуры, современная «Церковь» интеллектуально-духовного общения людей в повседневной жизни. Именно библиотека сохранила духовность в советском безрелигиозном обществе. Не дай нам Бог ныне уничтожить библиотеку с помощью Интернета и других технических мудростей.

¹ Самое запоминающееся из жизни в избушке был страх. Мама, работавшая в эти годы в колонии им. Джона Рида, о которой подробно написал приходила домой поздно, иногда затемно, особенно осенью. Келья стояла на отшибе и мы боялись даже зажигать лампу и прислушивались к каждому шороху – вдруг придет Филлипов и убьет нас. Фобия страха у меня сохранилась на всю жизнь, с которой я с ранней юности сначала инстинктивно, а затем сознательно боролся и по службе в армии, а затем по-фронту, кажется, все-таки умел ее побеждать.

нас. Но позже из Саратова, где она была на каком-то совещании, конференции, мама привезла головку сыра голландского, который поразил меня скорее не вкусом, а запахом, который я пытаюсь обнаружить всю жизнь – и все безрезультатно.

Мама не только в обычное время, но даже в голодный 30-31 год не позволяла себе использовать свое служебное положение для получения того, чего не было у других. Я уже хорошо помню как мама вместе с нами женщинами поселка собирала лебеду, ходила на озера за корнями камыша, которые после сушки добавлялись в муку, чтобы испечь сур..... хлеба.

За чем мама следила, так это за тем, чтобы мы были аккуратно и чисто одеты. Совершенно необычно для поселка сельского образа жизни было то, что я вплоть до 7 класса ходил в штанишках до колен (на этот счет есть свидетельство фото). Конечно, это было лишним поводом дразнить меня «мамочкой». Но в 9-м классе я уже ходил в модном для волжанина морском кителе, в котором через два года и приехал в Москву к отцу. Она стремилась в силу своих возможностей удовлетворить и мои «спортивные» интересы. Например, у меня одного из первых был велосипед, коньки не на самоделках, а на настоящих ботинках.

А теперь, чтобы закончить с материальным, несколько слов об отношении к деньгам. Мама никогда не давала их нам, кроме оплаты за позже появившиеся завтрака. Практически мы не просто не знали (какое сравнение с современниками) и пожалуй, даже боялись.

Вспоминается такой эпизод. Это было уже, наверное, тогда, когда я учился в 8 классе. На улице ребята вместе со взрослыми играли в «орлянку». У меня было копеек десять и я не выдержал. Мне неожиданно повезло – выиграл что-то рубля три с лишним. Когда игра закончилась и я с этими огромными деньгами должен был возвращаться домой, меня начала мучить совесть: как поступить? Отдать маме, значит признаться, что я их выиграл – за это мне не поздоровится. Скрыть и что-то купить, но

узнают дома и спросят, откуда у тебя деньги? И здесь уже в темноте появился один из игравших – взрослый парень и предложил мне сыграть в «орла» – «орел или решка». Я согласился, поставив на все. Конечно, у него вышел «орел». Так с облегчением я расстался с самой большой суммой денег, какую когда-либо имел тогда.

После фактической ликвидации колонии Джона Рида мама должна была некоторое время наниматься на любую работу, чтобы обеспечить семью и содержать детей «не хуже других» в этом состояла ее материнская гордость и достоинство. Не могу не рассказать о случае, связанном с одной из работ, в котором принимал участие и я. Мама в один из сезонов устроилась коком (поварихой) на грузовом пароходе, ведущим на буксире нефтеналивную баржу. Пароход назывался «Эдуард» и на нем в числе команды были и другие жители Алексеевки – мужчины. Существовала практика в середине лета, в сезон фруктов встречать пароход на лодке прямо на ходу, на стрежне Волги. На этот раз вместе с мужиками участвовал в этом опасном приключении и я. Представьте себе – мы встречаем караван далеко до места встречи с пароходом и постепенно спускаемся по течению до встречи с ним. Когда происходит сближение, мы зацепляемся баграми за борт, а они бросают чалку. При неудачном маневре лодка вместе с нами могла бы попасть под колеса (это были преимущественно колесные, а не винтовые суда). Страшно подумать, что могло случиться на глазах у команды, которая так нас ждала. Но все прошло благополучно и я, как герой, с помощью матроса выпрыгнул на палубу в объятия мамочки. Какая это была радость – мы передавали маме отжатый творог, яблоки, чернослив в лодку, матросы баграми с силой нас отталкивали от борта, и мя буквального в метре от колес проносились мимо, подхваченные бурным тогда течением. Это было одно из лекарств от «фобии страха», о которой я только что писал.

Несколько лет после гражданской войны и с введением НЭПА страна, судя по нашему поселку, начала успокаиваться, восстанавливались хозяйства, появилась торговля на рынке, ухоженными становились сады, оживилась пристань, пошли грузовые и пассажирские пароходы. Людям стало жить вольготнее.

А у нас в семье произошли события, которые в какой-то степени были связаны с прошлым мамы и моим будущим? Дело в том, что к нас в Алексеевку каждое лето последние два года приезжали дальние родственники и знакомые мамы из Баку, чтобы поправить свое здоровье – многие из них в этом городе заболели туберкулезом, а считалось, что наша вода, которая текла из горных известковых источников необыкновенной чистоты и вкуса, а также чернослив из нашего сада способствуют выздоровлению. Так это и было. И несмотря на неудобства деревенской жизни, тучи комаров и мошек, от которых не было спасения (мы то к этому привыкли и нас они не так остервенело кусали), бакинцы все-таки приезжали на отдых к нам.

И вот однажды первый раз приехали земляки и сообщили, что так как они были нефтяниками, то проезд по Волге им устроило управление Волго-нефти, находящиеся в Казани, которое возглавлял М.Е.Сапунов. Они были уверены, что мама живет с ним и были удивлены, увидев ее в Алексеевке... Узнав правду о том, что мама ничего не знает об отце, они, очевидно, написали ему. И произошло то, что стало знаменательным не только для нас, но и для всех жителей поселка. Одним из дней ранней осени около нашего дома остановился автомобиль; которого в поселке вообще до этого не видели, и что само по себе было чудом почти таким же, как позднее ..... Мне было, очевидно, пять или шесть лет, но в отличие от других событий этих лет куда более значительных, приезд толстого мужчины, который с трудом вылез из машины и который назвался моим отцом, я запомнил в деталях. Прежде всего, меня охватило такое

смущение, что когда он взял меня на колени, я не мог выговорить ни слова, не слышал, что он говорил, не мог сказать спасибо, когда он неожиданно вынул из кармана какие-то поразительно красивые часы, каких, конечно, я сроду не видел и подарил их мне. (Эти часы, слава Богу, сохранились в семье и теперь принадлежат одному из моих внуков). Он привез каких-то вкусных вещей, которых мы в деревне не могли видеть – больших конфет, печенья, пирожных, угощал за столом меня, но я не притронулся ни к чему. Они с мамой проговорили всю ночь, а наутро он уехал, обещав помогать маме воспитывать сына. И надо отдать ему должное сдержал свое слово – каждый месяц высылал какую-то сумму денег, иногда вещи (очень помню коверкотовую гимнастерку, которой я очень гордился).

В Москве потом он хорошо принял меня, но об этом позже.

А время летит быстро, в детстве и молодости мы его не считаем, будто будем жить вечно. Наступил 1928 год. Мама записала меня в первый класс, хотя мне еще не исполнилось и семи, будто предчувствуя, что ждет ее тяжелая судьба и я должен закончить школу раньше.

В этом же году она вступила кандидатом в члены ВКП(б), хотя фактически участвовала в женском революционном движении с Бакинских времен и была «природной коммунисткой» по натуре своей и убеждениям. Между тем в 1929 году развернулась новая большевистская революция по ликвидации крестьянства как класса и создания коллективных хозяйств, которые по своей сущности, формам, методам функционировали коренным образом противоречили традиционному национальному общинному землевладению и образу жизни деревни. К тому же осуществлялось это, как многое в советское время, сверхбыстрыми темпами неестественными бюрократами преимущественно с применением насилия.¹

---

¹ Уже в наше время в одной честной книге историков прочел речь председателя Совнаркома РСФСР в Институте красной профессуры, в которой излагалась механика деятельности советов на местах по

Мама как председатель поселкового совета была, естественно, членом комиссии по раскулачиванию и коллективизации, которую возглавлял секретарь партийной ячейки и представитель Хвалынского райкома ВКП(б). Дела шли туго, как и по всей стране, поступало много жалоб на несправедливость лишения собственности, на ..... В принадлежности к кулачеству и т.д. и т.п. Но так как мама была «своя», ближе других к жителям и, зная ее отзывчивость, люди шли главным образом к ней, встречая на улице, посещая контору совета, приходя к нам домой. Мама была чрезвычайно расстроена и на комиссии вносила предложения, которые далеко не всем нравились. Более того, они

оказались в доносе, по которому среди прочих, ее и арестовали в 1937 г.¹ Как видно мама оказалась права, но от этого ей не стало легче, а обернулось трагедией. Прошел год и нагрянули новые беды – безлошадные крестьяне и еле-еле сводящие дух наспех организованные колхозы не могли ни вспахать, ни посеять озимые; зима пришла суровая и бесснежная – погибло то, что посеяли. Засушливые весна и лето погубили яровые, луга и полевые огороды. Наступил новый голод не менее жестокий, чем в 1921. Уж этот голод я хорошо помню – и лебеду и желуди садов, и корни камыша, и кору деревьев. – И председательница была с нами, и с гражданами поселка, о чем я, кажется, уже говорил.

проведению коллективизации «ведь если долго возиться с крестьянином, да убеждать его... тебя, глядишь и обскачет соседний район, не теряющий время на эти «пустяки». Так зачем же так долго возиться с крестьянином? Намекни ему насчет Соловков, на счет того, что его со снабжения снимут, или заставят голосовать по принципу, кто за коллективизацию, тот – за Советскую власть, кто против коллективизации, тот – против Советской власти». (Наше Отечество. Опыт политической истории. М., МГУ, 1991, т 2, с.289.

¹ Об этих обвинениях я узнал позже и, конечно, не из органов, которые даже при реабилитации не удосужились сообщить об этом. Это мне поведала Антонина Ивановна Тотохина, которая вместе с мамой была арестована и сидела в Пермском Гулаге. Так вот мама говорила, что «ей приписывают вину в том, что она утверждала, во-первых, об отсутствии в поселке кулаков, так как все семьи здесь так или иначе связаны либо с совхозом, либо с заводом, т.е. практически относились к рабочему классу. «Я также не выступала на комиссии его коллективизации против организации колхоза, но считала, что отбирать у жителей дальние сады и обобществлять скот, особенно лошадей, рано – для этого еще не созданы условия – не было конюшен, кормов и людей, которые могли бы ухаживать за ними».

Но все кончается на свете. 1933 год оказался и для Поволжья и для страны урожайным. Дела стали поправляться. Судьба подарила нам несколько лет тишины. Мама, как всегда – в активной общественной работе, в стремлении улучшить жизнь поселка. По ее инициативе и непосредственным участием создается детский сад смешанного возрастного состава, чтобы хотя бы на лето освободить женщин от забот о доме. (См. Фото). Она начала хлопотать о строительстве новой школы, наборе учителей и открыли десятилетки.²

Она продолжала участвовать во всей партийной и общественной работе иногда привлекая к ней и меня. Об одном из таких мероприятий я хочу рассказать, так как оно в какой-то степени, может быть повлияло на выбор моей будущей профессии.

Это было в 1934 году. После XVII съезда партии ЦК выпустил тезисы-вопросники по докладу Сталина для лучшего его изучения в парт.ячейках. Мама дома готовилась к занятиям по ним, и я читал вместе с ней. Она решила взять меня на «дискуссию», которая проходила в заводском клубе. Мужики – члены партии с трудом понимали и с еще большим трудом формулировали сложные вопросы мировой и внутренней политики, которые содержались в тезисах по докладу. А мне казалось все ясно, и взглянув на маму и получив ее разрешение, попросил слова. Встал и чеканя, как на уроке, слова (я заканчивал 7-й класс) излагал связно то, на что взрослые не могли ответить. Это было мое первое публичное выступление и я этим страшно гордился, не говоря о маме, которая просто сияла от счастья. Неожиданно поднялся и мой авторитет в поселке среди взрослых – «вот так, вот так Сапунов-Годунов», намекая на то, что мой отец там в Москве тоже не маленький человек.

---

² Первый ее выпуск состоялся в 1938 г. к сожалению, в 2008 г. никак не отмеченный – по крайней мере без приглашения ветеранов, как это было в год 50-летия.

А я с полной уверенностью в своей правоте и правдивости того, о чем говорю, естественно, как это официально называлось в тезисах, что XVII – «Съезд победителей», который означает ускорение темпов социалистического строительства, называл заводы, которые возведены за прошлую пятилетку, – Сталинградский, Харьковский тракторные, Горьковский и Московский автомобильные, Ростовский-на-Дону сельхозмашин, с энтузиазмом вещал о гигинтских ..... Беломорканала, о котором даже писал великий пролетарский писатель Горький и т.д. и т.п.

Я бойко вещал о завершающем этапе коллективизации сельского хозяйства и необходимость усиления борьбы с классовым врагом, остатки которого, даже пробравшиеся в партию мешают нам возводить светлое коммунистическое будущее.

Стоп. – Все как изо дня в день писали газеты. Повторяя заученные фразы, мальчик, как и его мама и сидящие в зале не знали, какой ценой достигнуты эти успехи и вообще не понимали многое, что происходит в стране. А в СССР продолжалась настоящая дьявольская анти-коммунистическая революция в ходе которой утверждался, ничем не ограниченный режим диктатуры, личной власти. И если в первую революцию уничтожались открытые классовые враги, во вторую ликвидировались наиболее трудолюбивые крестьяне под видом кулаков,¹ то сейчас наносился по честным, старым членам силой партии, которые в какой-то форме высказывали свое несогласие с «ее линией», сопровождавшиеся массовыми репрессиями и расстрелами, повсеместными нарушениями прав граждан, отбрасыванием всех традиционных нравственных норм и общечеловеческих ценностей. Распущены Общество старых большевиков, Общество полит.ссылных и

---

¹ По разным данным к 1933 г. было выслано из своих мест жительства до 10 млн. человек, а многие крестьяне, боясь «раскулачивания» сумели перебраться в города, составив большую часть рабочего класса и разместившего в бараках, которые еще долгое время «украшали» наш быт, определяли язык и культуру городов.

политкаторжан, прошли массовые чистки партии и обмен партийных билетов. Продолжалось наступление на творческую (ликвидация РАПП), техническую («Громпартия»), аграрную научную интеллигенцию (руководители т.н. «Трудовой крестьянской партии» Н.Кондратьев, Чайков), представители которой вряд ли знали Маркса и Плеханова, но в ранней юности обязательно посещали церковь, читали Библию и Евангелие, Достоевского и Толстого и для них библейские и христианские заповеди – «не убий», «любите друг друга», живите по совести и справедливости были не пустыми словами, «независимо от того, входили они в коммунистическую партию. Или нет, были «естественными коммунистами».²

Вот такой «коммунистической от природы» в самом лучшем, традиционно-историческом и нравственном смысле была в глазах окружающих ее людей Наталия Федоровна Лобанова – моя мать... Пролетели три последних года с мамой. Она назначена на должность председателя потребительской кооперации, объединяющей несколько сел. Внешне наша жизнь никак не изменилась, разве только мама стала позже приходить домой, уезжать на несколько дней, реже бывать с нами, больше заниматься политграмотой, читать газеты. Я уже учусь в 9 классе, меня приняли в комсомол, избрали секретарем школьной ..... организации. Много школьных дел, драматический кружок, агитбригада на лыжах со спектаклями в другие села.

Осень 1937, я только что вернулся из школы. И вдруг... Крик «Боря, беги скорее в поселковый совет, маму арестовали!» Но этого не может быть – кого-кого, но не ее – маму, Бакинскую революционерку, единственную женщину – коммунистку в поселке – не может быть. Но, как

---

² Сейчас уже об этих истинных коммунистах широко известно, особенно после «Гулага» Солженицына и других произведений, в которых они пострадали именно в эти годы от режима, называвшего себя «диктатурой пролетариата» «социалистическим государством», ... «Коммунизма» и т.д., уничтожавших все частное, подлинно коммунистическое, нравственные, христианское, человеческое.

оказалось, может. Вбегаю в поселковый совет. Милиционер. Спрашивает, к кому. Мама кричит «ко мне» – пропускает. С нею еще более десятка мужской и в их числе дядя Коля. «Это недоразумение, малый, все разъяснится в Хвалынске. Но ты остаешься единственным мужчиной в доме. Дедушка уже старый, все теперь на тебе. Позаботься о Нине, в случае чего». Милиционер прерывает свиданье. Всех выводят на улицу – большая толпа народа – родственники, любопытные. Арестованные – и среди них мама оглядываются, она машет мне. Их везут в Хвалынск. Живой я маму видел еще два раза – через окно школы, когда арестованных из Хвалынска гнали пешком с конвоем в Вольск, а нам не разрешили выходить из школы. Второй раз зимой в вольской тюрьме через решотку, когда я на попутной грузовой машине в кузове поехал на свиданье с ней.

Погибла она на Урале, в Соликамске в марте 1939 г. Как потом мне говорили те кто сидел с нею в тюрьме, от воспаления мозга – от дум о детях, о семье, о судьбе. Известно стало и то, что на нее донес (доносительство стало в то время нормой) Филиппов, который, мстя ей, написал клеветническое письмо в НКВД, будто она приехала из Баку в 1921 г. с помощью белых и высказывала антисоветские настроения в период коллективизации. Реабилитирована она в 1952 г., но до сих пор, несмотря на запросы в разные инстанции, никто мне не ответил, где ее могилка.

В это же время арестован наш любимый преподаватель литературы Дмитрий Михайлович Бояков (о котором подробнее я напишу в следующем очерке, а его сын – талантливейший педагог-историк, директор нашей школы – Виктор Дмитриевич вынужден был стать рядовым учителем в селе Болтунове. В годы Великой Отечественной войны он погиб на фронте, как и его младший брат – наш умница, талантливейший математик Саша – вечная им память!

А для меня началась новая жизнь – я стал сразу взрослым не по летам и, наверное, это состояние взрослости пронес через всю жизнь считая, что всегда ответственен за кого-то. Представьте себе – мы остаемся без копейки денег: дедушка давно не работает и, конечно, же не получает, как и все в то время, пенсии. Я и сестра учимся, Шура (тетя) замужем, у нее своя семья, и она помочь нам не может. Меня выручают учителя, которым я навек благодарен и прежде всего Матвей Иванович ..... преподавателю ..... Он, рискуя своей свободой устраивает меня лаборантом. А примерно через день или два после ареста мамы и Дмитрия Михайловича из Саратова приезжает «тройка» молодых хорошо одетых представителей обкома ВЛКСМ и сразу вызывают меня на беседу о деятельности матери как «Врага народа». Я отвечаю, что я об этом ничего не знаю. Они берут документы комсомольской организации (которая тогда числилась по работе одной из лучших в районе) – о, ужас! Книга протоколов собраний обернута в газету «Комсомольская правда», где помещены портреты прежнего состава ЦК ВЛКСМ во главе с Косаревым, большая часть которого была арестована. «Теперь нам все ясно», – заявляют они – будем проводить комсомольское собрание».

Начинается собрание. Выступает один из приезжих представителей обкома. Говорит, как положено, о артистах мирового империализма, о заговорах врагов народа в нашей стране с целью подрвать могущество единственного на земле социалистического государства рабочих и крестьян. Такие люди нашлись и в вашем поселке, а их дети – члены ВЛКСМ – потеряли бдительность и вовремя не сообщили соответствующим органам об их подрывной работе. Более того, один из них – Сапунов – хранил в комсомольских делах портрет врагов народа из бывшего ЦК ВЛКСМ. Таким как Борис Сапунов и Александр Бояков не место в рядах комсомола. Начались прения. Я сказал, что ничего не знал ни о какой вражеской деятельности матери. Тоже заявил Саша об отце.

Кто еще хочет высказаться? Берет слово после долгой паузы учительница начальных классов – не помню сейчас ее фамилию и говорит, что мы должны осудить поведение комсомольцев Сапунова и Боякова, которые потеряли бдительность и во время не разглядели врагов народа, которые жили с ними рядом. Следующий, удивленно, мой одноклассник Сергей осуждает нас, что мы не отказываемся от врагов народа, ... этого не может, чтобы они не видели, с кем встречаются их мать или отец «Я, – добавляет он, – все знаю о том, чем живет мой отец, где он бывает, кто к нему ходит и к кому ходит он».¹ Больше никто не взял слово – ведь нас обоих знали как облупленных и не с самой лучшей стороны все учителя и товарищи). Какие будут предложения? Есть предложение исключить из рядов комсомола Сапунова и Боякова (это предлагает обкомовец). Есть другие предложения? – спрашивает председатель. Нет. Голосуем. Не голосовать? Значит вызвать подозрение, подвести не только себя, но родителей. Голосовать? Но ведь ребята ничего не сделали, они ни в чем не виноваты, как потом смотреть им в глаза? Быстро поднимают руки 2-3 человека, девчата мнутя, показывают, будто они причесываются, поправляют наколки на волосах...¹ Но единогласно. Мы покидаем зал. Я бегу домой и бросаюсь в постель, но лежу как каменный – ни единой слезинки. Никого не жду, никого не хочу видеть. И вдруг несколько девчат-одноклассниц во главе с Зоей Исаевой, моим другом с седьмого класса врываются в комнату и со слезами бросаются ко мне. «Против нас,

---

¹ Показательно, что ребята на первых порах перестали с ним здороваться, а через несколько дней у него самого арестовали отца! Но это, в отличие от других ребят, не была наша последняя встреча. Оказывается он всю войну на фронте работал в СМЕРШ (фронтная разведка «Смерть шпионам») и не получил ни одного ранения. В 1978 г. я организовал встречу школьных товарищей в честь 40-летия первого выпуска Алексеевской средней школы он приветствовал меня как ни в чем не бывало». Я тоже сделал вид, что все забыл, да и на самом деле давно простил ему его слабость – разве такое в жизни с нами бывало!. Бог простит.

¹ Так не только в нашей школе и по всей стране формировалось двуличие на почве страха за себя, за родителей, так размывалась совесть, подрывалась нравственность. Такова была «коммунистическая» нравственность.

Боря, прости мы не хотели этого, мы растерялись, мы знаем, что ты ни в чем не виноват, мы по-прежнему твои друзья».

А вслед за этим произошли события, которые в огромной степени повлияли на мою дальнейшую судьбу, но их истоки, которые их вызвали, осмыслены мною были значительно позже. Первое без какой-либо с моей стороны, раже намека на это собирается внеочередное комсомольское собрание и выносят решение совершенно чудовищное об исключении нас из комсомола. Райком в растерянности, не знает что делать. Но вскоре (февраль-март 1938 г.) на пленуме ЦК вождь Марозов, очевидно испугавшись размеров т.н. «ежовщины», хотя сам, как теперь известно, ее вдохновил и организовал, произнес слова «Сын – за отца не отвечает», ставшие для нас спасительными.

Нас вызывают в райком и восстанавливают в комсомоле, что безусловно, облегчило дальнейшую мою жизнь. Сейчас, по прошествии стольких лет я считаю происшедшее настоящим чудом сотворенным Господом, услышавшим покаянные молитвы и просьбы матери о спасении ее детей, оставшихся сиротами. И Всевышний внял ее мольбам.

Я и сестра окончили соответственно среднюю и неполную среднюю школу и вступили в жизнь. О школе мой следующий очерк.

ШКОЛА. УЧИТЕЛЬСТВО. ИСХОД

Школьные годы... Школьные годы. У кого не замирало сердце, слушая мелодию и слова этого вальса. И у меня, несмотря на трагизм ее окончания в связи с арестом мамы, все-таки были самыми счастливыми в жизни. Думаю, нет человека (как об этом свидетельствует и художественная литература, может быть за исключением «Бурсы» Помяловского), который не вспоминал бы это время как самое светлое, романтическое и неповторимое.

Для меня же писать о школе, о педагогике, независимо от ее характера и назначения, не только удовольствие, но и своеобразный долг, ибо подавляющую часть своей деятельности я был занят в сфере образования – сначала, как я уже упоминал ранее, в начальной школе после окончания десятилетки, затем Военной и, наконец, после демобилизации – в Высшей гражданской (в течение четырех лет я даже заведовал кафедрой педагогики и эстетики в Тимирязевской сельскохозяйственной академии). Так что раздумья о школе, об образовании вообще – предмет моего теоретического и практического интереса.¹

Мне сейчас уже трудно себе представить, что я стал школьником всего через десять лет после большевистской революции и установления в стране Советской власти, которая объявила о необходимости полной перестройки системы образования, бывшая в России, орудием классового господства буржуазии «о необходимости» создать новую на началах марксистско-ленинского учения о коммунистическом воспитании трудящихся.¹

В свете классового подхода и политизации школы были разработаны и частично внедрены в практику ее различные типы и особенно формы и методы преподавания и выступления («комплексный») без урочный, лабораторно-бригадный, проектный и др.).

Однако, жизнь взяла свое. Нарком просвещения тех лет А.В.Луначарский готовил «идеал заключается не в том, чтобы натаскивать человека на ту или иную специальность, а именно в том, чтобы сделать его

---

¹ Одна из последних моих статей опять-таки посвящена этой проблеме. См.: Сапунов Б. Образование и медиакультура // Высшее образование и культура, 2004, № 8, с. 26-34. Кроме того, очевидно определенное обоснование и право на соответствующие соображения и выводы. Я имею как отец, дед и прадед, в школьной жизни по крайней мере некоторых из них я принимал достаточно активное по мере возможностей участие.

¹ Эта формулировка мною взята из учебника для Вузов «История педагогики» под редакцией М.Ф.Шабасовой, изданной в 1981 г. (см. стр. 259 и др.)

борцом за человечность».² В начале 30-х было введено обязательное всеобщее начальное образование, утверждена урочная система преподавания, приняты меры для повышения роли и авторитета преподавателя в школе. Вообще, в 5-10 классах я учился в нормальной школе, опыт которой, на мой взгляд, не потерял своей ценности до сих пор. Нам повезло с преподавателями – ..... открытую среднюю школу были назначены преимущественно мужчины, большинству из них было уже за 30 и, очевидно, происходили они из интеллигентских, может быть даже из учительских семей. Как бы то ни было, но именно от преподавательского коллектива зависела та атмосфера, которая дает основание назвать нашу школу «Домом культуры» в самом глубоком, экзистенциальном значении этого понятия, как истока и духовной природы человека. Недаром на «Древней Руси» считали, что «мир есть школа».³ Именно в школе закладывается (или разрушается) главный модус культуры, ее основание – отношение человека к другому человеку, нравственное самосознание личности. Говоря о христианской традиции в формировании этноса Г.П.Федотов, о котором мы не раз упоминали, писал, что «... В Евангелии Христос говорит так много о том, как относится к ближнему и ничего не говорит, как писать стали или заниматься математикой».¹

Несмотря на разгул борьбы с религией («воинствующее безбожество»), разрушение церквей, у наших педагогов не было потеряно, это общечеловеческое чувство и они относились к нам не как к «объектам воспитания», на чем до сих пор настаивает научная педагогика,² а как к

² Луначарский А.В. О народном образовании. М., 1958, с.69.

³ См. Очерки истории школы и педагогики» мысли народов СССР, от древнейших времен до конца XVII в. М., 1985 г.

¹ Федотов Г.П. Собр. Соч. в 12 тт. Т.10, с.347.

² Руководствуясь известной философской (а скорее идеологической) парадигмой – «личность – продукт общества» педагогика принцип «воспитания» вполне оправданной в семье, в дошкольном возрасте ребенка, до сих пор распространяет на все возрасты формирования человека. В «Педагогике» 1978 (провозглашается «Воспитание – явление надстройки!» А «Педагогике» – учебник для вузов С-Пг., 2001 (!) записано, что педагогику «в современных условиях рассматривают как науку и практику обучения и

равным, самодостаточным личностям с уважением и любовью. Это вызывало у нас ответные эмоции и чувства, формировали в (в меру возможного в то время) чувства человеческого достоинства. Без дидактических проявлений, криков, а тем более ругани им удавалось, опираясь на наше уважение и доверие, сохранять порядок как на уроках, в школе, так и вне ее.

Вот имена, которые запали в памяти на всю жизнь – Баяков Виктор Дмитриевич – директор, Кириллов Василий Иванович – завуч, Баяков Дмитрий Михайлович – преподаватель литературы, Журавлев Петр Тихонович – преподаватель обществоведения (?), преподавательница немецкого Эрна Ивановна (запомнил фамилию)... Но для меня особенно дорогого стоит преподаватель химии Матвей Васильевич Ту.....кин. Когда арестовали маму большинство учителей выразили мне свое сочувствие, а Матвее Васильевич несмотря на опасность пострадать самому устроил, как я уже говорил, меня к себе лаборантом, приглашал несколько раз домой, проявил ко мне и сестре прямо-таки отцовские чувства.

Школа вообще, как известно, выполняет в обществе свое социально-антропологическое предназначение – вооружение подрастающего поколения знаниями. Но сами по себе знания могут служить не только образованию личности, гуманизации, но и ее развращению. Для того, чтобы этого не случилось, оно должно быть окультурено просвещением! Недаром его корень – свет.

воспитания человека во всех возрастных этапах его личностного и профессионального развития, та система образования и воспитания касается практически всех людей. Авторитарная идеология на основе которой все общество разделилось на «воспитателей» и «воспитуемых», была в советское время вполне понятна. Но она не только сохраняется, но и ужесточается в демократическом режиме, где все сверху до низу – от швейцаров до членов правительства, от полковников до генералов в армии – является либо «воспитателями», либо «воспитуемыми» и соответственно ведут себя. Обучение – да, просвещение – да, образование – да, но «воспитание» не просто нейтральное слово – оно несет в себе обязательно в той или иной мере авторитарный смысл, допустимый лишь в раннем детском возрасте со стороны людей, которые имеют на это естественное право.

Просвещение не просто значение предметов объективного мира, независимого от субъективного отношения к ним человека – оно традиционное средство формирования его неповторимой личности – смысла жизни, светлых идеалов, верования, высших чувств добра и красоты.¹

Как известно просвещение в Европе («в России XVII в.») практически означало всю систему образования, основанного на науке. В царской России и 20–30-х гг. при советской власти Министерства (у нас Комиссариат) носили наименование Просвещения. Затем это понятие перешло в сферу т.н. «культурно-просветительной работы» (клубы, библиотеки и т.п.). Более того «просветительство» приобрело в системе пропагандистско-идеологической работы даже отрицательный смысл («просветительство не занимается упреками лектора). Сейчас Министерство образования как бы совсем не занимается, (а очень жаль). Просвещение, безусловно, неразрывно связано с культурой и они должны органически входить в само понятие школы.

Так, по-моему, было у нас и мы за это благодарны нашей школе. Душой просвещения у нас стал великолепный педагог, преподаватель языка и литературы Дмитрий Михайлович Бояков – представитель старой, классической школы филологии.¹ Он не только сделал нас грамотными людьми, сумел привить любовь к литературе XIX века и ее героям. Он не просто рассказывал о творчестве писателей, но требовал читать их

¹ В Евангелии – «Пошли свет твой и истину твою» (Пс. 42.3). «Был свет истинный, который просвещает человека (Мф.5:16). В христианстве – избранные, все совершенные, праведные – святые. Это слово у наших предков означало – сильный, потом светлый, сияющий, чистый, святой. «Слова: свет, цвет, свят – совершенно родственные между собой». (Полн. Православный богословский Энцикл. Словарь, т. II, 1913, с.2015).

У В.Даля – Просвещение – «просветить кого-либо, даровать свет умственный, научный и нравственный; поучать истинам и добру; образовать ум и сердце» (В.Даль, т. III. М., 1955, с.508).

¹ Чрезвычайно любопытно, Д.М.Бояков вместе с сыном Виктором Дмитриевичем, о котором я уже упоминал, до назначения в нашу только что отстроенную школу учительствовал в с.Широкий Буерак Вольского района, тот кто читал роман Панферова «Бруски» должен знать, что Дмитрий Михайлович был первым редактором этого романа, о чем, к сожалению, Панферов умолчал, как и (Бог ему судья) никак не откликнулся на письмо к нему, в котором жена и сын просили ходатайствовать о своем бывшем коллеге и редакторе, который в 1937 году был арестован и реабилитирован в 1958 г. О его дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

произведения, заучивать стихи поэтов Пушкинской плеяды, Лермонтова, Алексея Толстого, Федора Тютчева, Фета, Апухтина и др. На уроках мы читали тексты Достоевского и Толстого, спорили о их взглядах и стилях, естественно сами писали сочинения (не в похвальбу, но он считал, что в моих сочинениях чувствуется самостоятельная позиция и хороший стиль, рекомендуя не бросать в будущем перо).

На уроках истории нас также в рамках идеологических требований своего времени (о чем я уже ранее упоминал) так же разрешали высказывать свое мнение, особенно о подвигах героев борьбы за советскую власть. Незабываемым в этом отношении наш поход в Хвалынский пешком вместе с Петром Тихоновичем Журавлевым всем классом на просмотр «Чапаева» в 1936 г., который, конечно произвел на нас просто ошеломляющее впечатление. Не могу умолчать еще об одном, редчайшем ныне в эпоху ТВ и Интернета факте просветительской деятельности школы, сыгравшем по крайней мере, в моей жизни далеко не последнюю роль – драматический кружок.

Здесь тоже совпадение благоприятных обстоятельств, которыми школа удачно воспользовалась. Дело в том, что каждый год в поселок с осени приезжала жена нашего земляка-командира-дальневосточника Просвирнина Татьяна Ивановна и жила здесь всю зиму. Она была страстная театралка и вместе с руководством школы в заводском клубе под ее руководством была сделана попытка ставить спектакли, читать со сцены стихи и петь песни под струнный оркестр. Я как секретарь комсомольской организации участвовал и в первом, и во втором и в третьем (в последнем без успеха из-за сложного музыкального слуха, хотя музыку любил и люблю до помрачения).

А вот участие в спектаклях... Мы ставили Чехова, Корнейчука, Островского. Особенно запомнился один. Зима 1939 г. Только что арестовали маму. Мы репетируем «Таланты и поклонники»

А.Н.Островского. Кручинину играет Татьяна Ивановна, а я ее сына. На сцене – их объяснение, когда они находят друг друга. Я не могу выговорить ни одного слова, из глаз льются слезы – а весь зал рыдает – так сцена напоминает жизнь. Большим успехом пользовался спектакль по пьесе Корнейчука «Платон Кречет», где я играл Платона.

Я не стал актером, но и уже на первом курсе института, о котором я еще расскажу, и в военном училище непременно участвовал в драмкружках, а главное это помогло мне свободно держаться перед аудиторией в будущей лекторской деятельности. Но главное и будучи политработником, а затем преподавателем в Москве, я все время был связан с театрами, даже выступал в печати с рецензиями на спектакли.

Школа для меня действительно стала «Домом культуры», и может быть истоком теоретического и практического интереса к проблемам культурологии и ее места в формировании личности.

Это, очевидно, вполне естественно для такого типа дискурса, как этот – определенная романтизация событий того времени, особенно школьных лет. О них, серьезных недостатках и даже трагичности школьного дела той эпохи мной написано да и уже и упоминал о своих заметках. Но, на мой взгляд, его опыт нельзя отбрасывать, особенно в свете современных тенденций в формировании новых поколений, особенно касающихся места активной деятельности или потребительства в этом процессе. Для меня, рассуждая без всякого флёра, позитивным явлением школы того времени было включением учащихся в практическую, живую, сознательную трудовую, художественно-культурную и общественную деятельность. Как это выглядело в нашей школе? О культурно-художественной я уже упоминал только что. Но по

всей стране была широко развернута так называемая художественная самодеятельность, которую ныне просто задавило телевидение.¹

Второе направление деятельности – физкультура. Ведь культура же – тела, духа, здоровья, единства коллектива... В школе не было физрука, но все ребята и многие девочки занимались самостоятельно, «массовые» же мероприятия организовывал пионервожатый или комсомол. Спортивное оборудование делали сами: наступала осень, замерзал заток – прекрасный каток. Коньки сооружаются вначале из деревянных колодок, в которые врезаются железные полосы. Лишь где-то к середине 30-х появляются фабричные коньки, которые привинчиваются к сапогам или ботинкам, а затем снимаются. Лыжи – из изогнутых досок старых разбитых бочек и на них – с горы маячной высоты 200 м. Только в 9 классе появились фабричные лыжи. Плавание – вся весна, лето – затон, Волга, песчаные плесы наряду с рыбалкой. Кроссы – босиком или в обыденной обуви. Но результаты! До сих гордостью школы является Владимир Казанцев, который в 1940 г., призванный в армию, попал служить в Кремлевский полк и в первом же кроссе занял первое место среди участников общества «Динамо». Но самое удивительное на первой Олимпиаде в Хельсинке в 1952 г. завоевал серебро в беге на 1,5 тыс.м. с барьерами!

Труд – школьный сад, который, к сожалению, просуществовал недолго, не выдержав неумелого ухода. Не имея своих мастерских, мы занимались по вечерам в столярном и слесарном цехах завода. Какое

---

¹ Несколько забегаю вперед приведу характерный пример из собственного опыта. Уже в 1950 (!) году, через 5 лет после окончания войны во всех военных округах проводились смотры художественной самодеятельности. Я лично, будучи старшим инструктором по культуре 1-й Краснознаменной армии ДВО, организовывал и проводил смотры во всех соединениях, а затем всеармейский в г. Благовещенске. Эта практика тем более существовала во всех районах, городах, республиках страны: куда все это делось? Я приглашался в школы Москвы на встречи с ветеранами ВОВ в дни Победы и в печалью отмечаю – ни одной песни, ни одного стихотворения школьники не могут исполнить без плохого микрофона и без подражания ТВ-дивам, что называется «само-деятельностью» в стране просто нет. А открытие «звездочек» на первом и втором каналах? Это не только эстетическое, но и нравственное развращение детей и молодежи. У исполнителей – высокомерие, необоснованные претензии чуть не с пеленок, а у массы – потребительство, потребительство, потребительство. Грустно! Да здравствует Пугачева и Швыдкой!

счастье – первая табуретка, созданная своими руками, а главное навыка на всю жизнь сделать все по-дому именно самому, своими руками, а не просто использовать «потребить» то, что создано кем-то.

Общественная деятельность – участие во всех мероприятиях, которые проводятся в стране, в поселке – никогда не забуду наше участие в избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР в 1936 г., когда мы создали агитбригаду и на лыжах, преодолев горы, выступали с беседами и концертами в ряде сел – Селитьбе, Болтуновке, Яблонке и др. Конечно, мы были слишком заполитизированы и, как сейчас говорят, ангажированы партией, но, думаю, молодежные организации на добровольных началах со специфически молодежными целями должны существовать обязательно...

Но что же это я – о серьезном, да серьезном – ведь несмотря на уже случившемся с нашими близкими и не предвидеть того, что еще случится с самими нами, мы жили полнокровной жизнью, любили ....., дружили и ссорились, но опять были вместе.

Итак, немного лирики. Я, сколько себя помню, всегда был очень влюбчивым. Не знаю, то ли в третьем или в четвертом классе я уже был влюблен в Катю Корнилову, но, естественно боялся не только говорить, но подходить к ней. Все же для того, чтобы она знала, что кто-то ее любит и может быть догадывалась кто, я подбрасывал под ее парту что-то, на мой взгляд, ценное. Однажды (Господи, сколько всего важного в жизни я забыл, а это, казалось, такая мелочь живет в памяти!) Я тайком взял у дяди Павла оставленную им на столе маленькую записную книжку и подбросил ее Кате. Но когда он обнаружил пропажу и заподозрил меня, я так и не сознался, но пока он был жив (а скончался он совсем молодым после операции в Хвалынске), все время боялся, что меня уличат в краже. Наверное, это были первые муки совести, которые меня сопровождали всю жизнь!

Но первая большая (я это пишу без кавычек) любовь сразила меня тогда, когда я учился в 7 классе еще в старой школе. И случилось это так. Только что на зимовку в затон встали пароходы. Дети членов семей команды с некоторым опозданием идут в школу. Шестой класс в школе был проходным. Нас раньше отпустили на перемену, и когда я вышел, увидел в этом классе новенькую и остолбенел: не мог шагу шагнуть, ни с кем общаться – стоял и смотрел, и смотрел, не понимая, что со мной случилось. После уроков, забыв обо всем, я пошел за ней, но по другой стороне улицы. Оказалось, что она дочка капитана одного из пароходов и ее семья занимает квартиру в доме напротив нашего, но с другой стороны оврага. Звали ее Маруся Верещагина («В» и «М» на запястье левой руки – это выколотые ребятами ее инициалы, которые я ношу всю свою жизнь). Все знали, что я влюблен в нее, девочки из класса, конечно, ей передавали это. Я же в течение двух сезонов, когда она была в школе, только и делал, что ходил за ней и издали на нее смотрел, и буквально рыдал весной, когда пароходы гудками прощались с затоном и увозили ее до осени. (Я и сейчас не могу переносить гудки пароходов, хотя они стали другими и такими редкими – с ними ушла речная романтика). Наконец, весной злополучного 37-го года она должна была уехать совсем и в Алексеевку не вернуться. Ходили разговоры, что она встречается с практичным парнем из нашего класса Гришей Поляковым, что у них роман. После очень позднего танцевального вечера в совхозе я, наконец, решился пригласить ее пойти со мной тем более, что нам по пути. После пустопорожней болтовни я, волнуясь и путаясь, сказал ей, что давно люблю ее так, как – это написано в романе, который я ей дарю – «Рославлев» Загоскина. Не дожидаясь ответа, боясь, что заплачу, убежал. Уже рассветало. Я так поздно никогда не возвращался домой, но мама меня ждала. Поняв все по моему расстроенному лицу, она ничего не сказала, а лишь посоветовала скорее лечь спать – ведь завтра еще идти в школу. До сих пор поражаюсь ее

деликатности – ни одного слова за позднее возвращение, ни одного вопроса – что случилось – она все поняла... Это было первое и последнее свидание. А я пишу и думаю – сколько за эти долгие годы произошло событий, из которых лишь ничтожная часть сохранилась в памяти и так, будто это было не со мной. А здесь...

О память сердца!

Ты сильнее

Рассудка памяти

Печальной.

Это чистое, интимное в самом лучшем, как сказали бы сегодня, сакральном смысле этого слова, чувство не мешало нашей дружбе с ребятами в классе. Самым лучшим, самым близким, самым преданным другом была девушка-одноклассница Зоя Исаева, с которой мы жили недалеко друг от друга, и нас часто видели вместе, считая по-деревенски «женихом и невестой». Мы оба участвовали во всех школьных мероприятиях, она меня часто критиковала за безрассудные поступки (а их было немало), выслушивала мои исповеди, когда мы вместе возвращались из школы, и в темпе разговора, все убыстряя и убыстряя шаг, лишь не до бега.

После окончания десятилетки наши пути разошлись. Некоторое время она работала в Хвалынске директором детдома, потом уехала к родственникам в Ленинград, перед самой войной – и больше я о ней ничего не знаю. В 1978 году выпускники не только нашего класса, но и других собрались отметить 40-летие первого выпуска школы (мы организовали и празднование 50-летия, некоторые материалы о котором я сохранил и публикую в приложении). Писали в Ленинград, но ответа от Зои Сергеевны не получили... Но с некоторыми из них все-таки встретились и я не могу не написать хотя бы о троих, судьбы которых достаточно хорошо известны. Первая – Евдокия Ивановна Паршина – наш

Алексеевский корень, из которого выросли наши «юбилейные» встречи после войны. Это совершенно удивительная женщина. Всю жизнь она прожила в Алексеевке. Она начала заниматься с нами в восьмом классе, когда ей было уже далеко за двадцать. Она разошлась с мужем и решила продолжить образование – и добилась своего! Она была подлинной «мамой» класса, но по своему характеру и поведению не отличалась от наших девчонок и участвовала во всех мероприятиях, которые мы проводили. Человек совершенно удивительной доброты, она все годы до нашей встречи не теряла связи со школой – вот и мы собрались под ее крыло. К сожалению, время безжалостно.

Второй – это мой школьный товарищ и друг – Гриша Власов. Он жил на противоположном южном конце поселка, рядом с усадьбой, но в школе он был заводилой и не истощим на шутки и розыгрыши.¹ Мы с ним и помощью Саши Боякова – младшего сына Дмитрия Михайловича, который уже был в Гулаге, готовились в институт. Но в то же год я уехал поступать в Московский вуз (о чем я еще расскажу подробнее), а он поступил в пехотное училище, закончив его как раз перед самой войной. Он был направлен служить на старые оборонительные рубежи, с укреплений которых, блестяще оборудованных, было снято вооружение и перенесено «новые границы» на западе Украины. Они сидели в окопах практически с одними винтовками. В первые же дни войны с немцами, которые шли за танковыми колоннами, прорвав слабое сопротивление почти безоружных красноармейцев. Во главе с молодым лейтенантом захватили их в плен. Он не любил рассказывать о страшных днях нахождения в фашистских лагерях (да мы и не расспрашивали, зная, что они всюду были одинаковые). Главное, что он выжил и при «чистке» после освобождения признан ни в чем не виновным и отпущен домой. Но до самого конца 50-х

---

¹ Однажды в перемену он придумал положить меня на парту, накрыть откуда-то взятой простыней, изобразив покойника и тем самым удивив учителя. И удивил – меня и его чуть не исключили из школы. Но это было исключением, а так шутки были в основном безобидными.

носил клеймо «бывшего военнопленного» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Затем – воссоздание старого дома, женитьба, дочь, двоих сыновей. Золотые руки! Он заново разводит сад, заводит пасеку – и ни одного дня, ни часу без работы, без хлопот, – причем всегда в ровном настроении, с оптимизмом смотрящем на жизнь, с радостью встречающий старых друзей и школьных товарищей. Скажу прямо Григорий Клее.... скрасил нам пребывание на родине в течение десяти сезонов не в самые благополучные с точки зрения материальных условий жизни годы.

Пусть простят меня те, кого, может быть, заинтересуют эти мои заметки, за примитивные, но от сердца идущие шуточные стихи.

Гриша, Гриша // что ни говоришь ты
Все резонно // и умно
О чем хочешь – все равно

Сад, погода или дети
Интересно все на свете
Обо всем судить ты смеешь
Свое мнение имеешь.

Сердце – чудное в тебе
Оно все в твоей судьбе
Обо всех оно болит
Как вещунье говорит.

Оно чует чье-то счастье
Или ....., иль ненастье
Твердо верен ты друзьям
Лучше брата стал ты нам.

И тебя мы крепко любим
Сроду в жизни не забудем
Покидая добрый кров,
Восклицаем – будь здоров.

Борис Банатов, 1988.

Совершенно потрясающе трагична и удивительна судьба другого нашего школьного товарища – Федора Федулова. Он приехал к нам из одного из соседних сел, где не было десятилетки. Сидел на задней парте – большой, грузный. – Мы ему поручали роли купцов в пьесах Островского. Был призван в армию раньше нас, сразу после окончания десятилетки: я долго о нем ничего не слышал. И вдруг, уже будучи в Москве, получаю письмо – аж из г.Шевченко, что в Средней Азии, на Восточном берегу Каспия. Оказывается с ним переписывалась Дуся Паршина, дала мой адрес и дату нашей встречи.

Копию письма я храню – вот оно передо мной. Та же судьба, что и у Гриши, но покруче. Плен, осуждение, ссылка, «строил светлое, светлое будущее человечества». И едва Богу душу не отдал от голода: узнав, что он участвовал в драмкружке, взяли в лагерный театр. После освобождения продолжал работать здесь в этом аду: от жары падал в обморок, но выжил. Решил писать. Написал две повести – «Человек начинается в детстве» и «Длинное путешествие в Сиблаг» и заканчивает третью «Ссылка». Предложил первые Саратовскому издательству, сказали «Федор Михайлович: темы интересные, найдем бумагу – будем печатать». А найдут ли? Вряд ли!

К сожалению, не нашли. Наши встречи в 1978 и 1988 были удивительными. Его талантливые рассказы о жизни как страшные сказки. Оказывается (чего я не знал) он был воспитанником колонии им. Джона Рида, знал многих из числа начальства, а после ее роспуска был взят на воспитание в Меровку, откуда и приехал в нашу школу.

К сожалению, с тех пор ни школа, ни Хвалынский музей нами больше не интересуется, наша переписка иссякла и по естественным причинам, видно, по равнодушию к прошлому нынешнего поколения. Но

на письма никто не отвечает. Вспоминается «Полковнику никто не пишет» (Маркес).

Отец. Фронт. Возвращение

Окончил десятилетку «но без золотой медали», на что очень рассчитывал – завалил сочинение. Вместо Дмитрия Михайловича Боякова прислали очень молодую и достаточно странную учительницу, которая, кажется, знала литературу не лучше нас и мы возомнили себя гениями и плохо подготовились к экзамену. Но не буду об этом – это еще один удар судьбы. Ехать поступать в институт, как писал отец, не мог – на руках после ареста мамы старики и сестра, о чем я уже упоминал. Решаю по-другому. Вместе с девушками из нашего класса едим в Вольск на педагогические курсы. Кончаю их перед началом нового учебного года и возвращаюсь в распоряжение Хвалынского РОНО со свидетельством на право преподавания в начальной школе. Мне еще нет 17 (исполняется только 28 сентября), но уже назначен учителем в ..... школу. Являюсь к заведующей – Наталье Дмитриевне на вид довольно строгой (так это и было), пожилой (на мой тогдашний взгляд) женщине и сразу получаю выпускной – четвертый класс. Вместе с ней живет и работает в школе вторая учительница – Таисия Павловна – молодая и красивая женщина, но уже имеющая солидный стаж педагогической деятельности. Кажется, я им обеим понравился и не только потому, что дела в школе у меня пошли хорошо, но, наверное, и потому, что им было скучно в этой дыре. По вечерам иногда они меня приглашали к себе. В передней дома у них стоял клавесин и Таисия Павловна наигрывала иногда на нем немудрящие мелодии. В общем, обстановка как в старых романах, и я боялся что по-уши влюблюсь в молодую, красивую женщину и, как мне

представлялось «навечно» останусь в этом захолустье – прощай тогда институт и все мое будущее, связанное с Москвой. Но в наших отношениях было все строго, тем более «на страже морали» была заведующая строгих правил, да и я взял себя в руки. Но не до того было – подготовка к урокам, повторение пройденного для экзаменов в институт (почему-то я послал документы в Московский станко-инструментальный институт им. ...., хотя никогда не имел тяги ни к физике, ни к математике, ни к «железкам».¹ А главное – о стариках и сестре. С каждой получкой часть зарплаты я вез в Алексеевку. Это было связано с известной романтикой. Селитьба расположена в 7-10-км от дома, если ехать по дороге, объезжая «армейские горы». Но это было не по-мне. – Осенью пешком, а затем на лыжах я пересекая их, распевая популярные песни, громко произносил тут же сочиненные речи для развития голоса и исправления дикции как тот греческий оратор Демосфан, пытавшийся перекричать море. Главное же, чем прельщали меня переходы – потрясающая красота осеннего и зимнего леса – реликтовые дубы и сосны, горы, заросшие кленовым и липовым кустарником, из которого стайками вылетали стайки щеглов и снегирей в красно-белом одеянии.

В целом учебный год закончился благополучно, мой четвертый класс занял первое место в школе по успеваемости, а я получил благодарность от РОНО и приглашение продолжать учительствовать в районе. Но было получено известие, что мама скончалась в пермских лагерях – надежды на ее возвращение не осталось. Сестра закончила семилетку и поступила в Хвалынский торговый техникум. Посоветовавшись со стариками, тетей Шурой и ее мужем Гаврюшей (в самом начале войны в 1941 г. он «пропал

---

¹ Кто не читал о Делосфене или благополучно позабыв, напомним, что этот великий греческий оратор (ок. 384-322 г. до н.э.) обладал слабым голосом и плохой дикцией к тому же у него подергивалось плечо. Для того, что исправить эти недостатки он выходил на берег моря, повесив над плечом острый меч, и пытался превзойти своим голосом шум моря. (См. Таранов П.С. Искусство риторики. М., 2002 г., с.8). Кстати забегая на четверть века вперед, будучи назначенным начальником культуры ВПа им. Ленина я первым делом ввел для предложения практические занятия по риторике, развитию дыхания и голоса, которыми руководили актеры из театрального института. Интуиция когда-то меня не подвела.

без вести»), списавшись с отцом и посчитав, что достаточно хорошо подготовлен для поступления в институт, я отправился в Москву. Начался исход с Родины и новый этап жизни. С новыми надеждами и разочарованиями прощай дорогая Алексеевка. Когда-то я еще возвращусь в родные края, напьюсь талой родниковой воды, надышусь твоим воздухом! Вспомню всех, с кем провел эти чудные годы своего детства и юности. Не удержусь, чтобы не привести сочиненный значительно позже, но вечно выражающий мои чувства к ней.

ГИМН АЛЕКСЕЕВЦЕВ

Как бы мы не жили
С кем бы не дружили
Где не пропадали долго
В нас всегда живет
И к себе зовет
Наша Алексеевка и Волга.

Как мы там дружили,
Как счастливы были
Как вздыхали ночи напролет
Там из сказки былью
Отрастили крылья
И пустились в первый свой полет.
Годы пролетели
Все мы поседели
Но остались до конца верны
И лесам и полю
И родимой школе
Дети Алексеевской страны.

Так взяли за руки
Други и подруги
Сколько бы не прошло по жизни лет
Мы слетимся снова
С журавлиным зовом
Что несет нам с Родины привет.

Борис Сапунов – Банатов
Алексеевка, 1988 г.

Очерк шестой

Москва. Армия. Фронт. Возвращение

Итак, я в начале июльского дня 1939 г. нажал кнопку квартиры на Ленинской слободе, что рядом с двумя гигантами индустрии – заводами «Динамо» и «ЗИЛ». Отец, естественно, был на работе (как я не подумал об этом) и мне открыла дверь девушка-блондинка лет 25, о которой я не имел представления. – «Вам кого?» – «Я Борис» – «А мы Вас ждем, что же Вы не дали телеграмму? Я Лёля – сестра Марии Степановны. Заходите. Михаил Ефимович еще не вернулся с работы, а Мария на даче».

Мы ждем отца. Ольга угощает меня чаем. О чем-то говорит и приглашает ознакомиться с окрестностями. Напротив дома – небольшой сквер, где отец любит гулять по вечерам, рядом чуть дальше на этой же стороне «Велозаводской рынок» (я забыл упомянуть, что кроме двух гигантов, которые я назвал, здесь еще и огромный Велозавод – можно себе представить какая здесь «чистота» воздуха, особенно в сравнении с Алексеевкой!)

Через два квартала – Дворец культуры «ЗИЛ», в библиотеке которого я потом (и когда учился в Институте, и когда завершал дипломную работу в Академии опять-таки им. Ленина). А рядом развалины каких-то кирпичных стен и старинной башни. Спрашиваю Ольгу – «Что это?». «Развалины какого-то монастыря», – отвечает Ольга, которая все вокруг знает, кроме этого монастыря, который оказывается, как я узнаю позже был знаменитым Симоновым монастырем,

разрушенным для освобождения места под строительство «Дворца культуры» (осталась одна стена и одна башня).

Вечереет. Возвращаемся домой. Ожидание. Наконец, открывается дверь и входит отец – от неожиданности растерян, обнимает меня и целует. От избытка чувств всплакнул (мы вообще сентиментальны, а он еще и под «градусом»). Упрекает меня, что не дал телеграммы, чтобы встретили. Разглядывает меня, восхищается, какой я высокий (я «178» см) и сильный. (Наверное, я его крепко обнял, а руки тренированы (в десятом классе, а затем, учительствуя, до десятка раз вырывал двухпудовую гирю). Он спрашивает о маме, повторяет, что это чудовищная ошибка, каких, к сожалению, сейчас слишком много, – «она была необыкновенной женщиной, одной и из редких в Баку русских женщин, принимавших самое активное участие в революционной работе; ходила со мной на митинги и собрания и вместе с тем интересовалась культурной жизнью города». Интересуется моей учительской работой, подготовкой к экзаменам в институт, о планах знакомства с Москвой, о жизни вообще. Спрашивает, не нужно ли помочь дедушке, сестренке.

Наконец, сообщает, что завтра мы с раннего утра отправимся на базу, а сейчас надо хорошенько выспаться «тебе тоже после дороги не мешает». Я ложусь в соседней комнате и засыпаю как убитый – намаялся от впечатлений. Утром по привычке поднялся пораньше, взял в карман ключи – и на зарядку. На улице уже много народу – все по тротуару быстрым шагом идут налево. Я по бровке – за ними – оказывается все спешат в метро на станцию «Автозаводская», на которой позже я часто садился, чтобы ехать в центр – возвращаюсь, привожу себя в порядок, разглядываю развешанные «в моей» комнате фотографии. Прямо над моей постелью большое фото в раме под стеклом. Внимательно смотрю – не может быть: среди довольно большого количества мужчин – Ленин, а рядом с ним – отец! Вот это да! «Ты удивлен» – это подошел отец,

поздоровался и произнес – «это, действительно, я рядом с Ильичем на I-м съезде профсоюза горнорабочие в 1921 г. – я потом об этой фотографии подробно расскажу и покажу ее в музее Ленина». А теперь собирайся – мы едем на базу. Оказывается – он директор одной из нефтебаз.

В мой приезд – Реутовская в Новогирееве, вот туда мы и отправляемся. Несмотря на то, что была суббота (по тем временам рабочий день), но на базе праздник по поводу получения ею переходящего знамени за победу в соревновании и по этому поводу устраивается «пикник». К подъезду подали «Эмку» – сажусь вместе с отцом и впервые в жизни да еще через всю Москву – по шоссе Энтузиастов подъезжаем к базе. Выходим, идем по обширной территории, отец здоровается с начальниками служб, рабочими – представляет им меня – видно очень гордится, что у него такой большой сын. Пока я продолжаю знакомиться с базой, он в конторе дает какие-то распоряжения. К концу рабочего дня выезжаем в лес отмечать награду. Расположились на поляне, выпили по одной, закусили. Отец чуть на взводе и произносит зажигательную речь. Я убеждаюсь в правоте мамы, что он прекрасный оратор и на его выступления в Баку собиралась масса народу. Поднимают тост, кроме всего прочего, за меня, желают успехов на экзаменах в институт, наливают мне. Но я лишь притронулся к рюмке – водка тогда органически мне была противная. Но все восхищаются, принимая это за мои высокие моральные качества.

Не дожидаясь окончания торжества мы отправились в Загорск, на дачу, где нас ждала Мария Степановна, ее мать и другие родственники по ее линии 60 км пути. Они несколько раз останавливались, меня просили погулять, и я с интересом рассматривал дорожные достопримечательности, которых здесь немало. Когда же подъехали к даче (был уже поздний вечер), то отец без помощи шофера и меня не мог выйти из машины –

оказывается он в пути не раз на радостях прикладывался к бутылке и был совсем хорош.

Естественно. Едва только поздоровались мо мною, М.С. обрушилась на него – «Как ты мог не стесняясь сына так набраться, не стыдно ли тебе и т.д.» Он неуклюже, еле ворочая языком, оправдывался. Я оказался в дурацком положении, стоял, не зная как мне себя вести. Оставалось только разглядывать «мачеху». По сравнению в деревенскими женщинами в ее возрасте (ей было, наверное, около 40) она производила впечатление дородной, полной, гладкой, упитанной, как я бы сказал сейчас матроны, к которой, каюсь, у меня возникло грешное, совсем не ..... влечение, которого я испугался и еще более застеснялся. Отца отправили в постель. Немного поговорив о дороге, об экзаменах в институт, М.С., сказав, что я, наверное, очень устал за день – мы тебе приготовили комнату – можешь тоже идти отдыхать. Меня не надо было уговаривать, и едва раздевшись, несмотря на все волнения, я мгновенно заснул.

Проснулся по алексеевскому времени – чуть свет, но отец, как ни странно, уже копался около молодых яблонь: «люблю рано вставать и немного побыть одному, наедине с этими деревцами». – «Давай я тебе помогу – мне это привычно». – «Не надо. Я вот что тебе предложу – быть в Загорске и не побывать в Лавре – грешно. Я сам, к сожалению, там не был» – «ой, я с радостью – ведь в школе я преподавал курс истории и рассказывая ребятам о Троицко-Сергиевом монастыре, о его роли в смутное время». – «Ну, вот ты уже больше меня знаешь – тогда поедем как раз до завтрака».

И вот мы у стен монастыря. Много народу – оказывается сегодня Преображение (19.08) – отец об этом, конечно, не знал и был, как видно, поражен услышанным и увиденным. Колокольный звон. Величественные соборы. Внутри стен с хоругвями во главе со священником в золотых ризах с пением – праздничный крестный ход. Заходим в один из храмов –

там идет тоже служба, поет совершенно великолепный хор, верующие поют вместе с ним, крестятся. Он, наверное, на впервые в жизни (ведь он родом из деревни и крещеный), а я впервые (честно говоря, боясь, чтобы нас кто-то не заметил) перекрестились. И тут я увидел глаза Богородицы – она смотрела прямо на нас – и в них было столько жалости и тоски, будто мама с небес к нам спустились. Я не мог сдержать слез, и это видение сопровождает меня всю жизнь, будто предупреждая меня о чем-то. И бережет она чего-то. Вижу, что отец молчит, но тоже взволнован. «Господи, спаси и помилуй, грешных», – приходит на ум молитва, которой бабушка все-таки научила меня.

Молча, задумавшись, возвращался на дачу. Там нас уже ждут. – «Где Вы «пропадали» – спрашивает М.С.: – «Были в Лавре», – отвечает отец. Все удивлены, а бабушка (это мать М.С.) громко произносит – «Слава Богу, ведь сегодня Преображение» и крестится. (Икон, конечно, ни дома, ни на даче нет).

Кроме бабушки за стол садятся младшая (Леля) и старшая (имя я запамятовал) ее дочери – сестры М.С., брат Саша, ну, конечно, хозяйка, отец и я рядом с ним. «Кушайте» – а я не знаю что – кроме салатов и фруктов никогда не видел и не пробовал – красная и черная икра, балык (?), осетрина... Разобрался, оценил. Налиты рюмки и бокалы. Отец уже знает, что я не пью водку и наливает мне фужер красного вина. Первый тост за меня, затем за отца, за всех присутствующих. «Пей до дна» – требует отец, и я пью. Кружится голова – я сразу опьянел и лишь к концу застолья протрезвел. Отец пил много, закусывал плохо, не слушая упреков М.С., но держался бодро до самого вечера, а затем – домой. Кажется, все прошло благополучно, я принят всеми вполне благосклонно. Мы едем в Москву. Отец, сильно выпивши, похрапывает на переднем сиденье. Я на заднем сиденье молчу и думаю, думаю о новом своем положении и дальнейшем отношении к отцу, к Марии Степановне, ее родственникам с

которыми только что познакомился. Вспомнил маму, как бы она ко всему этому отнеслась. Об отце она никогда ничего плохого не говорила, наоборот, рассказывала об его выступлениях на митингах с восторгом.

О М.С. впервые заговорил, когда мне было лет 14 и мы получили посылку из Москвы – какую-то коверкотовую гимнастерку, которой я очень гордился. О ней отец рассказал в тот приезд в Алексеевку, о котором я уже писал. Тогда они проговорили всю ночь и теперь, понимая, что рано или поздно я должен поехать учиться в Москву, она решила сказать о том, что узнала от отца. Оказывается М.С. – та девочка, которая с матерью и еще двумя детьми тоже приехали в Баку и очень нуждались. Мария – ей было, наверное, лет 18 приходила к ним убираться, помогать маме. Она была красивенькой, но ничего собой не представляла.

Когда мама уехала, что-то между Михаилом Ефимовичем, наверное, произошло – но это «тайна, покрытая мраком». Когда он с делегацией уезжал в Москву ее мать, видно, попросила помочь выбраться из того пекла, который представлял собой Баку в 20-м году. Отец по доброте душевной сделал это. Из Москвы он написал маме, чтобы она приезжала, но она не могла этого сделать в то время. Он перестал писать, и она ничего о нем не знала до его известного приезда. В Москве после участия в представительных съездах и совещаниях (о чем уже напишу позже), он был назначен на большую должность в системе профсоюзов и получил квартиру, в которой Мария стала хозяйкой, а мать с детьми были также устроены и стали как бы второй семьей.

Естественно я видел, с каким обожанием мать М.С., уже взрослые ее дети относились к отцу, благодарные за многолетнюю заботу о них. М.С. же постоянно ворчала на него, а он не всегда терпеливо и вежливо, мягко говоря, отвечал ей. При всей материальной обеспеченности (хорошая квартира, дом-дача, казенная машина и т.д., что даже для Москвы было редкостью, чувствовалась какая-то напряженность, холодность, отсутствие

теплоты в их отношениях, что особенно бросалось в глаза мне, выросшего в атмосфере любви и уважения членов семьи друг к другу.

Вряд ли тогда я смог бы сформулировать то, что потом нашло подтверждение в последующих встречах с отцом, кратковременных проживаниях вместе с ними, когда перед самой войной учился в военном училище, а затем после войны заочно в Военно-политической академии, а затем служил на Дальнем Востоке в начале 50-х гг. (отец скончался в 1952 г. и я не мог вырваться на его похороны). Боюсь ошибиться, но думаю, что вряд ли он был счастлив в личной жизни, которая прошла в чужой для него семье. Не знаю, может быть это кощунственное сравнение, но Бог простит меня, но мне кажется судьба мамы при всей ее трагичности, но духовной наполненности была счастливее, чем вполне благополучная, но духовно скудная отца. Не случайно последние годы жизни он увлекался алкоголем.

Думаю, что личная внутренняя жизнь оказала влияние и на его внешнюю, социально-политическую деятельность, на весь характер его личности. Не знаю, уместно ли сыну отстраненно в стиле исследования рассматривать жизнь и деятельность отца. Но дело в том, во-первых, его жизнь принадлежит так или иначе не только ему, но незримо генетически, трансперсонально эстраполируется и на меня, на все его потомство, влияя на наши судьбы. Я писал, что я был бы совсем другим живи отец и мама вместе. Но даже то, что отец живет в Москве, а я с мамой в небольшом поселке откладывало отпечаток на мой характер, а психологически (честолюбие, страсть к выступлениям на публике, недостаточно сильная воля и др.) прямо или косвенно отцовские черты. Может быть не случайно я, как и отец, много лет занимался политической деятельностью – работал в политотделе армии, был заместителем командира полка по политчасти. А сейчас у Сапунова Михаила Ефимовича – уже четыре внука, три правнука, одна правнучка и два пра-правнука! Хотя все они родились после кончины

его, в них нет–нет да замечаешь черты предка. Хотя сегодня генеалогия не в почете, ее вряд ли необходимо сбрасывать со счетов.¹

Во-вторых, я после встречи с отцом в Москве занимался материалами о его деятельности. Прежде всего молодой рабочий ..... нефтяных промыслов в 1903 г. принимает участие, а в 1913 г. выступает одним из организаторов прогремевших на всю страну стачек Бакинского пролетариата. В 1917 – он член АКП(б) и как представитель партии вместе с такими известными революционерами как Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе, Фиалетов, Микоян и др. В 1918 г. провозглашают знаменитую «Бакинскую коммуну», которая, к сожалению была разгромлена эсерами в союзе с английскими интервентами.² 26 комиссаров и других партийных деятелей коммуны были расстреляны, а отцу вместе с Микояном удалось спастись и продолжать революционную работу.

В 1921 г. 4 апреля в Азербайджане с помощью Красной армии была установлена Советская власть. Во главе Совета народных комиссаров встал один из выдающихся личностей не только Азербайджана, но всего Востока Нариманов, отец под его руководством принимал непосредственное участие в восстановлении нефтяных промыслов, телефонных и электрических сетей, сталелитейные, гвоздильные, кирпичные и др. заводы. Вместе с тем участвовал в обсуждении острых общеполитических партийных (дискуссия о профсоюзных), национальных (отношения между Азербайджаном, Арменией, Грузией) и других вопросов становления власти и хозяйства на Кавказе.

---

¹ Кстати один из правнуков – Сапунов Михаил Михайлович (третий Михаил в роду) занят бизнесом в нефтяной отрасли хозяйства.

² Нариман Нариманов (1870-1925) был не только политическим деятелем, председателем Совета народных комиссаров Азербайджана, членом ЦК РКП(б), но известным на Востоке писателем и драматургом – роман «Бахадур и Сопа». Трагедия «Надиршах», ..., критических статей. Великолепная работа, посвященная Нариманову и вообще обстановке в эти годы в Баку, на Кавказе вообще – это роман в двух книгах Чингиза Гусейнова «Доктор №» кн.1 и 2-я, опубликованная Московским рабочим в 1998 г.

Большая часть членов АКП(б) принадлежала к интеллигенции различных кавказских национальностей, и они по достоинству оценили революционную работу русского рабочего среди многонационального Бакинского пролетариата. Поэтому они делегировали Сапунова Михаила Ефимовича, имевшего почти двадцатилетний опыт участия в партийной и профсоюзной деятельности в Баку на II конгрессе III-го Коммунистического Интернационала, который проходил в июле-августе 1921 г. в Петрограде.

Естественно отец рассказывал мне позже о впечатлении, которые оказали на него выступления на Конгрессе Ленина, ... международного рабочего движения Бела Куна, Джона Рида и др. Но для нас самой дорогой памятью о Конгрессе и участии отца в нем были три материальные символические свидетельства. Первая – только что изданная перед самым Конгрессом и врученная каждому делегату Ленинская книга «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В необычной желтой бумажной обложке она долго хранилась в моей библиотеке, и я использовал ее в изучении курса истории КПСС. Вторая – это большая бронзовая медаль с барельефами Маркса и Ленина, которая вручалась также каждому делегату. Отец потом говорил: «это первая в мире медаль с изображением вождей мирового пролетариата, вылитая на монетном дворе в Петербурге». Она долго хранилась в квартире отца в Москве, но, к сожалению, после смерти отца утрачена. Наконец, самая дорогая реликвия, сохранившаяся в память с детства. – Первая – свой приезд в Алексеевку, о котором я уже писал, отец оставил для меня подарок, который мама спрятала от меня и показала лишь тогда, когда я пошел в 7 класс. Это был великолепный портфель из желтой кожи, на передней стороне справа которого была сделана вырезка с красным шелковым знаменем внутри и надписью «Делегату II конгрессе III-го Коммунистического интернационала». Разве можно было, несмотря на мольбы матери

сохранить эту историческую ценность, не пойти с ним в школу! Сколько было счастья и гордости нести свои тетради и книжки в таком портфеле! И конечно, я затаскал его, потом оставил дома у стариков, мама погибла и эта реликвия пропала.

Вторая – с более счастливой судьбой фотография, которая помещена ниже. Текст к ней опубликован мною в газете «Тимирязевец».¹ Это та фотография большого размера, на которую я сразу обратил внимание (еще бы не обратить – отец рядом с Лениным!) по приезде в Москву. Она висела как раз над кроватью, в которую меня уложили и в которой я не раз спал по приезде в столицу и впоследствии «имел право» цитировать строки поэта «Я под Лениным себя чищу», что в те годы было недалеко от правды, о чем я еще скажу. А теперь привожу слова отца об истории ее создания.

Рисунок

В 1921 году состоялся II съезд горнорабочих России. Здесь делегаты-коммунисты оказались в самом водовороте дискуссии о профсоюзах, навязанной партии Троцким. Так как съезд горнорабочих собирался накануне Ч съезда РКП(б) и представлял собой крупнейший профсоюз, объединивший всех рабочих добывающей промышленности, то он стал одним из центров этой дискуссии, открылось заседание коммунистической фракции, на которую прибыл В.И.Ленин. Он быстро прошел между рядами горняков (съезд проходил в Голубом зале Дома Союзов) и, раздевшись, сел в президиум. Так как я был в президиуме, то оказался рядом с Ильичем. Все мы долго приветствовали Ленина, не давая

---

¹ Сапунов Б.М. Сколько бы ни прошло лет. Тимирязевец. Орган парткома, комитета комсомола, профсоюза. Моск. с/к Академии им. Тимирязева. 29 апреля 1981. Заметки В.И.Ленина во время совещания членов РКП и воспоминания Сапунова М.Е. о нем помещены в Ленинском сборнике (М., Партиздат, 1952 от ЧЧ, с.147-148.

ему говорить. Затем он вынул часы, показал их нам, а после – всему залу, мол, время, товарищи, заниматься делом.

На всю жизнь мне запомнился яркий, убедительный доклад Владимира Ильича по самому животрепещущему для нас тогда вопросу – о роли профсоюзов в хозяйственном строительстве.

Огромное впечатление на нас произвели слова В.И.Ленина о нашей партии. Чтобы управлять, говорил Ильич, надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией. Ленин особенно остро поставил вопрос о единстве партии, считая, что нас может погубить лишь раскол своих рядов.

Мы все, кадровые рабочие, делегаты с мест, безоговорно поддерживали тезисы о профсоюзах, предложенные В.И.Лениным.

После съезда делегаты попросили тов. Артема, избранного председателем ЦК Союза горнорабочих, чтобы он обратился к Владимиру Ильичу с просьбой сфотографироваться с нами. Артем позвонил Ленину, тот согласился и пригласил всех в Кремль. Мне было поручено найти фотографа.

Пока я хлопотал, первая группа делегатов с Лениным в центре уже разместилась на ступеньках у подъезда Кремлевского дворца. Я было устроился сбоку. Ильич заметил это и сказал: «Ну-ка, председатель (члены президиума по очереди вели заседания съезда, и В.И.Ленин, очевидно, запомнил меня в роли председателя), садитесь в центре!» И посадил меня рядом с Мешковым.

Когда первая группа делегатов была сфотографирована, мы поднялись и хотели уйти. Но Ильич сказал, обращаясь к Мешкову, что делегаты обидятся, если члены президиума с одной группой снимутся, а с другой – нет. С этими словами Ильич снова посадил нас, но Мешкова уже с другой стороны, и я оказался рядом с Лениным.

Во время объявленного перерыва тов. Артем (Сергеев) познакомил нас, членов президиума, с Владимиром Ильичем. Ленина в то время особенно интересовал вопрос о состоянии нефтяных промыслов и поэтому он начал, что называется, с пристрастием «допрашивать» меня о возможности восстановления буровых скважин, перспективах вызова Бакинской нефти в центр и т.д. При этом Ильич проявлял такое знание деталей нефтяного дела, что ставил меня, старого рабочего-нефтяника, в тупик.

В конце беседы В.И.Ленин обратился к Артему с вопросом: «Не заслушать ли на заседании ЦК представителя Бакинских рабочих, чтобы он высказал свое мнение о готовящемся решении по нефтяным промыслам?». Артем согласился с этим мнением. Тогда Ленин весело посмотрел на меня и сказал: «Вот, батенька, Вы и сделаете нам доклад на этом совещании». Я был так поражен предложением, что стал отказываться, мотивируя свой отказ тем, что у меня не хватит для этого грамотности, да и вообще вряд ли на таком ответственном совещании я могу толково доложить о состоянии промыслов. Ильич выслушал меня, положил руку на плечо и сказал мне, чтобы я был смелее, люди не рождаются государственными деятелями. Он выразил уверенность, что я справлюсь с поручением. Мне пришлось лишь поблагодарить Ильича за доверие, а несколько позднее действительно выступить с сообщением на специальном совещании ЦК.

Затем отец был назначен заместителем председателя ЦК профсоюза рабочих горно-добывающей промышленности во главе которого стоял известный большевик Артем (Сергеев), о котором я уже в рассказе отца упоминался.¹ Впоследствии отец руководил трестами нефтеснаба

---

¹ Отец рассказывал потом о скромности этого подлинного коммуниста. Профсоюз тогда распоряжался всем конфискованным имуществом, в том числе, конечно, и содержат. Сергеев ходил в какой-то затрапезной куртке. «Ну, что ты, – говорил ему Сапунов, – ходишь в таком виде, когда распоряжаешься таким имуществом», «Как же Мишенька, – отвечал тот, я для себя выпишу куртку – как-то неудобно». Тогда я, говорил отец, выписал ему кожанку, одел его, и он был мне благодарен за это.

Московской области, Поволжья, был директором ряда нефтебаз Москвы (в том числе и во время войны снабжал войска топливом). Дальше он не продвинулся.

И в дни моей подготовки в институт и особенно, когда я приезжал в Москву на экзамены в ВПА мы ходили по скверику около дома и много говорили. В 1939 г. тепло говоря о маме, о чем я уже писал, уверенный в ее невинности, сожалея о ее кончине, он вместе с тем даже те-а-те не углублялся в массовые аресты. Только после войны уже в 47-49 гг. с болью называл имена многих политических деятелей, которые работали с ним в Баку и Москве и погибли в тюрьмах. И уже тогда под большим секретом, предупредив, чтобы я об этом ни с кем не говорил, отец отвергает мысль, что Сталин о репрессиях ничего не знал, что это дело Ежова и иже с ним. Нет, он уничтожил всех, кто знал его в Баку, кто с ним общался и я уцелел, наверное, лишь потому, что не лез на высокие должности. Но в 37-38 гг. у меня был наготове чемодан и на каждый звонок, шаги на лестнице вскакивал – не за мной ли? Но пронесло.

Последний раз мы виделись в 50-м. Я уже год, как кончил Академию, работал лектором в Приволжском военном округе (в Куйбышеве, ныне Самаре). Отец за этот год очень сдал, физически и духовно, становился стариком. Чувствовал глубокое разочарование в жизни, боль и за дела в стране, возрастающее слабословие в адрес вождя, противное тем отношениям в партии, которые когда-то складывались между единомышленниками. Не знаю, к чему все это приведет, – говорил он. И все-таки его радовало то, что у него есть внук, может быть и второй, что служебные дела идут не плохо, хотя в личной жизни... Ну об этом слишком рано. Скажу лишь, что сейчас у Михаила Ефимовича Сапунова четыре внука, три правнука, два пра-правнука и одна пра-правнучка. Причем двое из рода Сапуновых носят твое имя – Михаила. Так что спи спокойно – царствие тебе небесное. Ведь ты всю жизнь был верующим в

единственную и подлинную человеческую религию христианскую, хотя хранил ее в подсознании только что снова перечитывал мудрого Толстого.

Вдруг Левин услышал слова мужика:

«Фоканыч для души живет, бога помнит. По правде живет, по божьему».

Эти слова производят в душе Левина полный переворот. «Не для нужд своих жить, а для бога». Неверующему Левину становится вдруг ясно, что он мог жить только благодаря тем христианским верованиям, в которых он был воспитан. «Что я бы был такое, если бы не имел этих верований, не знал, что надо жить для бога, а не для своих нужд? Я бы грабил, лгал, убивал». То несознаваемое, чем крепок Левин, оказывается христианским богом, с «законами добра, явленным миру откровением». Может быть эти слова прозвучали отцу тогда, когда мы с ним стояли перед иконой Богородицы в Троицко-Сергиевой Лавре. А теперь мы снова вернемся ко мне, – Сапунову – второму, его судьбоносным годом конца 30-х – начала 40-х годов.

Итак я еду в институт – это почти через всю Москву от завода «Динамо» через Крестьянскую заставу, Дзержинскую и Театральную площадь. По Пушкинской и параллельно Новослободской – на 49 трамвае до Ватковского переулка почти у Савеловского вокзала схожу и вливаюсь в толпу своих сверстников – почти сплошь москвичей – уверенных в себе, раскованных, свободно беседующих друг с другом на самые разные темы (среди них была даже девочка, которую на автомобиле привез высокопоставленный начальник из генерального штаба). Я и так не отличавшийся высоким мнением о себе, совсем пал духом. Как во сне ездил на консультации, решал задачки, знакомился с требованиями к сочинениям – вроде знакомыми материалами, но уверенность моя таяла с каждым днем. И все-таки математику сдал на 4, сочинение на 3+, русский язык устный и литературу на 4.

По конкурсу, как видно, я не проходил – комиссия попросила рассказать, откуда я, кто мои родители (я честно написал в анкете, что мама была арестована и умерла в тюрьме), кто мой отец, почему сразу после школы не поступал в институт и т.д.) решила, что не каждый год в Московский вуз поступают ребята из деревни – и в порядке исключения зачислила меня в число студентов. Это, конечно, было чудо второе в моей жизни. Думаю, что здесь сыграла свою роль, вопреки политике, обычная русская жалость и, конечно, снова страстные молитвы матери с небес, которые дошли до сердца членов комиссии.

Отец и М.С. были страшно рады, устроили небольшие празднества, но решили, что целесообразнее для учебы и вхождения в семью молодежи жить в общежитии (оно было расположено за Киевским вокзалом на Драгомиловской улице – знаменитая в студенческих кругах – драгомиловка!)

Еще один поворот судьбы. Я студент 12 группы Станкина имени Сталина. Вот она чудом сохранившаяся фотография (все ребята на ней стриженные – только явились из военкомата (кстати, того же самого, где состою на учете после демобилизации и я). Итак. Вот они мои друзья и товарищи далеких лет.

Фото

1 ряд: Братчиков, Каунельсон, Докучалова, Гринштейн, Науменко,
Строганова, Ушакова, Аникина;

2 ряд: Шелков, Козырева, Федулов, Бакич, Куру, Софийский,
Иванов, Платонов, Сапунов.¹

---

¹ Я несколько раз звонил в ректорат нынешнего института, предлагал ознакомиться с этой и другой фотографией группы, считая их подлинными реликвиями (1999-1939 = 60 лет!), но отклика не получил. Кому нужна сейчас эта древность – ведь она ничего не стоит!

К сожалению, моя счастливая студенческая жизнь продолжалась всего несколько месяцев – в декабре нас уже забрали в Красную армию.

И все-таки эти месяцы не забываемы! В стране и мире происходили бурные исторические события. Газеты писали, как воодушевлены советские люди решениями XVIII партсъезда, провозгласившего построение в основном социалистического общества и наметившего пути перехода к коммунизму; приветствовали победы Красной Армии над японским империализмом на Востоке, договор между нами и фашистской Германией, благодаря которому мудростью Сталина война должна была отсрочена на неопределенный срок и др. Все это проходило как бы мимо нашего сознания – мы были заняты сами собой – взаимными знакомствами, устройством в общежитии, новизной преподавания, отличного от школьного, наконец, сами профессорами. Единственное военное и политическое событие, которое нарушило налаживающуюся нашу студенческую жизнь – это Финская война, благодаря которой наш институт был определен для госпиталя, а мы всем табором переехали в центр Москвы – в какую-то школу (не могу вспомнить ее точное расположение), но где-то на Арбате. Единственное событие, оставшееся в памяти об этом переезде – первое в жизни посещение театра, да еще такого, как Вахтанговский! Давали «Принцессу Турандот», но на меня она почему-то не произвела сильного впечатления – может быть потому, что я сидел где-то на галерке. А возможно потому, что я уже записался в драматический кружок института и мы сами начали воображать себя актерами!

Из всех занятий по общенаучным дисциплинам мне запомнились лекции по химии, которые читал профессор, который представлял процессы преобразований химических формул в виде танцев – парных, групповых – что было очень забавно (правда не знаю, как бы сдавали ему зачет – мы – мальчишки – были уже на пути в свои части). Фамилия

профессора, о котором я только что писал, выпала из памяти, а вот фигура преподавателя, который читал лекции по начертательной геометрии и вел черчение, запомнилось очень четко – Гордон. К тому же его объяснения и сами построения объемных предметов, и затем выполнение заданий по черчению ввиду их близости к изобразительному искусству мне очень понравились. Но совершенный триумф меня ожидал на семинарских занятиях по истории партии. Женщина, которая читала лекции по этому курсу и само их содержание, я совершенно не запомнил. Но зато первый семинар, посвященный работе Ленина «Что делать» было явлением в моей жизни и предметом удивления товарищей! Это, во-первых, из библиотеки отца – первое издание произведений вождя (по-моему даже не разрезанное – видно отец не раскрывал ее, ибо был коммунистом-практиком, а не теоретиком). Ничуть не преувеличиваю, но разрезал ее страницы книги и листал ее я с каким-то трепетом. Во-вторых, меня поразило то, что я понимаю (!!)-самого Ленина! Перед семинаром я не ночевал в общежитии, а остался у отца в квартире и две ночи захлеб читал и делал выписки.

К самому семинару ребята в группе отнеслись как к рядовому занятию по «политике». А я выдал такое, что все, в том числе и руководительница, разинули рты! Потом состоялись еще два семинара – и меня ребята «мобилизовали» за всех «отдуваться». Наверное, сказался «зов крови» и то, что я уже побыл «педагогом» или от потребности к «ораторству». А главное, наверное, это мифологическое преклонение перед вождем, рассказы отца о нем и даже то, что фото, о котором я рассказывал, висело над моей кроватью, когда случалось жить у отца в Москве (см.: мою статью об этом в приложении).

Кстати, эта способность (не скрою ставшая, очевидно, потребностью и питавшая мою «гордыню») пригодилась мне и в армии, как в солдатах, так и в дальнейшем в училище, и в кадрах политработника, вплоть до демобилизации.

Но не успели мы привыкнуть к сладостям свободной студенческой жизни на Арбате, как нас мальчиков, посадили в известные «телячьи» (почему они «телячьи», а скажем не коровьи или лошадиные, я до сих пор понять не могу) вагоны, которые назывались еще теплушками, хотя обогревались они так называемыми «буржуйками» – железными печками, от которых было тепло не дальше метра полтора (если, конечно еще был уголь). Вообще-то все это известно из многих воспоминаний и художественных произведений, которые, так или иначе, описывали призыв в Красную армию этого (да и последующие) лет: ясно – пусть сразу привыкают, «чтоб служба медом не казалась».

Наш поезд мчался на Север, где шла т.н. Финская война, а нам навстречу везли раненых и особенно обмороженных – как наказание Божье зима 39-40 годов были одной из самых суровых – температура под сорок в декабре-январе стояла особенно по ночам незыблемо. Наконец, мы прибыли в казармы недалеко от Новгорода (во всяком случае, были видны купола соборов этого вечного города).

Мы попали в отдельный пулеметный батальон, который готовил младших командиров для отправки на фронт. Надо ли говорить о первых днях службы – о них много написано и рассказано теми, кто призывался в эти годы. Я как-то не почувствовал особого, как сейчас говорят, дискомфорта – сельская жизнь ко всему приучила. Самым неудобным была намотка обмоток (извиняюсь за тавтологию), непривычно быстрый подъем и заправка кроватей. Зарядка в одних гимнастерках на морозе мне (в отличие от многих городских юношей) даже доставляла удовольствие.

Не могу не сказать еще об одном приятном факте – командный состав роты состоял из двух человек – старшины и командира роты – младшего лейтенанта. Оба оказались требовательными, но очень порядочными людьми – особенно младший лейтенант. А так как ознакомившись с личными делами, он обнаружил, что я из института, он

поставил меня исполнять обязанности зам.политрука (штатного политрука также еще не было) с правом ношения на петлицах три треугольника. Я стал приводить политинформации, а для подготовки, к которым освобождался от некоторых занятий (строевой физ. подготовке).

Более того, ком.роты, конечно, привлек меня к политической работе с разрешения зам. командира батальона по политчасти. В начале же 1940 г. отмечалось 80-летие со дня рождения Антона Павловича Чехова и зам.полит поручил командиру роты поговорить со мной, способен ли я выступить в клубе с докладом о творчестве великого драматурга. Я набрался нахальства и согласился, трепеща от страха. Но все прошло благополучно – я, конечно, как следует подготовился. И выступил перед всем батальоном. Мне от души много хлопали и товарищи, а от зам.полита получил благодарность, и от всего этого был невероятно горд.

Но стрельбы и особенно полезные учения были очень тяжелыми – мы понимали, что нас вот-вот отправят на фронт и старались изо всех сил. Особенно незабываемо одно ночное тактическое учение батальона. Морозы и в начале января не ослабевали. Мы, естественно, в ботинках с обмотками, в шинелях «подбитых воздухом» и, слава богу, в шапках-ушанках, каждый с винтовкой, ранцем, подсумками и на каждое отделение станковый пулемет Дегтярева, который несли по очереди. Когда шли неровным строем к месту учения, бегали в атаку, занимали не на долго оборонительные позиции, было все в порядке. Но наступили ранние сумерки, а затем звездная ночь. Вошли в чистый лес, в котором мы должны были провести время до утра. Командиры решили, что без костра мы окоченели. Развели небольшие, чтоб не очень демаскироваться. Натаяли снега в котелках и закусили сухими пайками. Но впереди была еще целая ночь. Одни, настелив еловых веток, лежали ногами к костру обогревая ботинки, другие совершали «пляски вита», прыгая поодиночке или взявшись за руки в кольцо или... кто как мог. Конечно, травили всякие

истории из жизни, но, (как это ни странно, без похабщины). Вобщем переночевали – и никто не простудился и ничего не отморозил.

Но это был последний наш выезд в поле – вскоре закончилась и война с Финляндией.¹ Для меня же начался новый этап жизни. Пришло распоряжение – произвести набор в военные училища солдат и сержантов, имеющих среднее образование и объявлены их наименования, среди которых называлось Подольское стрелково-пулеметное. Я без колебаний выбрал именно его. Во-первых, это продолжение того, чем занимался эти прошедшие месяцы, а, во-вторых, поеду через Москву и буду учиться рядом с ней, видаться с отцом, посещать, если удастся, театры, знакомиться с музеями и т.д. Так с января 1940 года я стал курсантом ПСПУ, где проучился ровно год.

О курсантах и командирах нашего и его собрата – Подольского артиллерийского училищ написано много книг, воспоминаний, мемуаров, где описаны не подвиги в битве под Москвой осенью 1941 г.² Мы могли быть также в их числе, но судьба предназначила нам другую участь. Наш, третий батальон (лишь курсантский состав) в январе 1941 г. был переведен в Борисовское танко-техническое пограничное училище Белорусского

Военного округа и таким образом мы вступали в бой фактически в первые дни войны (о чем я напишу далее подробнее), защищая Москву на рубеже исторической реки Березины. Мы по-праву называли себя «подольчанами», так как практически всю общевоинскую подготовку получили в ПСПУ.

---

¹ Я до сих пор удивляюсь одному: если, вполне естественно, о подвигах в Великой Отечественной войне, о ее жертвах, много пишут разыскивают могилы павших, то о Финской, который в 2009 г. исполняется 90 лет никто ничего не говорит и не вещает ТВ. Конечно, с политической и военной точек зрения та война – явление сложное, ее участников, наверное, совсем не осталось. Но могилы десятков тысяч остались навечно. Финны, безусловно, чтут погибших и ухаживают за их захоронениями. А мы?

Думаю, что ни те, кто дрались с врагом под Москвой, ни мы не могли сколь-нибудь успешно вести бой, если бы в училище не получили не только военные знания и навыки, но и нравственно-физическую закалку. Еще при подготовке к 60-летию начала ВОВ я обращался в комитет ветеранов Подольского училища, предлагая поделиться своими мыслями и воспоминаниями именно о предвоенной подготовке нас к возможной войне в мирное время. К сожалению, я не получил заинтересованного согласия. Я же думаю, что тот опыт, который был накоплен училищем в небольшой срок, перед самой войной имеет не только историческое, но и современное значение для подготовки защитников Родины. Известно, что в определенные, так называемые перестроечные годы, которые (кажется в вооруженных силах продолжают до сих пор).

Этот опыт не только не изучался, но и решительно отвергался главным образом по идеологическим и политическим мотивам. А жаль! Я и сейчас, спустя 70 лет, считаю не просто по ностальгии о прошлом, а по вполне рациональным размышлениям, что по крайней мере в нашем училище в работе с людьми было много хорошего, что пригодилось на войне и, думаю, могло быть использовано и сейчас. Прежде всего, я не помню, чтобы нас кто-то как малышей специально «воспитывал», хотя

этот термин в политработе был распространен и тогда.¹

---

¹ Мы, долгое время руководствуясь «теорией отражения» недооценивали «слово», «язык» в человеческой деятельности. Но слово не просто отражает, но «творит» действительность, определяет поступки людей. Вот так произошло с понятием «воспитание», которое из «педагогики» (греч. «детовожделение») перешло во взрослые сферы жизни, приняв прямо дидактические, тоталистские, агрессивные смыслы. В советское время все сколько-нибудь обладающие властью, воспитывали «других» провозгласив армию «вне политики» (что тоже по-существу теоретически и практически неверно), уничтожив политаппарат, не придумали ничего лучшего, как ввести институт «воспитателей». Теперь «воспитывают» всех снизу доверху, от солдата до генерала. Может, нам прислушаться к лучшим, опытным педагогам – теоретикам и практикам. Каким, скажем, является Евгений Ямбург, который даже школу считает «довольно агрессивным учреждением» если она руководствуется законами дидактики в воспитании. (См. «Школа Ямбурга» Российская газета, 28.08, № 182.

От командира роты ст. лейтенанта Мамчага – красивый, стройный, наверное, лет 30 (а нам казалось уже «пожилой») мы никогда не слышали «назиданий», «нотаций», чего так не любят молодые. Даже при серьезных нарушениях он вызывал провинившегося из строя нередко с юмором отчитывал его и спрашивал «А тебе не стыдно? Иди и подумай – если не поймешь и повторишь свою глупость – будешь наказан». Если нужно, он, как говорят, личным примером показывал то, что нам никак не удавалось. Вот есть такое упражнение на турнике «скобка». Ни у меня – достаточно физически сильного к тому времени – ни у других ребят она никак не получалась. Он посмотрел, снял портупею и прямо в сапогах (конечно хромовых) подпрыгнул, захватил перекладину и мигом вскочил на нее. Соскочив, засмеялся – «вот так, мальчики – это ведь очень просто». Мы с восхищением смотрели на него, а потом несколько вечеров и после отбоя «висели» на турнике и своего добились.² Не имея славо Богу, специального педагогического образования, он инстинктивно понимал, что формировать командирские качества у будущих курсантов надо не поучениями, не понуканиями, не привитием привычки «чего изволите», а доверием к ним, поощрением их инициативы, самостоятельности.

Так как это все-таки автобиографические записки, то опять сошлюсь на отношение Мамча ко мне. Так как я пришел в училище, будучи уже сержантом, он, недельку понаблюдал, назначил меня пом.ком.взвода, а до прихода штатного командира, поручил исполнять и его обязанности. Этот опыт, хотя и краткий, оказался потом бесценным.

Но нашему взводу повезло – командирам стал только что окончивший Московское общевойсковое училище лейтенант Быстров. И по быстроте принятия решений, и по сообразительности, и по реактивности в действиях он вполне соответствовал своей фамилии. – Уж

---

² Фамилия ст. лейтенанта Мамчига встречается в материалах, посвященных подвигу курсантов и командиров Подольского училища, но, к сожалению, дальнейшей судьбы его я не знаю (См. Битва за Москву. М., 1985 г., с. 185-186).

от него-то нам досталось полной мерой! Физически великолепно подготовленный, блестяще владеющий всеми видами стрелкового оружия, особенно пулеметом «Максим».¹

Училище и зимой и летом выезжало (выходило) в лагеря в район г.Белосмута на берегу реки Оки. О лагерной жизни можно было написать целую книгу – настолько она была насыщенной, напряженной и вместе с тем интересной. Вот только один эпизод – взвод, возглавляемый лейтенантом Быстровым идет в жаркий летний день на стрельбище, расположенном километрах в пяти от лагеря. Каждое отделение несет станковый пулемет в разобранном виде – на спине у одного – станга в 32 кг; у другого – .... – 2- г., у третьего – коробки с лентами. Они периодически меняются. Солнце палит нещадно, под ногами сплошной песок. Во главе с одним пистолетом – лейтенант. Бегом, всю дорогу бегом. Пот льет градом, кажется силы на исходе. Где-то сзади раздается – «хорошо ему с одним пистолетом». Сказано не громко, но лейтенант услышал! – «Кто это сказал, все молчат. Остановились. Он подходит к одному из курсантов, «снимает станг и надевает его на себя. «Бегом», – звучит команда и мы еще более быстрым темпом устремляемся вперед. Привал «ну, теперь лучше?», – весело обращается к взводу. Все смущены, отшучиваются. Поднимаются и бегут далее. Так до полигона, а здесь новые задачи – трудно – отрыть окоп, поставить пулемет – и стрельбы – радости и огорчения. И так не один раз за лагерный сезон.

И как это не покажется странным нынешним сидням у телеков и радиоприемников – мы по собственной инициативе с участием жен офицеров организовали художественную само-деятельность. Поставили какую-то (сейчас не вспомню какую) пьесу Чехова, а в концерте (это уже я хорошо помню) я читал деда Щукаря из «Поднятой целины» Шолохова.

---

¹ Про него рассказывали легенды, что в стрельбе из последнего он в мишенях выбивал свою фамилию! Мы этого не видели, но стрелял он классно!

Устраивали концерт даже в клубе г.Бело...мута, прошедшего, как нам показалось, с большим успехом.

А чтобы закончить о художественно-развлекательной жизни не могу не сказать о совершенно выдающемся факте – выступление в училище Ворошилова!

Наш народный маршал вначале, естественно, говорил о международной обстановке, необходимости крепить оборону, о задачах подготовки командного состава, а затем совершенно неожиданно рассказал о своем недавнем посещении Турции, где его познакомили с военным училищем. Ему многое там понравилось «и представьте себе – там будущих офицеров обучают танцам! А мы что хуже что ли? «Мы, конечно, были в восторге от этого, тем более командование приняло слова маршала как команду – и у нас в вечернее время по выходным (правда, не в обязательном порядке) было организовано обучение танцам с приглашением девочек из соседнего института.¹

Я не фарисей, а обычный грешный человек и мне не хотелось бы поднимать тему отношений между мужчиной и женщиной, но на фоне современного разгула, когда слово «секс» употребляется куда чаще, чем «любовь» и «красота», мы тогдашние мальчики в гимнастерках выглядели почти ангелами. Во всяком случае разговоры в казарме после увольнения в город о встрече с девочками как-то не были популярными. Что касается меня, то выезжая на выходные по увольнительной в Москву я встречался с подружкой Лёли (о которой я уже писал), которая мне нравилась и были условия удовлетворить свои мужские потребности, но (не знаю, хорошо или плохо – ведь впереди была война) я остался девственником (так говорят?). И тем не менее закончить свой неизбежно краткий дискурс пребывания в ПСПУ на серьезной по тем временам ноте – как и в

---

¹ Честно говоря, я нигде не читал о посещении Ворошилова Турции и его выступлении в училище да еще по поводу танцев – может быть это имя фантазия, но то, что было организовано обучение курсантов танцам – это не выдумка, а факт.

институте, мы, конечно, изучаем «Историю партии» и дошли до второго параграфа второй главы «Диалектический и исторический материализм». Занятия вел очень серьезный старший политрук из Москвы – то ли Момкан, то ли Мирзон. Вобщем очень симпатичный армянин, очень увлеченный читавший лекции и мне так понравились впервые услышанные его философские рассуждения, что я сел за книгу, почти наизусть выучил все эти основные черты материализма и диалектики да так, что в последующем, где ни учился, поражал всех своей «эрудицией». Боюсь только, что это не послужило еще на пользу, так как все другие мировоззренческие взгляды я вольно или невольно втискивал в «прокрустово ложе» освоенной в юношеской памяти схемы.

Так бы нам ни было, но подольское счастье неожиданно закончилась и началась жизнь, где уже реальную диалектику мы изучали «не по Гегелю». Мы оказались в училище далеко от Москвы, которое только что формировалось и еще не было похоже на танковое, ибо большинство занятий все еще шло « в пешем строю». Правда, вождение отрабатывали на «танкетках» с одним человеком в экипаже и на танках БТ-5 с бензиновым двигателем и тонкой броней, которую пробивала пуля, но зато они очень быстро двигались на гусеницах, а когда их снимали, соревнуясь в скорости с автомашинами – «Броня крепка, а танки наши быстры» эта мифология была приспособлена, как известно к сталинской «наступательной «стратегии».

Между тем, мы знаем, что в гаражах под замками и строгой охраной стоят новенькие, и как говорили, лучшие в мире танки Т-34. Но нам их даже не показали. А как потом стало известно, немцам они были хорошо известны.

Тактику мы «изучали» тоже в «пешем строю» под руководством преподавателей-танкистов и у нас, прошедших великолепную школу общевоинской подготовки, эти занятия вызывали внутренний смех.

Командиром роты был назначен только что призванный из запаса старший техник-лейтенант, который к тому же немного заикался. Узнав, что в Подольске я был пом.ком.взвода он назначил меня старшиной роты. Так как я обладал громким голосом и неким опытом, строевая подготовка у нас была вроде на уровне.

В целом же военный городок под названием «Печи» в десятке километров от Борисова был вполне благоустроенным и приспособленным для занятий. Рядом с казармами был «Дом комсостава» («Дом офицеров» впоследствии), который теперь предназначался для нас, курсантов. Меня обрадовало то, что при нем была хорошая библиотека, а в ней литература в том числе по военной истории, которую я в перспективе быть настоящим образованным командиром, еще в Подольске начал изучать. Я взял сразу не кого-нибудь, а клаузевица! А так как в качестве старшины я мог более свободно распоряжаться своим временем, то вставая на час-полтора до подъема (это в 5 часов) я с удовольствием вгрызался в «большую» военную науку, которая, по правде говоря, не пригодилось мне в жизни, однако удовлетворяла всегдашнюю мою жажду знаний.

В принципе, учеба по сравнению с ПСПУ была для нас не обременительна, тем более – ведь интересно и полезно знать технику и научиться водить автомашину (как этап к вождению танков, который, к сожалению, мы не достигли из-за последующих событий). Все ребята хорошо друг друга знали, привыкли к дисциплине и порядку, а ком.роты и назначенный чуть позже командир первого взвода – младший техник-лейтенант (один кубик на петлицах) только что выпущенным из училища, практически не вмешивались в нашу жизнь.

Начальником училища был корпусной комиссар И.З.Сусайков (три ромба на петлицах) правда, окончивший Бронетанковую академию, а комиссаром – бригадный комиссар Михеев (один ромб). Первого мы видели только по прибытии, а второй – два раза выступал перед всеми

курсантами в клубе. В своем последнем из них он убедительно, как всегда, говорил о международной обстановке, о коварной политике западных держав, особенно Англии и Франции, в результате которой получили войну со стороны Германии. Но благодаря мудрой внешней политике Сталина мы имеем возможность, продолжать мирное строительство. Однако, распространяются слухи, особенно опасные в нашем пограничном округе, что Германия сосредотачивает войска для нападения на СССР. Это опасные слухи – не верьте им и спокойно занимайтесь боевой подготовкой. Это была суббота 21 июня 1941 года.

Я много лет собирал публикации, документы, пытался писать воспоминания о первых днях войны на западном направлении фронта и об участии в боях против немецко-фашистских захватчиков на подступах к г.Борисову на исторической реке Березине, но у меня не хватало сил для сбора архивных материалов, а без них воспоминания были бы неполноценными.

И вдруг удача – встреча с моим сослуживцем по Военно-политической академии, который давно занимается сбором материалов об участниках ВОВ – своих земляков. Он заинтересовался моим рассказом, провел большую исследовательскую работу, результатом которой явились две статьи в журналах «Наука и жизнь» (№ 7, 2006) и «Ориентир» (№ 2, 2007). Они достаточно полно излагают то, о чем я хотел написать, поэтому посчитал правильным и более целесообразным. Вместо моих субъективных очерков поместить (с разрешения автора) почти полный текст этих статей. Первая –

ЭТО БЫЛО В 41-М НА БЕРЕЗИНЕ
МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА ВОЙНЫ

Кандидат философских наук Б. ПЛАТОНОВ,
капитан 1 ранга в отставке.

На реке Березине наши войска упорно дрались в районе Борисова, где сражалось Борисовское танковое училище.

Г. К. Жуков

На живописных берегах лесной красавицы Березины стоит старинный белорусский город-воин Борисов. В течение многих столетий он служил опорным пунктом нашего государства: отсюда открывался самый короткий путь с запада на Москву. И именно здесь в октябре 1812 года была окончательно разбита армия Наполеона.

В июне 1941 года эти места стали ареной новой Отечественной войны. Гитлеровские захватчики планировали уже к августу торжественно въехать на танках «в освобожденную от большевиков» Москву. Но этого, как известно, не произошло. Они встретили иного, чем до того в Европе, противника. Как иначе объяснить, что немецкая армия только за два первых месяца потеряла на Восточном фронте в одиннадцать раз больше сил, чем за два года до этого в Западной Европе и Северной Африке?

Стремительно наступавший противник внезапно споткнулся – то был рубеж обороны по реке Березине в районе города Борисов. Здесь сражался местный гарнизон во главе с начальником Борисовского танкового училища корпусным комиссаром И.З.Сусайковым. О том, как это было и как сражались курсанты училища, – наш рассказ.

Вторая –

ПО СЛЕДАМ ЗАБЫТОГО ПОДВИГА

Как-то в читальном зале военного отдела Российской Государственной библиотеки я встретил давнишнего сослуживца, полковника в отставке, профессора Бориса Михайловича Сапунова. Уже много лет он работает в гражданском вузе.

Разговорившись, узнал, что он занимается поисками материалов о действиях Борисовского танкового училища, в котором был курсантом. В конце июня – начале июля 1941 года оно вело сражения на подступах к легендарной еще со времен войны с Наполеоном реке Березине. Об этих боях, задержавших наступление врага, упоминается в ряде изданий. Так, в своих мемуарах «Воспоминания и размышления» Г. К. Жуков пишет: «На реке Березине наши войска особенно упорно дрались в районе Борисова, где сражалось Борисовское танковое училище, возглавляемое корпусным комиссаром И.З. Сусайковым».

В первом томе работы «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков» (Минск, 1983 г.) говорится: «Упорные бои развернулись на Березине в районе Борисова. На пути врага встали курсантские батальоны Борисовского танково-технического училища под командованием корпусного комиссара И.З. Сусайкова».

Наиболее полным исследованием, основанным на большом количестве документов, является книга белорусского ученого Н.К. Андриющенко «На Земле Белоруссии. Лето 1941 г.» (Минск, 1985 г.). В ней рассказывается о той роли в обороне чрезвычайно важного стратегического рубежа реки Березины и в защите Борисова, которую сыграли Борисовское танковое училище и его начальник И.З. Сусайков, назначенный командующим всем этим участком Западного фронта.

«К сожалению, – заметил Сапунов, – в этих книгах нет имен конкретных людей (за исключением отдельных военачальников), которые дрались и умирали за Родину в те дни. Большинства уже нет на свете. Меня судьба сберегла. Как очевидец и участник тех боев, я, наверное, мог бы что-то добавить, уточнить, особенно о своих товарищах-курсантах. Сегодня их имена забыты. А ведь мы сражались героически, стояли на смерть у мостов на Березине и после -вдоль автострады Минск-Москва.

Именно здесь, у Борисова, враг наносил главный удар на Западном направлении».

Рассказ ветерана глубоко взволновал меня, запал в душу. Запомнились его слова, что материалы об училище могут храниться в Подольске, в Центральном архиве Министерства обороны. И вот я в Подольске...

Мне повезло. Оказалось, что заместитель начальника архива полковник Владимир Иванович Николаев - уроженец Борисова. Он сам был заинтересован в восстановлении правды о том времени. Выяснилось, что в музее города тоже мало известно о боевых действиях курсантов. Знакомство с архивами меня потрясло. Живые страницы боев представляли в докладе корпусного комиссара И. Сусайкова и бригадного комиссара П. Михеева командующему бронетанковыми войсками Я.Н. Федоренко. Новые, совершенно неизвестные факты подвигов командиров, политработников, курсантов в наградных листах, представленных в правительство (ВЦИК), раскрыли яркую картину тех трагических дней и высоту подвига этого небольшого по масштабу фронта соединения. Тогда, в условиях панического отступления наших частей, полк курсантов стал той организованной силой, которая оказала сопротивление врагу.

Показал найденные документы Сапунову. Борис Михайлович поблагодарил меня, сказав, что они существенно расширяют круг его поисков, дают новую пищу для размышлений. Теперь попытаемся восстановить картину «забытого подвига» по воспоминаниям очевидцев.

Рассказывает Борис Сапунов: «Всем известна по учебникам истории фраза, что катастрофа июня -июля 1941 г. на Западном фронте произошла ввиду внезапности нападения фашистской Германии на СССР. Теперь уже доказано, что Сталину было известно не только о сосредоточении немецких войск на границе, докладывали ему и о дате, на которую было назначено вторжение. Так что для него и высшего командования армии и

флота это было не незнание, а страшная, непростительная вина. А вот для нас...

22 июня в 5 часов утра я поднял роту и повел ребят купаться на Березину, не зная, что уже 3 часа как идет война. И это в пограничном округе! По тревоге, как всегда, надев на себя сумки с противогазами, вещмешки, подсумки с боеприпасами, вооруженные одними винтовками и ручными пулеметами, в пешем строю (танков, на которых мы обучались, так и не видели), обливаясь потом, в 30 градусной жаре двинулись занимать позиции к западу от Борисова, оседлав шоссе Минск-Москва.

ОБСТАНОВКА НА ФРОНТЕ.

В училище еще не знали, что после прорыва немцами фронта в районе Минска одиннадцать наших дивизий оказались в окружении и большая часть их состава попала в плен. Начальник училища не мог знать о масштабах потерь фронта в первый день войны, когда основная часть его авиации была уничтожена прямо на аэродромах. Западный фронт, по сути, перестал существовать. За короткий срок один за другим сменяются три его командующих. Первый из них, генерал армии Д. Г. Павлов, и с ним семнадцать человек руководства по приказу Сталина были арестованы и приговорены к расстрелу (в 1957 году посмертно реабилитированы).

Суровую правду тех дней долгое время, к сожалению, замалчивали, словно забыв, что способность говорить горькую правду о себе – удел сильных.

В создавшейся обстановке командование училища и руководство города взяли всю ответственность на себя и действовали решительно. За трое суток курсанты и жители Борисова вырыли на подступах к Березине семикилометровый противотанковый ров, оборудовали окопы, огневые точки, на дорогах создали замаскированные ямы и завалы. Курсантские

подразделения заняли оборону по автостраде Минск-Москва и на железной дороге.

Тем временем масса отступающих войск и беженцев угрожающе нарастала. Многие красноармейцы шли без своих командиров и даже без оружия. Константин Симонов, случайно оказавшийся в эти дни в Борисове, вспоминал: «Ничего нельзя было понять. По дорогам потоком шли войска и машины – одни в одну сторону, другие в другую (на запад возвращались военные из отпусков, а также шла на свои призывные пункты гражданская молодежь. – Прим. авт.). Крутились немецкие самолеты... Отчаянная жара и пыль... Никто ничего не знал... Накаляли обстановку действия многочисленных диверсионных групп, переодетых в советскую военную форму, форму НКВД и милиции. Их задача была провоцировать панику, вести разведку, а в ночное время нападать на наши части с тыла».

– На фоне такой неразберихи, – вспоминал при нашем разговоре Б.М. Сапунов, – только организованность и дисциплина могли стать психологическим щитом на пути отступающих войск. В училище сформировали заградительные отряды во главе с офицерами, они задерживали военнослужащих, отбившихся от своих частей, и формировали из них сводные части для обороны города.

К счастью, 26 июня связь со штабом фронта восстановилась. Его приказом комиссар И. З. Сусайков был назначен начальником Борисовского гарнизона, а начальником штаба – полковник А. И. Лизюков (он, как и Симонов, в городе оказался случайно, возвращаясь из отпуска в Минск). Основная цель, поставленная перед гарнизоном, – не дать противнику захватить переправу через Березину.

В течение трех суток – до начала боев – удалось объединить свыше десяти тысяч человек из разрозненных подразделений 13-й армии, отходящих от Минска, пограничников и курсантов. Район обороны был

разбит на четыре участка. Курсантский полк вместе с пограничниками (примерно 1500 человек) занял позиции в районе Северного Борисова и местечка Зембино, где находилась большая переправа. Формировать рубежи и позиции приходилось без технических средств связи, под непрерывной бомбежкой и при обстреле с воздуха. И тем не менее город в кратчайшие сроки удалось подготовить к обороне и управлению разрозненными силами по широкому фронту.

В этом большая заслуга Ивана Захаровича Сусайкова и его ближайших соратников. Их усилия по защите борисовских рубежей маршал Еременко впоследствии оценит как «начало организованных действий на Западном направлении». Сусайков – опытный командир-танкист, имел за плечами академию, прошел финскую войну. До назначения в училище, в марте 1941 года, занимал крупные военно-политические должности в Москве и военных округах. Во всех отношениях это была неординарная личность, и курсантам очень повезло с начальником.

СРАЖЕНИЕ ЗА БОРИСОВ

28 июня захвачен Минск. Стоявший в 70 километрах от него Борисов оказался на острие главного удара противника – через него проходило стратегическое шоссе Минск-Москва. Сюда устремились ударные части группы армий «Центр», рассчитывая с ходу форсировать Березину. У русских, по их данным, здесь не было больших сил.

Но «с ходу» не получилось. Противник неожиданно для себя встретил упорное, хорошо организованное сопротивление по широкому фронту в несколько десятков километров – везде, где были переправы.

Именно около них, на предмостных участках, завязались наиболее жаркие схватки. А когда в ряде мест противнику удалось прорваться, ожесточенная борьба продолжалась на восточном побережье, на заранее подготовленных и хорошо оборудованных позициях. Защитники боролись самоотверженно, сражаясь с танками в основном гранатами и бутылками с зажигательной смесью, – противотанковой артиллерии почти не было.

Особенно сильным оказался нажим немцев 30 июня, 1 и 2 июля вдоль автомагистрали в направлении мостов у Борисова и Ново-Борисова. Противник неоднократно пытался форсировать Березину, но все его попытки на участках курсантского полка были отбиты. Курсанты неоднократно переходили в контратаки. Об одной из них сообщает в политдонесении комиссар училища Михеев (это донесение позже я нашел в архиве). Когда на одном из участков неприятелю удалось захватить переправу и перейти на другой берег, взвод курсантов под командованием капитана Ларина в ночь на второе число внезапным ударом отбросил противника обратно, отбив мост.

Но силы сторон были слишком неравными. Немцы имели огромное преимущество в танках и артиллерии, абсолютное господство в воздухе. Наши же действовали совершенно без авиационного прикрытия и средств ПВО. В ночь на 1 июля противнику удалось захватить главный мост и ворваться в город. После ожесточенных боев 2 июля советские части оставили город Борисов. И тем не менее в районе Борисова наши войска задержали продвижение врага не меньше чем на сутки и тем самым дали возможность развернуться только что подошедшей из-под Москвы 1 -й Московской мотострелковой дивизии.

Для курсантов училища то был первый в их жизни бой. Но действовали они храбро и умело, никто не дрогнул и не ушел без приказа с занимаемых позиций. В докладе указывается, что они подбили 15 танков,

уничтожили до роты гитлеровцев, захватили трофеи. Читаем в наградных листах:

«Сержант Головачанский А. М. Год рождения 1918. Забросал противника гранатами и вступил в рукопашную схватку. Захватил двух пленных и ручной пулемет;

– сержант Дегтярев П. С. (1918)..., курсант Чурюмов К. И. (1915). Под жестким огнем устранили поломку затвора 122-мм орудия, меткими выстрелами подбили три танка;

– курсант Емельянов М. С. (1913). Ум. (местечка) Зембино метким огнем уничтожил танк и бронемашину врага. Был тяжело ранен, но бой не прекратил;

– младший лейтенант Казюлин В. И. (1912). Со взводом станковых пулеметов отразил атаку многократно превосходящего противника. Грамотно организовал систему огня, пропустил танки вперед, отрезав от них роту мотопехоты, и уничтожил ее;

– полковник Белый Д. Н. (1897). Руководимые им батальоны обороняли переправы в районе ст. Борисово-Зембино... Подбито 8 танков, несколько орудий... В штыковой атаке разбито до роты немецкой пехоты. Обеспечил подрыв переправ через Березину и отход батальонов на новый рубеж обороны».

А вот и наградной лист на сержанта 3-го батальона Сапунова Б. М. (1921), в котором за оборону моста его представляют к ордену Красной Звезды. О том, как это было, рассказывает он сам.

МОСТ ПАМЯТИ

Противник наращивал свой натиск, усиливая бомбежки и артиллерийские удары. Город горел. Командование решило, что сопротивление со стороны нескольких курсантских подразделений (общей численностью не более 600 человек) не имеет смысла. Чтобы избежать окружения и

уничтожения, было приказано всем переправиться на восточный берег и присоединиться к училищу. Большинство курсантов успели сделать это. А в ночь на 1 июля немцы заняли большой каменный мост на стратегическом шоссе, который не успели взорвать наши армейские саперы. 2 июля по приказу командующего фронтом маршала Тимошенко город был оставлен. Но оказалось, что не все подразделения курсантов переправились на другой берег и не все мосты были захвачены противником. Речь идет о роте бывших подольских курсантов, где я был старшиной.

Организуя оборону рубежа Березины, командование поставило перед нашей ротой особую задачу, действуя автономно, не допустить переправы пехоты противника через деревянный мост в самом Борисове. Командир роты повел подразделение занимать указанные позиции, а меня как старшину отправил в тыл училища для того, чтобы обеспечить личный состав питанием. Вернувшись во второй половине дня на место предполагаемой дислокации подразделения, я застал странную картину. Курсанты находились в растерянности, не зная, что делать. Командир роты и единственный командир взвода ушли, как они заявили, на рекогносцировку и еще не вернулись, хотя прошло уже более 3-х часов. Ждать далее было нельзя - создавалась угроза невыполнения приказа. Как старший по должности, я принял командование на себя. Посоветовался с сержантами: как оборонять мост на этой стороне и предотвратить переход противника через него? Решили перейти через мост и занять оборону на западном берегу реки. Так и сделали. За ночь и утро 30 июня окопались там, подготовили позиции для пулеметов, выслали вперед разведку и сразу вынуждены были вступить в бой. К этому моменту поступил приказ командования об отходе подразделений училища на восточный берег, а противник уже захватил каменный мост на магистрали Минск-Москва. Не зная об этом, мы почти двое суток – 30 июня и до вечера 1 июля – отражали атаки разведывательных и передовых подразделений

наступающей мотопехоты противника. Встречая плотный заградительный огонь наших пяти пулеметов, они откатывались, видимо, решив, что мост обороняют крупные силы. С воздуха «хорошо» полили свинцом. Ждали решающего штурма. На душе было крайне тревожно: сколько продержимся? Силы слишком неравные, связи с командованием нет.

Только к вечеру 1 июля в расположении роты появились сержант и с ним два красноармейца-сапера. Они доложили, что немцы еще вчера захватили большой мост, и сейчас их танки переходят на другую сторону. Нам приказали взорвать свой мост и отходить.

Вместе с сержантом Алышбаевым прикрываем «максимом» отход роты, первыми переправляем раненых. Гремит взрыв — саперы подрывают наш мост. С тех пор всю жизнь его вспоминаю. В моей душе он стал «мостом памяти», который пролег через всю мою жизнь.

Через не полностью еще захваченный ночной город благополучно, в полном составе выходим своим, случайно наткнувшись на них за городом, в лесу. «Вы разве живы?!» – обрадовано воскликнул, увидев нас, командир батальона. О нас доложили начальнику училища И.З. Сусайкову, который сказал мне: «Молодец, не растерялся, взял на себя ответственность», а комиссар Михеев добавил: «А нам уже сообщили, что вы все погибли. Ну теперь, по старой примете, останетесь живы».

Как действовали курсанты после падения Борисова? Училище продолжало бои на Борисово-оршанском направлении, где воевало в составе мотострелковой дивизии под командованием уже упомянутого Крейзера, тогда еще полковника. Эта элитная, хорошо подготовленная 12-тысячная часть была оснащена новой техникой, имела 250 танков, в том числе 40 танков Т-34 и КВ. Главная ее задача состояла в том, чтобы всеми силами сдерживать продвижение противника по Минскому шоссе и по прилегающим к нему районам. В течение недели, до 10 июля, части

дивизии и курсантов вели тяжелые арьергардные бои, применяя тактику подвижной обороны и изматывая силы неприятеля.

В этих оборонительных боях наши воины сражались, не щадя жизни. Среди них был и лейтенант Рубен Ибаррури (сын нестигаемой Долорес Ибаррури), командир пулеметного взвода 175-го мотострелкового полка дивизии. Несколько часов его взвод отражал атаки, и, когда вышел из строя последний пулемет, бойцы с гранатами бросились навстречу танкам. В этой схватке командир был тяжело ранен. За мужество и отвагу командование представило его к ордену Красного Знамени.

Особенно отличились наши курсанты во время ночной атаки с 6 на 7 июля у реки Бобр. Когда противник, говорится в докладе, перебросил свои передовые отряды на восточный берег реки Бобр, четвертый батальон курсантов совершил стремительный ночной налет. Атакой он не только отбросил части противника, но и сорвал работы по наводке моста. Батальон под сильнейшим огнем сумел без больших потерь вернуться на исходные позиции.

Об этих последних боях и дальнейшей судьбе училища, о чем пишет Б.Феатов я еще долго ничего не знал. Возвратившись в батальон, получил приказ вступить в официальное командование ротой и готовиться немедленно к форсированным маршам отходить на новые позиции. Немцы оседлали единственную асфальтированную и благоустроенную дорогу Минск-Москва и по нем двигались колонны их танков и мотопехоты. Мы же без всякой техники пытались их обогнать по проселочным параллельным шоссе, разбитым дорогам.¹

Но наконец-то 3 июля – речь Сталина по радио комиссар распространил в виде листовок по всем подразделениям. Хоть что-то стало ясно – почему отступаем и что делать. Сталин призывает не только к

---

¹ «Говорили вам – стройте дороги – без них никуда, а вы все больше о строительстве коммунизма да колхозов – вот и ходите сейчас по нашим дорогам», – с болью и иронично и с болью выговаривал нам старик, будто мы виноваты в этом неустройстве.

усилению борьбы с врагом на фронте, но и организации партизанских отрядов в его тылу.

А что если и нам организовать партизанский отряд? Ведь у нас было и оружие, и военные знания, и какой-то опыт. Мы могли бы быстро ударить по его тылам. Но командование остудило наш пыл. Прежде всего самовольный уход из части – само по себе воинское преступление. Кроме того, как уж теперь мы знаем в частности из великолепных произведений Василия Бойкова, без знания местных условий, без связи с гражданскими работниками в тылу нас просто бы переловили как кур и уничтожили. Объективно командир батальона, к кому мы обратились со своим предложением был прав, приказав поднять роту и продолжать движение к намеченному рубежу обороны.

Уже с лучшим настроением двигаемся вперед (назад). Выходим к реке Бобер, организуются оборонительные позиции. Мне приказано взять несколько человек, выйти на опушку леса и разведать обстановку на шоссе. Осторожно двигаемся вперед – и вдруг буквально натываемся на немецкий патруль. Залегли, но в нас полетела граната. Нужно отходить, но у меня страшная боль под коленкой, кровь. Свело правую ногу, ранены еще двое курсантов, но легко. Ребята, отстреливаясь и взяв меня на руки, отходят к своим. Немцы нас не преследуют. Выходим к расположению батальона, которому приказано двигаться вперед. Я идти не могу. Сооружаются носилки, чтобы нести меня. И вдруг откуда не возьмись – санитарная машина мотострелковой дивизии везет раненых в Оршу. Забирает меня. Я прощаюсь с ребятами и, как оказалось, большинство из которых уже никогда не увижу. Дорога вся в колдобинах – трясет неимоверно, осколок то и дело впивается, как оказалось потом, в нерв. Временами теряю сознание, а у шофера и солдатика (конечно еще красноармейцев) нет обезболивающего. Наконец, Орша. Выгружают из машины и несут в походный госпиталь. Сестра делает укол – и боль на

время утихает. Мне становится так хорошо, что я говорю сестре – (поразительно, но мне до сих пор эти слова помнятся, как будто произнесены только что) «Господи, все прошло, мне совсем не больно – вот бы сейчас умереть». Сестра, улыбаясь, шепчет: «Что ты, мальчик, ты еще поживешь» и я улыбаясь ей в ответ.

Я не хочу задним числом в соответствии со своими сегодняшними убеждениями, привести мысль, которая пришла внезапно мне тогда в голову – «это молитвы моей мамы с небес спасти меня». А это было именно так, ведь мое спасение было чудом. И то, что мальчишка, которому еще не исполнилось двадцати, взял ответственность за 70 человек, как то перед лицом врага организовал бой, вывел их из окружения, а сейчас как из сказки появившаяся санитарка – как все это можно расценить? Не только с религиозно-мифологической, но и совершенной научной точки зрения?

Только что я познакомился с концепцией трансперсоналистической, гуманистической психологией, которая на многочисленных наблюдениях и опытах утверждает наличие связей между сознанием, подсознанием и сверхсознанием. Ее сторонники считают, что трансперсональные переживания индивида могут выходить за свои пределы в некую универсальную целостность бытия. То, что принято называть ноосферой.¹ Более того, они способны воздействовать на сознание и определять деятельность других людей (чтение мыслей на расстояние, воздействие на материальные живые и неживые предметы). Эти автор объясняет выдвижение гениальных инноваций в различных отраслях духовной деятельности – религиозной, научают, эстетической, этической и др. оказывающих громадное влияние на мир через отдельных индивидов.

---

¹ См.: Мас.... А. По направлению к психологии бытия. М., 2002, Маккена Т. Пища богов: поиск первоначального древа знания. М., 1995 и др.

Я вспоминаю рассказ тети Веры Тотокиной, арестованной и сидевшей с мамой в одном Гулаге, о чем я уже упоминал. Весь ее ум, все духовные силы, все клеточки мозга, вся воля к жизни была сосредоточена на детях в такой степени, что голова не выдержала и сгорела. Но ..... Ее желаний, ее трансперсональная энергия передалась нам и тем, кто определял нашу судьбу – и мы были спасены. Я не могу не вернуть этому. Бог услышал маму и мы остались живы. Так Господь услышал молитвы тысяч и миллионов верующих и спас Россию в той, казалось бы вначале проигранной войне. А дальше меня внесли в вагон поезда, который вместе с другими ранеными должен был отправиться в тыл. Но для нас не все кончилось – немецкие самолеты бомбят станцию, стремясь попасть именно в поезда с ранеными. Наверное, обожженных в воздушных боях летчиков, лица которых и тела в окровавленных и гнойных бинтах. Единственная сестра на весь вагон при приближении немецких самолетов кричала «мальчики, миленькие вы мои, выходите из вагона, а то тут всех вас одной бомбой накроют». Большинство из нас, кому нужна помощь, чтобы вылезти наружу, особенно летчики в ответ ей уж не кричат (нет сил) а станут «э, пусть уничтожат – один раз помирать, так уж скорее бы». Несчастная сестра суетится между нами и ничего не может поделать. Все-таки бомба разорвалась где-то рядом, но мы, славо Богу, остались живы. Но ничего страшнее на фронте я не видел.

Поезд тронулся, в Туле летчиков сняли и поместили в госпиталь, а нас повезли дальше – в Сибирь. Мы были практически одними из первых раненных с фронта и на остановка нас встречали прежде всего женщины, расспрашивали, как там на фронте, долго ли продлится война. А что мы могли отвечать? Утешали, вселяли надежды, а в ответ получали фрокты, молоко – все, кто что мог принести.

Наконец, мы прибывали в Омск. Нас разгружают и перевозят в госпиталь – роскошное здание старой конструкции, расположенные почти

в центре города. Моют, передевают, как положено в чистое белье и укладывают в чистые кровати в палату человек на 12. Проваливаемся в сон. Утром пожилой солдат громко произносит – Уж не в раю ли мы, ребята?» Улыбающаяся сестра разносит градусники – у всех даже самых тяжелых, нормальная температура. Ходячие идут на завтрак – мне приносят костыли и я, опираясь на них, на одной ноге тоже следую в столовую. Я пишу о всем об этом, потому что на всю жизнь запомнились первые минуты и часы возвращения к «мирной жизни». И дальше – все как в сказке, будто не было ни окопов, ни пуль, ни снарядов, ни бомбежки с воздуха, ни телячьих вагонов с ранеными, издыхающими из жары.

А теперь о главном. Обход врачей во главе с хирургом (он же главврач госпиталя) – улыбающимся высоким мужчиной – подходят и к моей постели. Осматривают мою бедную ногу, на которой даже рана затянулась, а разогнуть ее нельзя. «Ну, что же, молодой человек, подумаем, что с тобой делать – нужно оперировать или лечить иным способом. А сейчас – на рентген». После этого и множества анализов – заключение: оперировать опасно – осколок рядом с нервом и, задев его, можно на всю жизнь оставить ногу в согнутом положении. «Будем лечить физиотерапевтическими методами. Как Вы на это смотрите, молодой человек?» Как я смотрю? Я счастлив! Через день хожу в кабинет, где мне накладывают свинцовые шины и прогревают – через день.

А на следующей неделе – новое видение – входит в палату с пачкой книг в руках девушка и заявляет – «Я библиотекарь госпиталя, кто и что хочет почитать?» Я, конечно, первый! Как я мог ожидать, что либо подобное! Она подходит, садится к моей койке, спрашивает фамилию, имя, характер ранения и какая литература меня интересует. Какая? Прежде всего, я не окончил танковое училище и хочу поднабраться технических знаний по машинам, чтобы после лечения перед фронтом получить командирское звание ну, и, конечно, художественную литературу для

повседневного чтения. Видно, что все это ей понравилось, ну а как мне, понравилось, можно заранее предположить.

Познакомились – Борис – Рита «А что сейчас у тебя в руках?», – спросил я. «Я читаю «Воскресенье» Толстого»: – а не дать мне почитать «Каренину»? и «Войну и мир» (честно признается не весь). Я читал, а, «Воскресенье» нет» – «пожалуйста», – ответила она. И мы тут разговорились сразу на «ты» так как были ровесниками – она тоже только что закончила десятилетку и решила во время войны не поступать в институт, а поработать в госпитале, помогая раненым: а я ей неожиданно рассказал об учителе литературы, который на уроках говорил не только о писателях, названных в программе, но и тех, кто не входил в нее. Так мы узнали о Достоевском и даже А.И.Бунине, который жил за рубежом. Но особенно интересно было слушать о западно-европейских (буржуазных) авторах, которых нам просто запрещалось читать. Так в связи с Тургеневым он рассказывал о Жорж Санд, специально останавливался не только на Александре Дюма, но и на Бальзаке, Викторе Гюго и даже Оскар Уальде и Ибсене.¹ Конечно, их произведений у нас в поселковой библиотеке не могло быть, а в деревне, где я был учителем тем более.

Оказывается, некоторых из этих писателей она читала как и других, которые были даже у них в домашней библиотеке. Потом она принесла «Трех мушкетеров» и «Двадцать лет спустя» Дюма, которых я умудрялся читать по ночам в коридорах, осилил «Утраченные иллюзии» Бальзака и даже «Теве-мелочника» Шолом-Алейхена. Мы много говорили и о литературе и о жизни – я даже рассказал ей о судьбе мамы. Вобщем, мы стали друзьями, о большем же я даже не мечтал.

---

¹ Сейчас очень подозреваю, что Дмитрий Михайлович Бояков, о котором я уже рассказывал, был арестован по навету какого-нибудь бдительного родителя, которому его сын или дочь – ученики нашей школы – делились знаниями по литературе, а по полученным на уроках и сочли его «буржуазной пропагандой», о чем не могли не сообщить «куда следует». Так мы лишились великолепного знатока литературы и педагога.

А время шло. Пока добирались до Сибири, пока шло лечение сообщения о войне становились все мрачнее и мрачнее – потеряна Белоруссия, оккупирована Прибалтика, половина Украины, бои шли на подступах к Ленинграду и Москве. Поступали новые и все более тяжелые раненные, шли разговоры о бездарности командования, об отсутствии в войсках настоящей связи, автоматов, но также восхищались нашими танками Т-34 и ИС.

Лежать больше было не в терпеж, тем более, я уже забросил костыли и стал ходить совсем нормально – боли никакой не испытывал. Наконец, в один из вечеров сестра объявляет нескольким из нашей палаты – завтра на выписку. Утром в каптерке переодеться в свою форму, получить сухой паек, дорожные деньги, и после обеда нас отвезут на сборный пункт. А ты, Сапунов, должен к 11 час. Зайти к главному хирургу на осмотр и беседу».

Вот и все. Начинается новая жизнь. Что-то будет, куда направят, кем, на какой фронт, дадут ли доучиться и получить звание – ведь все-таки почти два года провел в училищах – неужели зря?

Переодевшись в военное (даже отутюженное сердобольными работницами) перепоясанный командирской портупеей, стучусь в кабинет хирурга. Оказывается этот тот, который и принимал нас. «Ну, как дела, молодой человек. Выглядишь ты браво», – улыбается он, вставая навстречу «со здоровьем все хорошо, благодаря вашей заботе и решению не делать операцию, а лечить физио-терапевтическими методами – нога совсем зажила». Показываю, как свободно двигаюсь. «Да вот душа болит – разрешите поделиться с вами тем, в каком положении я оказался? «Садись, рассказывай, – приглашает он меня к столу. «Я, конечно, готов прямо отсюда отправиться на фронт. Но может быть полезнее, чтобы мне дали закончить училище и уже в качестве командира отправиться снова воевать». Тут я откровенно рассказал ему, что меня мучило по этому

поводу. «Ну, что же, – сказал он – это разумно. Мы попробуем позвонить кое-кому, может быть это поможет. Во всяком случае, не падай духом, я желаю тебе всего хорошего и еще долгих лет жизни и успехов в военном деле – вон каким молодцом ты выглядишь!» И на прощанье он крепко пожал мне руку. Естественно на то, что мне кто-то поможет надежды оставалось мало.

Теперь надо зайти в библиотеку и проститься с Ритой. Кажется, в военной форме я произвел на нее «впечатление». «Как тебе идет военная форма!» Ты уже выписываешься? Как жаль – нам друг с другом было так интересно! Я ведь, все, о чем мы говорили, передавала маме – и она передает тебе привет и желает самого лучшего в твоей предстоящей судьбе» – «Рита как зовут твою маму?» – «Наталья Дмитриевна» – «Господи, ведь так звали и мою маму! Теперь я будто получил от нее благословение и хочу верить, что со мной ничего плохого не случится» – «верь – и напиши мне – вот тебе конверт – вскроешь его тогда, когда очень захочешь сообщить, как ты живешь. Там внутри и мой адрес». Мы впервые (как оказалось, в последний раз) обнялись и поцеловались. Разные, разные судьбы предрек нам Всевышний. А нас с вещьмешками и шинелями на руках привезли на сборный пункт, не успели мы войти в казарму, как дежурный закричал «кто из вас здесь Сапунов – к начальнику». Оставив ребятам свое имущество понесся по вызову. Постучал в дверь – «войдите» – по вашему вызову сержант Сапунов явился» – «садись» – предлагает капитан. – «Садись, раз говорю». Присел на краешек стула к столу. – «Ты знаешь военврача второго ранга Либготта?» – «Конечно, это доктор, который принимал первый нас в госпитале и все время наблюдал за моим лечением, потому что у меня было необычное ранение – осколок располагался под коленкой рядом с нервом и нога не распрямлялась. Он предложил не оперировать, чтобы не задеть нерв, а лечить локально. И вот – вылечили...» «– Хорошо, он позвонил ко мне и сказал, что ты – курсант

танкового училища. Это так?» – «Да, Борисовского танкового, которое с первых дней войны было на фронте, а сейчас я не знаю, где оно». – «Что же ты хочешь?» – «Мне бы закончить училище, получить звание – тогда лучше будем воевать». – «Да, а где же такое училище есть?» – «По нашему профилю таким является Саратовское танковое училище. Если бы можно было туда...» – «Ладно. Действительно, что же не обученного опять на фронт. Война-то, видно, не скоро кончится. Иди, получи документы и проездные и валяй в свой Саратов».

Не веря своим ушам, пулей выскочил из кабинета, схватил вещи – и в канцелярию. Все еще не соображая, что произошло, еду на вокзал, к военному коменданту. Он распорядился посадить меня в поезд, который идет через Сызрань, а там сяду на пароход до Саратова – маршрут известен.

Не помню, сколько суток тащился поезд, с кем и как я ехал, – все, как в угаре. В Сызрани подумал – заехать домой, повидать стариков, Шуру, сестренку, но, во-первых, время явки было ограничено, а, во-вторых, если примут в училище и окончу его – сразу съезжу к ним – тут уж недалеко.

Итак, Саратов. С пристани, расспросив, как проехать в танковое училище – двинулся на розыск. Вот оно. Позвонили в управление. Выписан пропуск. Вхожу в приемную, показываю направление и курсантскую книжку. Внимательно читает «Друг, да ведь ты не к нам» – «Как не к вам?» – упало сердце! – «Да так. Твое-то, бывшее Борисовское тоже здесь, Саратове, – «не может быть»! Сойти с ума! – «Где же оно расположено?» Рассказывает и провожает в распоряжения училища. Я на крыльях лечу, опять не веря, что это правда.

Но это сущая правда, правда! Рядом с железнодорожным вокзалом – в одноэтажном кирпичном здании – управление и надпись «3-е Саратовское училище бронетранспортеров и бронемашин». Вхожу –

дежурный вроде знакомый капитан. Провожает меня в строевой отряд. Тут уж все удивлены – ведь они только что подготовили на меня документы, связанные с фронтом. Докладывают обо мне начальству. Тот же начальник училища корпусной комиссар И.З.Сусайков, комиссар Михеев, зам.начальника по строевой – тоже знакомый капитан «Товарищ корпусной комиссар»! Курсант Сапунов прибыл в Ваше распоряжение». – «Ну, здравствуй, герой, рассказывай, где ты пропадад столько времени!» Я поведал свою Одиссею и закончил – «Прибыл доучиться, а потом – снова на фронт». – «Ну, мы это посмотрим, – во-первых, мы твоих сокурсников уже выпустили и тебе тоже будет присвоено звание «лейтенанта». Во-вторых, твой хотя и небольшой опыт пригодится здесь для подготовки курсантов. Проценко, – обращается начальник училища к ком.бату, – возмешь его командиром взвода?» – «Конечно, – отвечает тот, – я его хорошо знаю». – «Да, кажется мы его представили к награде?» «Ну вот, – вступает в беседу комиссар Михеев, – устраивайся, вставай на комсомольский учет – и за работу».

Так я в одночасье стал и лейтенантом и командиром взвода 3-го Саратовского училища бронетранспортеров и бронемашин (СУБ.Б) – бывшего Борисовского. А главное – круг замкнулся. Я возвратился на Родину, начинается новый этап жизни. Каким он будет – одному Богу известно.

Итак, теперь я могу, наконец, сказать словами Пимена – «Исполнен долг, завещанный от Бога, мне грешному». И хотя эти величины не сравнимые, для меня он также бесконечно значим, как и для пушкинского персонажа. Я должен лишь благодарить Всевышнего, что он дал мне долгую жизнь, чтобы я мог воскресить в памяти и воплотить на бумаге

образы дорогих мне людей, которым я обязан жизнью и всем лучшим, что, надеюсь, во мне есть (плохое – результат собственной самодеятельности).

Думаю, что судьбы этих людей, непосредственно связанных с жизнью и судьбами Большой Родины (России) и малой (Волжской Отчизной) – Алексеевкой и Хвалынском – во многом типичны для XX века. В них найдут нечто важное для устроения души не только мои наследники – но и каждый, кто не сочтет за труд взять написанное сердцем эти ностальгические записки и наберется терпения дочитать их до конца. А я, если Бог даст здоровья, продолжить свои воспоминания о дальнейшем непростоem своем пути жизни. В заключение же – Благодарственная Молитва.

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ МОЛИТВА

**Благодарю тебя, Господи,
За то, что дал мне в добром здравии
Прожить минувший день,
За благополучие семьи моей,
Родственников и друзей.
За тихое житье и благочестие
Богохранимой страны нашей,
За встречи с добрыми людьми –
Соседями, коллегами, учениками.
За общение с творениями твоими –
Солнцем, Землею, лесом, садом,
С боговдохновенными трудами людскими –
Книгами, музыкой, картинами.
За все, за все тебя благодарю.
Ты же меня благослови,
Ты же меня помилуй**

**За грехи мои тяжкие – вольные и невольные.
Все ты мне дал, Господи.
Одно прошу тебя: даруй мне и супруге моей
Доброго здоровья и непомутненного разума
На все оставшиеся в этой жизни дни.**

**Борис Сапунов,
1994-2008**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Часть первая

Судьбоносные истоки жизни

Очерк первый

Природа. Волжская Швейцария

Очерк второй

Духовные истоки. Исторический экскурс

Очерк третий

Из прошлого – в настоящее. Хвалынский

Часть вторая

Лики судьбы

Очерк четвертый

Алексеевка. Дом родной. Усадьба. Завод

Очерк пятый

Школа. Учителство. Исход

Очерк шестой

Москва. Армия. Фронт. Возвращение

